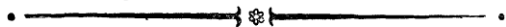

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 2020

ВАСИЛИЙ БЕРЕЖНОЙ

ГОЛУБАЯ ПЛАНЕТА

*Фантастические повести
и рассказы*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»

© Состав: издательство «СпутникTM», 2020
© Перевод, кроме повести «В ЗВЕЗДНЫЕ МИРЫ»,
V. Timoshenko-Pastraki, USA, 2019

ГОЛУБАЯ ПЛАНЕТА

Фантастическая
повесть

*Перевод с украинского
В. Тимошенко-Пастраки*

Впервые: В. Бережний. Голуба планета: Уривки з повісті
Журнал «Знання та праця», 1960, №№ 3 – 4

Василь БЕРЕЖНИЙ

(Уривки з повісті)

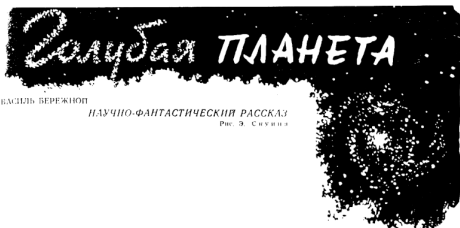
Малюнки О. Захарова

- То же самое: Фантастична повість
Журнал «Наука і життя», 1961,
№№1 – 6

Василь БЕРЕЖНИЙ

Первая публикация на русском языке:
Василий Бережной. Голубая планета:
Научно-фантастический рассказ
Рис. Э. Скуинья
Наука и техника (Рига), 1961, №№10 – 11

ВАСИЛЬ БЕРЕЖНОЙ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рис. Э. Скуинья

Публикация на русском языке в журнале «Наука и техника» (Рига) в виде рассказа является частично сокращенным переводом глав повести, опубликованных в журнале «Знання та праця» от первой до главы «Подводный город» включительно.

Иллюстрации О. Захарова, Э. Скуинья, Г.С. Зубковского.

Художник, иллюстрировавший публикацию в журнале
«Наука і життя», не указан.

Перевод осуществлен по публикации в журнале
«Наука і життя».

© Перевод, V. Timoshenko-Pastraki, USA, 2018

ГОЛУБА ПЛАНЕТА

Василь БЕРЕЖНИЙ

(Уривки з повісті)

Малюнки О. Захарова

Золу́бая ПЛАНЕТА

ВАСИЛЬ БЕРЕЖНОЙ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рис. Э. Скуина

Василь БЕРЕЖНИЙ

СВЯЗЬ С РАКЕТОЙ ОБОРВАЛАСЬ

Ночь была тихая, ясная и теплая. Над головой, точно серебряный, плыл Млечный путь. Его туманные дали навевали на людей какие-то неопределенные чувства. Там, далеко-далеко, мириады солнц и планет сливались в одно сияние — смутное и невероятное. Неужели и там есть земли с мыслящими существами, есть счастье и страдание, радость и грусть?

Из-за темной стены деревьев показалась Луна. Ее бледный свет залил двор обсерватории, и стали хорошо видны круглые павильоны со сферическими крышами и люди, молча сидевшие на скамейке у главного корпуса. Здесь были две женщины, юноша и двое детей — мальчик и девочка. К молодой женщине жалась девочка, видимо, ее дочка, возле старшей примостился мальчик, очень похожий на того юношу, что сидел на краю скамейки. И не удивительно, что они похожи: это сыновья Петра Петровича, начальника экспедиции, полетевшей на Венеру. Женщина постарше — их мать. Младшая — сестра другого космонавта, инженера Подгайного. Она пришла к обсерватории с дочерью.

— Пойди, может, что есть... — тихо сказала старшая женщина, не поворачивая головы.

Юноша молча встал и пошел к высоким дверям главного корпуса. Женщины сидели неподвижно. В глазах их отражалась тревога: у одной — за мужа, у другой — за брата.

Постоянная связь поддерживалась с ракетой до тех пор, пока не поднялась электромагнитная буря. Если на Земле вышли из строя многочисленные радио- и телефонные

станции, телеграфные линии, то что же говорить о ракете, которая попала в самый вихрь электромагнитной бури. Сквозь шум и треск в приемниках вначале еще удавалось поймать отдельные фразы и слова. Подгайный сообщал о хромосферных вспышках на солнце, передал показания приборов. А потом... потом только шум и треск неслись из наушников и репродукторов.

Все эти дни пункт связи с ракетой, оборудованный в главном корпусе обсерватории, непрерывно атаковали корреспонденты. Миллионы людей ждали известий о полете «Мечты», а родные, переживая за судьбу космонавтов, дни и ночи проводили здесь. Что с ракетой? Жив ли ее экипаж?

Медленно плыла в небе Луна, равнодушная к людским тревогам, неслышно передвигались по траве тени деревьев.

Вернулся юноша. Уже по тому, как он медленно шел, точно нехотя — видно было, что ничего утешительного он не принес. Но все же женщины не удержались, чтобы не спросить:

— Ну что? Не слышно?

— Ничего нет. Молчат.

Юноша вновь сел на краю скамейки, оперся локтями на колени и положил на ладони голову.

— Точно ничего? — переспросила мать.

— Ни звука, — отвечает юноша. — Звонил из Алма-Аты дедушка Надежды. Он звонит через каждые два часа. Ему тоже ответили: «Связь с ракетой оборвалась».

Надежда — это третий член экипажа, внучка старого астроботаника, который работал где-то в горной обсерватории возле Алма-Аты.

Из дверей главного корпуса обсерватории вышел высокий тонкий человек в очках. Женщины заволновались: может, есть вести?

Мужчина подошел, снял очки и начал старательно протирать их.

— Нет, нет, — поспешно сказал он, — никаких вестей нет. Но вы успокойтесь и поезжайте домой... Ничего ведь не случилось. Очевидно, вышел из строя передатчик. Они его

наладят, и связь восстановится... Сразу же известим вас. Пожалуйста, слушайте меня, езжайте домой, уже поздно, и дети измучились.

Разве мог он знать, какая судьба постигла ракету?

ЭЛЕКТРОМАГНИТНАЯ БУРЯ

Кровавый туман застилает глаза, страшно болит голова. Кажется, вот-вот она разорвется на куски. Еще одна попытка двинуть рукой — пальцы не шевелятся. Страшная сила ускорения расплющивает тело... Живы ли другие члены экипажа? И почему не работает рация? В голове Игоря Подгайного все смешалось, перепуталось, заплесало причудливым узором, какой-то мозаикой разноцветных пятен и линий. Среди этого хаоса сознание выделяло серебристый серпик, окруженный фиолетовым блеском, — Венеру. Серпик то уплывал за красный горизонт, то вдруг приближался к глазам. Игорь терял сознание, бредил... «Венера.... Венера...»

Так стальная ракета с поэтическим названием «Мечта» отправилась с Земли на Венеру.

Трое астронавтов лежали в специальных надувных костюмах и сначала довольно легко переносили ускорение. Когда двигатель был выключен, и ракета понеслась со скоростью 11,3 км/сек., они начали чувствовать себя совсем легко, можно сказать, даже бодро. Но когда наступила невесомость, это задало немало неприятностей Наде Смеречанской! Начальник экспедиции Петр Петрович и инженер Подгайный не раз уже летали на Луну. Она же в космической экспедиции впервые. «Полевой цветок» — окрестил ее Подгайный.

Не ощущая своей тяжести, девушка делала довольно странные движения. Это ее беспокоило и вместе с тем — веселило.

— Ничего, на Венере лучше буду ходить! — улыбалась Надя, — я обязательно там сделаю букет из местных роз.

В первые три недели полета все чувствовали себя хорошо, проводили научную работу, отдыхали; серьезные разговоры перемежались шутками, остротами. В иллюминаторы видны были разноцветные россыпи звезд, все больше удалялась Земля, а Луна, казалось, подходила к ней все ближе.

Надя ежедневно делала записи в бортовом журнале. Вот и сейчас она села в свое удобное кресло, из которого, если нужно, можно сделать кровать. Положив на колени журнал, девушка начала записывать события последнего дня.

Экспедиция на Венеру была рассчитана почти на год; два месяца — на дорогу в одну сторону, чтобы добраться до планеты, несколько месяцев — на ознакомление с нею и для того, чтобы выждать нужного положения Земли, да два месяца — на возвращение. Согласно этому расчету были сделаны и запасы продуктов, кислорода, воды.

Надежда задумалась, пытаясь представить себе будущее. Что их ждет там, на Венере?

Будущее. Незримо оно входит в сегодня, сливается с ним и уже проносится, делается прошлым. Вспомнила свое детство. Мать ее погибла во время авиационной катастрофы, и девочку еще маленькой забрал к себе дедушка — известный астроботаник. Жили они высоко в горах, где раз-

мещалась обсерватория. Дедушка научил ее любить природу, узнавать растения. В школе Надя мечтала об университете. Наконец поступила... Конечно, на биологический. Потом и это будущее стало прошлым — она получила диплом. Но в дали грядущего вновь вырастала ее новая мечта: полет в межпланетное пространство. Астроботаник был твердо убежден, что на Венере есть буйная растительность, хотя его оппоненты решительно это отвергали. И Надя добилась, чтобы ее взяли в экспедицию. Девушка тешила себя мыслью о том, как обрадуется ее дедушка, когда она привезет ему богатейший гербарий с Венеры. Надежда имела задание изучить оптические свойства растительности на Венере и установить их зависимость от атмосферного давления.

И вот она приближалась к своей мечте. Это уже было не будущее, а настоящее. Она летит со своими товарищами в космическом корабле. Как ей хочется, чтобы быстрее несло время!

Инициатором этого полета был начальник экспедиции Петр Петрович, — коренастый человек с янтарными, коротко подстриженными усами и острым взглядом серых глаз. После того, как в Советском Союзе была создана космическая ракета, и наши ученые (среди них и Петр Петрович) побывали на Луне, сразу же началась подготовка экспедиции к ближайшим планетам. Марс привлекал внимание многих, но Петру Петровичу удалось все же добиться, чтобы ракету послали вначале к Венере.

Спектроскопические исследования этой планеты показали, что ее атмосфера имеет высокий процент углекислоты. Некоторые астрономы, не говоря уже об авторах научно-фантастических романов, начали говорить о «молодости» Венеры. Один фантаст написал длиннейшую повесть, в которой сочно рисовал огромных червей и пауков, пиявок, драконов, будто бы населяющих Венеру. Петр Петрович не разделял мыслей этих ученых. Почему они полагают, что Венера более молодая, чем Земля? Только потому, что там обнаружена углекислота в верхних слоях атмосферы? Но ведь ни одна теория, начиная с Канта-Лапласа и кончая ги-

потезами Шмидта и Фесенкова, не дает никаких оснований допускать, что Венера моложе всех своих сестер-планет.

В лице Игоря Подгайного Петр Петрович нашел себе не только союзника-энтузиаста космических полетов, а и друга, единомышленника. Взлохмачивая всей пятерней свою роскошную шевелюру, Подгайный увлеченно говорил: «Конечно, сперва нужно на Венеру!».

Петр Петрович предложил и фантасту лететь, но тот отказался. Старый, мол, да и по драконам не соскучился.

Одним словом, Петр Петрович был человеком науки и, чтобы послужить ей, не останавливался ни перед какой опасностью. Видный ученый, он вместе с тем был очень простым человеком, любил пошутить. Вот и сейчас, весело улыбаясь, он сказал:

— Не пора ли нам, друзья, подкрепиться?

— Я — за, — отозвался Подгайный.

На столике тотчас же появились овощные консервы, сушеные продукты и таблетки витаминов, положенные заботливыми руками Нади.

— Эх, если бы свежие овощи были, — сказала Надя. — Мы сделали бы салат из огурцов, лука, помидоров, капусты... Полили бы сметанкой!

Мужчины поддержали ее. Заговорили, перебивая друг друга, о черешне, землянике — такой сочной, в росе, — и других вкусных вещах. Вспомнили и о молодой картошечке.

Петр Петрович сказал:

— Видите, сколько доброго растет на Земле? А мы еще, бывает, и недовольны.

— Так на Земле идеальные условия для жизни, — философствовала Надежда. — Только далеко не все люди научились пользоваться ими... Хотя человек и покорил атом, хотя он и вырвался в межпланетный простор, но успехи эти не могут устранить общей отсталости. В самом деле, на всех континентах расширяются пустыни, уменьшаются площади лесов. В доисторическое время были зеленые горы, наверное, и в Сахаре. Но вследствие истребления лесов изменился климат огромных районов Месопотамии, Аравии, Малой

Азии. Мелеют, совсем пересыхают реки, выветривается плодородный слой земли. За одно столетие почти четверть всех плодородных земель мира стала непригодной. Это равно территории Франции, Испании, Португалии, Италии и Швейцарии, вместе взятых. Кроме того, человечество раздирают противоречия, и если оно не одумается...

Неожиданно заплескали сигнальные огоньки пульта управления, и начатый разговор оборвался на полуслове. Петр Петрович и Подгайный переглянулись. Инженер кинулся к пульта, а начальник — к телескопу. Не отрываясь от матового окуляра, предназначенного для наблюдения за Солнцем, Петр Петрович сделал несколько снимков и вполголоса промолвил:

— На Солнце грандиозное извержение.

Наблюдали за Солнцем по очереди. На нем творилось что-то невиданное. Грандиозные вихри высотой в несколько миллионов километров бушевали на его поверхности. Огненные смерчи вздымались на сияющем диске с невероятной быстротой, корона трепетала и росла, росла...

— Таких сильных хромосферных вспышек на Солнце еще не было, — говорил Петр Петрович, склонившись возле «фильтра» космических лучей. Прибор работал напряженно: интенсивность космических лучей усиливалась с каждой минутой. Она превысила норму в 1000 раз, а потом в 3000 и 9000! Обо всех этих явлениях Игорь Подгайный немедленно известил по радио Землю.

Межпланетная «погода» ухудшалась. Рация начала работать с перебоями и потом совсем смолкла. Игорь раздраженно кричал в микрофон, ковыряясь в передатчиках, но кроме шума и сухого треска, заполнившего его уши, ничего не слышал.

Электромагнитная буря все нарастала. Извержения быстрых частиц высоких энергий мощными волнами неслись от Солнца. На ракету налетел невидимый шторм. Перестали работать приборы. Быстродействующая электронная машина «взбунтовалась»: то вдруг без всякого задания выдавала бесконечные столбцы чисел, то замирала.

На нарушение режима ее работы оказала действие и поднявшаяся температура. Экипаж с тревогой следил за экраном осциллографа. Когда машина самопроизвольно, не подчиняясь воле людей, включила атомный реактор, у каждого замерло сердце. Реактор заработал на всю мощность, а с ним и силовая установка, двигавшая ракету. Отключить эту установку нельзя, ибо в таком случае ракета станет атомной бомбой: реактор перегреется и взорвется.

Ракетой уже нельзя было управлять. Ослепленная, оглушенная, она помчалась неведомо куда. Связь с Землей не восстанавливалась.

Трое людей чувствовали себя оглушенными. Им что-то давило на плечи, в глазах проступало равнодушие ко всему окружающему. Это не укрылось от внимания Петра Петровича.

— Только не ослаблять воли к борьбе! — сказал он. — Держаться!

Но только успел Петр Петрович снова сесть за телескоп и сделать несколько измерений микрометром, как лицо его вновь побледнело.

— Товарищи, мы сбились с курса и приближаемся к Солнцу!

Тревожная мысль жгла огнем. Их несет к Солнцу, и они бессильны что-либо сделать.

Вскоре они почувствовали, что ракета нагревается все сильнее.

Когда «Мечта» пролетела орбиту Венеры и расстояние до Солнца уменьшилось до ста, а потом до девяноста восьми миллионов километров, начала одолевать жара. Лица космонавтов покрылись потом, сердца их бились так, что в ушах шумело. Невзирая на это, Петр Петрович продолжал вести наблюдения с помощью телескопа, а Игорь Подгайный возился возле пульта управления, напрасно стараясь возобновить власть над реактором. Лишь Надя стояла возле стены и широко открытыми глазами смотрела то на начальника, то на взлохмаченную шевелюру инженера.

«Неужели мы так и погибнем?» — думала Смерчанская, и эта мысль жгла ее, точно раскаленное железо.

«Вот это буря, — сердился Подгайный. — Что б ее черти взяли! Хотя бы рычагами унять реактор. А то жмет, сумасшедший, прямо к Солнцу! Хочет распылить нас на атомы... Да мы, брат, так не дадимся!»

«Если нас вынесет на орбиту Меркурия, температура поднимется до четырехсот градусов, — соображал Петр Петрович, — охлаждающая установка не выдержит».

Тянулись долгие часы физических и моральных мучений. Трое смельчаков не спускали глаз с белой шкалы термометра, прикрепленного на коричневой кожаной обшивке. Вот он показывает 55 градусов, 58, 60...

Стрелка ползет и ползет вверх... 62... 63...

— Это ничего. Такая жара бывает в Сахаре, — успокаивал Петр Петрович. — До Солнца еще очень далеко. Я все-таки надеюсь, что буря уймется, и нам удастся наладить управление, — вытирая мокрый лоб, продолжал он. — А сейчас нужна выдержка, товарищи, выдержка!

— Но уже шестьдесят пять, — склонив голову, промолвила Надя, — шестьдесят семь... шестьдесят девять...

— Перестаньте, наконец! — резко оборвал Петр Петрович Смеречанскую.

Она вяло опустилась в кресло, молча закрыла усталые глаза. Петру Петровичу стало жаль девушку. Он хотел освежить ее водою, но передумал: от водяного пара будет еще тяжелее дышать.

Не только Надя, но и Подгайный тоже был, словно пьяный. Сбросил комбинезон, дышал тяжело. У Петра Петровича голова шла кругом, глаза застилал туман. Хотелось

прилечь хоть на несколько минут, дать отдых рукам и ногам... «Неужели я раскис?» — подумал Петр Петрович. Потом, выкрутив мокрый платок, вновь вытер лицо, шею и напряжением воли заставил себя подойти к телескопу. Посмотрел. Солнца в нем не было. Посмотрел еще раз. Да, нет никакого сомнения: ракета больше не приближается к Солнцу!

— Мы спасены, товарищи! Слышите?

Надя и Подгайный облегченно вздохнули.

Термометр показывал 34°, Его стрелка уже не ползла вверх. Ракета, видимо, шла по своей новой орбите, огибая Солнце, ибо температура и не поднималась, и не падала. Но ускорение росло, так как тяжесть чувствовалась все сильнее.

Наконец, Петр Петрович всецело овладел собой. Не отрываясь от инструментов, он строго приказал приступить к работе.

В кабине мало-помалу восстановилась рабочая атмосфера. Игорь Подгайный с новой энергией накинулся на мол-

чащую аппаратуру: проверял реле, фотоэлементы, полупроводниковые триоды. Он прилагал все силы, чтобы наладить управление реактором и возобновить связь с Землей. Надя делала записи в бортовом журнале и помогала инженеру.

ТАЙНА ПЕТРА ПЕТРОВИЧА

Работали молча, точно берегли силы. Но никто не мог отогнать невеселых мыслей, роившихся у каждого в голове. Если человеку невесело, то ему и говорить не хочется.

Шло время, а хромосферные вспышки на Солнце не прекращались. Двигатель продолжал работать, быстро глотая драгоценные запасы «горючего» - углерода. Автоматика никак не хотела покоряться Игорю.

Петр Петрович углубился в вычисления, чтобы установить координаты ракеты. Электронная вычислительная машина не действовала, и ему пришлось орудовать карандашом. Костлявые пальцы начальника экипажа крепко держали голубой карандаш, под которым листы бумаги покрывались формулами. Казалось, они просто стекают с тоненького грифеля карандаша. Петр Петрович шевелил густыми бровями и все решал сложные уравнения, сотни уравнений!

Усталость давила на плечи, свинцом наливала пальцы, но он заставлял себя работать: нужно было как можно быстрее определить орбиту ракеты.

И вот, сквозь кружева формул перед Петром Петровичем стала вырисовываться новая орбита «Мечты»,

«Неужели гипербола?» — с ужасом подумал ученый. Это был еще не окончательный результат, лишь наметки. Но страшная правда больно ударила в глаза, развеяла последние надежды.

«Если «Мечта» летит по гиперболе, — размышлял Петр Петрович, — то она уже никогда не вернется в Солнечную систему!». Когда под влиянием электромагнитной бури электронная машина включила реактор, он надеялся, что, во-первых, буря будет не вечно, а во-вторых, солнце будет удерживать ракету в пределах своей системы, как оно удерживает десятки тысяч маленьких планеток-астероидов. Тогда можно будет, надеялся ученый, наладить управление и все-таки добраться до Земли. Теперь страшная догадка развеяла эти надежды. «Если «Мечта» мчится по гиперболе, она уже никогда, никогда не вернется в Солнечную систему!»

Нужно любимыми силами остановить реактор. Электромагнитная буря не стихает, и напрасно надеяться, что электронная автоматика начнет действовать. К тому же, при такой интенсивной работе котла некоторые его части могут перегреться, защитная оболочка и сами урановые стержни расплавятся. И тогда это будет не авария, а катастрофа. Действовать нужно немедленно, ибо ускорение нарастает, и дальше медлить нельзя!»

Бывает так в человеческой жизни - внутренне еще не принятое решение влечет к себе из дали, заставляет лихорадочно обдумывать, взвешивать все «за» и «против», но даже сквозь колебания и сомнения знаешь: ты совершишь его, чего бы это не стоило. И вот наступает миг, когда психологическая подготовка закончена - человек отвергает нерешительность, переходит Рубикон! Теперь уже прочь размышления — действовать, действовать!

Так случилось и с Петром Петровичем. Он наблюдал невероятные извержения на Солнце, разговаривал с Игорем и Надеждой, — где-то в глубине души нарастало, крепло, утверждалось решение: своими руками остановить реактор. Знал, что это опасно, что радиоактивное облучение, которому он себя подвергнет, — смертельное, но он никогда не согласился бы, чтобы это сделал кто-то другой, хотя бы и Игорь. Эта мысль возникла у него первого — значит, он и должен осуществить ее. Так велит ему совесть.

Он знал, что это небезопасно, что радиоактивное излучение — смертельно, но никогда бы не согласился, чтобы реактор остановил кто-то другой. Он предвидел, что Игорь и Надя решительно запротестуют, потому строго приказал:

— Ускорение нарастает, предлагаю занять свои места.

Подгайный вопросительно поглядел на Петра Петровича. Его, видимо, насторожил тон, каким были сказаны эти слова, выражение лица, на котором отражалась решительность.

— А... вы? — тревожно спросил Игорь.

— Я иду к реактору, — просто сказал Петр Петрович.

— Нет, нет, — Игорь прижал к себе согнутые в локтях руки и двинулся вперед. — Это сделаю я.

Что-то теплое и любовное промелькнуло в глазах Петра Петровича, но он тут же нахмурил брови, отвел взгляд.

— Что значит «нет», товарищ Подгайный? — подчеркнуто холодно промолвил он. — Начальник экспедиции — я. Приказываю немедленно занять свои места!

Пришлось подчиниться. Хмурясь, Игорь без пререканий полез в надувной лежак. Надя уже была на своем месте.

Надевая защитный костюм со свинцовыми прокладками, Петр Петрович старался припомнить план энергетического комплекса, чтобы наметить свои движения в нем. Движения должны быть быстрыми, точными. Ведь каждая лишняя минута пребывания в зоне радиации уменьшает и без того ничтожные шансы на спасение.

Петр Петрович хорошо знал конструкцию реактора, установленного на ракете. Количество энергии, которую

производит его котел, регулируется тормозными стержнями из гафния. Когда эти гафниевые стержни поднимаются вверх, то есть удаляются из уранового «топлива», - реакция усиливается; когда они опускаются, преграждая путь нейтронам, реакция в котле стихает. Положение тормозных стержней регулируется автоматическим предохранительным механизмом. Электромагнитные тиски прочно удерживают стержни на том или ином уровне. Ток к тискам идет от генератора, который, в свою очередь, работает благодаря реактору. Получается замкнутый круг: действует реактор — работает генератор, сила тока сжимает электромагнитные тиски, которые удерживают тормозные стержни, и этим дают возможность работать реактору.

Итак, задание понятно: надо разрубить этот замкнутый круг, и реактор остановится, застынет. Разрубить... Но где? Вывести из строя генератор — это тяжелое повреждение. Лучше перерезать кабель высокого напряжения. А он так расположен, что достать его нелегко. И именно этот нерв и надо прервать. Он воспользуется портативным сварочным аппаратом. Таких приборов на ракете два — на случай неожиданных повреждений, в том числе и от метеоритов. Но на этот раз Петр Петрович не будет сваривать, а наоборот — будет рассекать. Резанет по кабелю — и готово.

Он оделся в защитный костюм. Затуманенным взглядом окинул кабину и, преодолевая страшную тяжесть, отодвинул толстый прозрачный люк, чтобы войти в энергетический отсек. Люк за ним закрылся.

Хотя он все продумал, рассчитал и был готов к наихудшему, однако не мог предвидеть, что возле реактора его свалит не радиоактивность стержней, а нестерпимая жара и ужасное ускорение. Не знал, что перережет кабель, напрягая последние силы, уже погибая. Он помнил лишь одно: это нужно сделать, во что бы то ни стало!

Если бы кто-нибудь заглянул в отсек, то увидел бы на лице Петра Петровича болезненно трагическое выражение, которое как бы говорило, что он узнал что-то очень тайное и очень важное...

Но никто из членов экипажа не мог сейчас подняться. Нарастающее ускорение с огромной силой прижало их к лежакам.

Надя мысленно разговаривала с дедом-астроботаником. «Не надо, дедушка, сокрушаться. Мы же не присыпаны землей, мы будем вечно летать среди звезд. Видишь, как они роятся вокруг...» А Игорю снилось, что он попал под реактор, и вся многотонная бетонная защита давит ему на грудь.

Перед глазами у него танцевал серебристый серпик на темно-коричневом фоне, сердце билось, точно птица в силках, и он шептал: «Венера... Венера...»

ПИСЬМА В ПРОШЛОЕ

Письмо первое

«Милый дедушка!

Может, хоть на бумаге вылью свою тоску о Петре Петровиче. Он погиб, останавливая реактор. Очевидно, сила ускорения прижала его к сердечнику двигателя, и под собственным весом раздавилось его сердце, произошли кровоизлияния... Это был настоящий человек! Кристально чистый, сердечный, золотой человек. Игорь плакал. Чтобы сдержаться, он кусал себе губы. Не уберегли... Потеряли... Какая жестокая и неумолимая смерть. Неужели человечество ее никогда не переборет?

Прошло больше года, как мы стартовали. Больше года в ракете! А сколько же прошло на Земле! Игорь утверждает, что много, очень много. Он прочитал мне целый курс по теории относительности, и я теперь хорошо знаю, что на телах, которые движутся в тысячи раз быстрее, чем Земля, время проходит совсем иначе — медленнее. Год нашего полета равен примерно 50—70 земным годам...

Это так, но все-таки оно не укладывается в моем сознании! Когда мы прощались, тебе было шестьдесят пять. Неужели ты, дедушка, уже не встречаешь розовых утренников и не слышишь журчание горного ручья! Игорь доказывает, что если бы мы попали на Землю, то увидели бы новое поколение...

Если бы ты знал, как мне хочется пройтись босыми ногами по земле, хочется почувствовать ветер, дождь, солнце. Помнишь, как я любила грозу! Сердце сжималось от страха и радости; казалось, на небе великаны дерутся, кидаются молниями и ездят в железных колесницах по железным

крышам, а когда перевернут гигантскую цистерну, то вода заливает все вокруг. Или вдруг загромыхает так, что, кажется, рушатся горы, перекатываются камни, и от того облегченно вздыхает земля.

А тут в ракете тесно, царит полная тишина. Особенно за ее обшивкой. Тишина и вечный холод космического пространства. Ох, как они угнетают нас, дедушка, если бы ты знал! Но мы не сдаемся. Одному тут можно было бы сойти с ума, а вдвоем — это уже коллектив.

Игорь решил наладить управление ракетой и работает с таким рвением, что, я верю, добьется своего! Ведь он уже соединил разрезанный кабель. Теперь не отступает от электроники: то сидит над схемами, ероша пятерней свою лохматую шевелюру, то без конца проверяет сложную схему проводки или экспериментирует с полупроводниками. Если не разговаривает, то мурлычет "космические" песенки, которые сочиняет сам. Вот одна из них:

*Нам словно дивятся звезды
И издали нам шлют приветы...
А «Мечта», как рыбка в море,
Летит к непознанному свету!
Летит, и нет ей удержу —
Вперед, только вперед!
Она никогда не погибнет,
К победе нас принесет!*

Наблюдение неба проводим по очереди. Однажды, дежурия у бортового телескопа, я обратила внимание на три яркие звездочки. Мне показалось, что раньше их не было. Особенно меня поразило то, что яркость их менялась. Разбудила Игоря, который тут же припал к окуляру. Какую-то минуту он смотрел, а потом бросился к торпедному аппарату — на нас мчались метеориты! Опасность была страшная и неожиданная. Пальцы у Игоря дрожали, и он никак не мог наладить аппарат. В телескоп уже было видно большие каменные глыбы, которые, медленно вращаясь, приближались

к нам. Один камень был величиной с наш домик. Мне показалось, что на нем стоит какая-то ослепительно-белая статуя, но то, конечно, была игра света. Все ближе и ближе... Я закрыла глаза, ожидая удара. Но в этот момент металлическое тело ракеты сотряслось — это выстрелил аппарат, и Игорь успел распылить метеориты атомными «торпедами»!

Наша жизнь теперь идет размеренно, однообразно.

Оба мы сильно похудели, осунулись, потому что паек пришлось уменьшить в десять раз, больше уменьшать нельзя ни на грамм. На Земле, где значительную часть энергии человек вынужден отдавать на преодоление тяготения, мы бы на таком пайке не прожили и двух недель. А тут получается большая экономия энергии. У Игоря выросла изрядная борода, и над ней мы иногда прикалываемся. «Юный дедушка» — так прозвала я его. А он меня провозгласил хозяйкой звездных просторов.

Игорь человек замечательный — такой отзывчивый, умный, энергичный. Я знаю: на Земле у него осталась любимая. Ни одного слова не сказал он о ней, но она все время с ним — в его воображении, сердце. Я это чувствую и... немного завидую ей. Вот если бы и меня кто так верно любил!

Какое это большое счастье — быть человеком! Иногда думаю: какие-то атомы сгруппировались так, что вышел камень. А мои атомы соединились таким образом, что дали совершенно новое качество — живую, мыслящую материю. И вот я лечу среди звездных миров. И не они вмещают меня в себя, а это я охватываю их умом и ношу в голове!

Хоть мы невероятно далеко от Земли, от всей Солнечной системы, но чувствуем себя частью человечества. Мы — его глаза, его взгляд, брошенный в будущее. Разве мы имеем моральное право на пессимизм? Разве не должны работать?

Но тоска все-таки грызет сердце... Полжизни отдала бы за то, чтобы взглянуть на тебя, родной. Хотя бы издалека...»

Письмо второе

"Дорогой Дедушка!

Прошли целые годы с тех пор, как мы покинули родную планету. Игорь уверяет, что на Земле уже прошли века. Если бы знать скорость нашей ракеты, то можно было бы вычислить... И приборы молчат... Века, или нет, но, наверное, очень много. Я знаю, что пишу эти письма в далекое прошлое. Это очень странно, и мне как-то самой не верится. Однако это — факт, вытекающий из теории относительности... и значит, ни меня, ни Игоря там уже никто не ждет.

А звезды играют всеми цветами спектра. Какое же это величественное зрелище! На темном бархате рассыпаны блестящие драгоценные камни: белые, желтые, голубые, синие, красные... Помню, как ты мне рассказывал древнегреческий миф о музыке небесных сфер. Иногда мне кажется, что я слышу эту нежно-тревожную, непостижимо-прекрасную музыку.

Целыми "днями", как зачарованная, любуюсь звездами, мечтаю в мыслях о потерянной Земле. И тогда становится легче на душе. Порой мне становится жаль саму себя. Молодость, любовь... Неужели этот огонь погаснет, даже не будучи разожжен? А как бы мне хотелось иметь семью, чтобы рядом бегал маленький сынок, такой шалун с веселыми глазами. И вот такого мужчину верного, как Игоря: его давно никто не ждет на Земле, а он любит... Кого? Свою давнюю мечту. Я уважаю его верность. Правда, иногда становится тоскливо от того, что Игорь не видит во мне девушки, но это лишь на мгновение. Мы стали братом и сестрой. Это чувство оттесняет все другие. А разве оно не прекрасно? Я не имела брата — и вот он рядом, навсегда.

Время от времени фотографируем небо. Все научные наблюдения я записываю в бортовой журнал. Игорь в шутку говорит, что я пишу «Войну и мир». А сам он сделался поэтом! Сколько написал стихов! Может, это потому, что здесь нет ярких критиков?

Мы не теряем оптимизма. Но что же будет с нами? Неужели так бесследно и погибнем? Ничто мне так не терзает, как мысль о том, что проживешь жизнь пустоцветом и не оставишь ничего хорошего, никакого следа.

Мы частенько философствуем с Игорем на эту тему. Да и не только на эту. Некоторые из своих размышлений срифмовал Игорь. Вот его стихотворение:

«В БУДУЩЕЕ»

*Кто сказал, что Тьма всевластна,
Захватила просторы бескрайние,
И солнца горячие поглотила,
И забрала силу у Света,
Силу ту, что расстояния преодолевает,
Неся Тепло живым планетам?
Так извечно в борьбе меж собою
И Тьма, и Свет, и Тепло, и Холод.
Победа всегда за Светом,
И он, как музыка, пронзает
Нашу бессмертную и прекрасную Вселенную,
Давая жизнь и тепло без границ!
Нет, тьма не коснется «Мечты»!
На звездных лучах Света она несется
В дальние дали. За морями Времени
На высоких берегах цветущих
Будущее встретит нас ласково
— Здравствуйте, герои! — загремит.*

Когда же оно встретит-то? Когда загремит? О, дорогой дедушка! Трудно нам приходится!»

Письмо третье

«Родной дедушка! Наконец-то Игорь наладил управление ракетой! Хотя мы этого добивались, этим жили, но когда желанный миг настал и электроника заработала — это

была неожиданность. Сначала вспыхнули контрольные лампочки, заколебались, задрожали стрелки приборов, легкий хруст прошел по контактам, будто человек расправил руки и ноги после неудобного и долгого сидения. У Игоря даже дрожали руки, когда он заряжал первую перфорированную ленту.

Со страхом дал он машине задачу включить реактор на пять секунд. Глухо загудел двигатель и тут же замолчал. Выполнила, все в порядке. Теперь можем управлять полетом!

Какая-то далекая планетная система вынырнула с левого борта. Если мы не затормозим скорость ракеты, то нас снова занесет в глубины галактики. Необходимо искать пригодную для жизни планету, ибо иначе погибнем.

Игорь подготовил задачу машине: повернуть ракету кормой вперед и постепенно снижать скорость. Когда скорость ракеты уменьшится до 15 километров в секунду, — направим ее в некий «порт». Довольно уж блуждать в космических пространствах. Но хватит ли топлива — углерода? Контейнеры очень опустели...

Эх, если бы вот вернуться на Землю! Хоть и без гербария...»

ИСКРЫ В ТЕМНОТЕ

Сколько она проспала, Надежда не знала. И когда Игорь разбудил ее — сразу встала, несмотря на слабость и усталость. Хоть и была ослаблена физически, похудела, но девушка чувствовала себя бодро. Огонь жизни не погас в ее груди, а глаза смотрели на мир с удивлением и восторгом. Во время долгого путешествия она освоила новую для себя отрасль астрономии, сделала много ценных наблюдений над скоплением звезд, особенно — над ядром нашей галактики. Все это, отраженное в многочисленных фотографиях, спектрограммах, давало ей материал для научной работы, которую Смеречанская вела очень усердно. Игорь всегда старался помогать, и сейчас ни за что не разбудил бы ее, если бы не загадочное явление...

— Сможешь дежурить? — участливо спросил он, пока Надежда поправляла себе волосы.

Девушка посмотрела на его длинное, исхудалое лицо, запавшие глаза и коротко сказала:

— Конечно.

Игорь вытер платком виски.

— У меня, видимо, глаза болят, — тихо заговорил, садясь к телескопу. — Вот роятся, танцуют какие-то звездочки, как искры... Как вот помнишь — вечером, в темноте, из дымохода...

— А ну, дай я...

Надежда села к инструменту. Что такое? И у нее перед глазами плясали искорки. Словно с невидимой паровозной трубы — золотыми капельками летели они на темном фоне. Протирала глаза, закрывала, но ничего не менялось. Казалось, эти искорки растут, приближаются, их все больше и больше...

— Ну что? — спросил Игорь. — Как твои глаза?

— Да понимаешь... Что-то тоже мигает.

— Вот видишь.

Они долго молчали. Затем Игорь отошел от телескопа, попросил:

— Но ты наблюдай. Пусть искры, пусть хоть что, а следить за небом надо. Может, глаза привыкнут...

Игорь уселся в своем кресле, собираясь заснуть. Ему долго не спалось, искорки всплывали перед глазами. Наконец, все-таки задремал.

Спал или не спал — Надежда разбудила его. Девушка была встревожена.

— Игорь, слышишь? Или у меня уже двоится в глазах, или мы попали в какую-то звездную систему. Уже не искры, а настоящие звезды. Ну, иди же, посмотри!

Игорь поднялся и молча подвинул к телескопу. Но то, что он увидел, быстро отогнало дремоту. Пальцы его крепко сжимали инструмент.

— Нет, нет, это не звезды, Наденька! — шептал он, не отрываясь от окуляра. — Это... маленькие планетки, астероиды... я замечаю, как меняется их блеск...

— Но ведь и у звезд...

— Что у звезд! Я вижу их... Да, это маленькие планетки... Одна продолговатая. А эта почти круглая... Да, мы попали в пояс астероидов.

— Так это же замечательно! Значит, мы прилетели в какую-то планетную систему.

— Прекрасно, но опасно.

Ситуация, в которую они попали, встревожила Игоря. Возможность столкновения с астероидом была очень реаль-

ной. Более того, Игорь был уверен, что этой опасности избежать не удастся. Конечно, десяток небольших метеоритов он успеет расстрелять из торпедного аппарата. Но ведь их здесь тысячи, десятки тысяч! И это же планеты: большинство их имеет большие массы. Ракета против них, это — камешек против горы. Если удариться о такую массу...

В то же время хотелось побывать на астероиде, и не просто из любопытства, — необходимо было поискать «горючего», углерода, потому что осталось его совсем мало.

Игорь вычислил диаметры трех астероидов, выделявшихся среди других. Потом сравнивал данные через каждый час — диаметры, хоть и медленно, но все-таки увеличивались. Следовательно, скорость астероидов не на много превышает скорость ракеты. Передняя планетка примчится к ним, как поезд к подвижной платформе, и, значит, можно будет «пришвартоваться» без аварии...

Надежда тоже не сидела, сложа руки. Она определяла альбедо астероидов.

— Ну, что? — спрашивал Игорь. — Уже?

— Сейчас, — ответила она, не отрываясь от прибора. — Мне кажется...

— Что тебе кажется? — горячился Игорь.

— Эти каменные астероиды! — уверенно сказала Надежда.

— Проверь еще раз, это очень важно.

Повторное исследование подтвердило предварительный вывод: астероиды были каменные!

Послав Надежду отдыхать, Игорь то садился на стульчик возле инструмента, то вскакивал, поглядывая на затихшую Наденьку. Его мозг назойливо сверлила мысль... А что, если они потратят топливо для посадки на астероид, а там не найдут ничего?

Опять преник к окуляру. Ослепительный свет резанул ему глаза. Но со временем глаз приспособился, и Подгайный смог разглядеть планетку, которая догоняла их. Ее блестящая поверхность уже не вмещалась в окуляр. Присмотревшись, Игорь заметил на ней резкие тени от шпилей и

гор. Она быстро приближалась... Когда расстояние между ней и ракетой сократилось настолько, что можно было ждать столкновения, Игорь сел за пульт и включил двигатель. Искусно маневрируя, он «прилепил» ракету к небольшому выступу на астероиде так, что Смерчанская даже не проснулась.

АСТЕРОИД «НАДЕЖДА»

Перед глазами космонавтов открылся пустынный пейзаж: серая каменная поверхность изрезана трещинами, на которой то здесь, то там торчали небольшие скалы причудливой формы. Линия горизонта казалась совсем близкой — рукой подать.

Теперь, когда ракета пристала к астероиду, бросалось в глаза, что его поверхность освещена очень слабо. Да и не удивительно: среди звезд на темном фоне неба Игорь с трудом отыскал светило, вокруг которого путешествовала по своей орбите планетка. Далекая звезда сияла, словно драгоценный камень.

— Наконец, мы на твердой почве! — воскликнула Надежда. — И, к нашему счастью, планетка каменная. Здесь обязательно должен быть углерод, причем, в большем количестве, чем на железных астероидах.

— Я тоже надеюсь, — сказал Игорь, впервые за все путешествие надевая скафандр. — А знаешь что? Давай назовем эту планетку «Надежда». В твою честь... и чтобы оправдались наши надежды.

Смерчанская засмеялась:

— Ну, что ты!

— А чего же? Ведь немало астероидов, движущихся между орбитами Марса и Юпитера, имеют собственные названия: Церера, Паллада, Веста, Юнона, Эрот, Идальго, Гермес... Кстати, ты помнишь, какая сила тяжести на поверхности Цереры? Она равна $1/30$ земной.

— А тут? — спросила Смерчанская.

— На астероиде "Надежда" притяжение, видимо, еще меньше, — улыбнулся Игорь. — Церера имеет диаметр 770

километров, а «Надежда»... гораздо меньше. Диаметр ее, очевидно, около сотни километров.

Игорь вспомнил, что знаменитый английский астроном Гершель считал, что у многих астероидов есть собственная атмосфера.

— Пусть бы он здесь посмотрел...

— Так это же здесь! — возразила Надежда.

— Это не имеет значения — здесь или там. Законы природы везде одинаковы.

— А как ты думаешь, неужели нигде во вселенной нет материи с совсем, совсем другими свойствами? — сверкнула глазами Надежда. — И неужели природа исчерпывается известными человечеству элементами?

Игорь ответил не сразу.

— Кто его знает... — наконец начал он рассуждать вслух. — Люди изучили, да и то далеко не полно, лишь пространство вокруг себя. Наша наука выработала взгляд на галактику, даже на систему галактик. А что происходит по метагалактическому "горизонту"? Вполне возможно, что материя имеет там другие, неизвестные нам качества и формы... Природа бесконечна в своем разнообразии.

— А как, по-твоему, — продолжала Надежда, — в системе этой звезды есть такие планеты, как Земля?

— Думаю, что есть, — уверенно сказал Игорь. — Не может такого быть, чтобы маленькие планетки существовали, а больших не было. В конце концов, мы это скоро узнаем. Мы сделаем так, как делало человечество в своем историческом развитии: сначала ознакомимся с тем, что у нас под ногами, а потом посмотрим и на небо.

— Лучше давай так: ты знакомься с астероидом, а я начну наблюдения неба. Сам же понимаешь, что отыскать планеты на таком расстоянии...

— Нелегко! — докончил ее мнение Игорь. — Что ж, хорошо. На своем астероиде ты можешь приказывать!

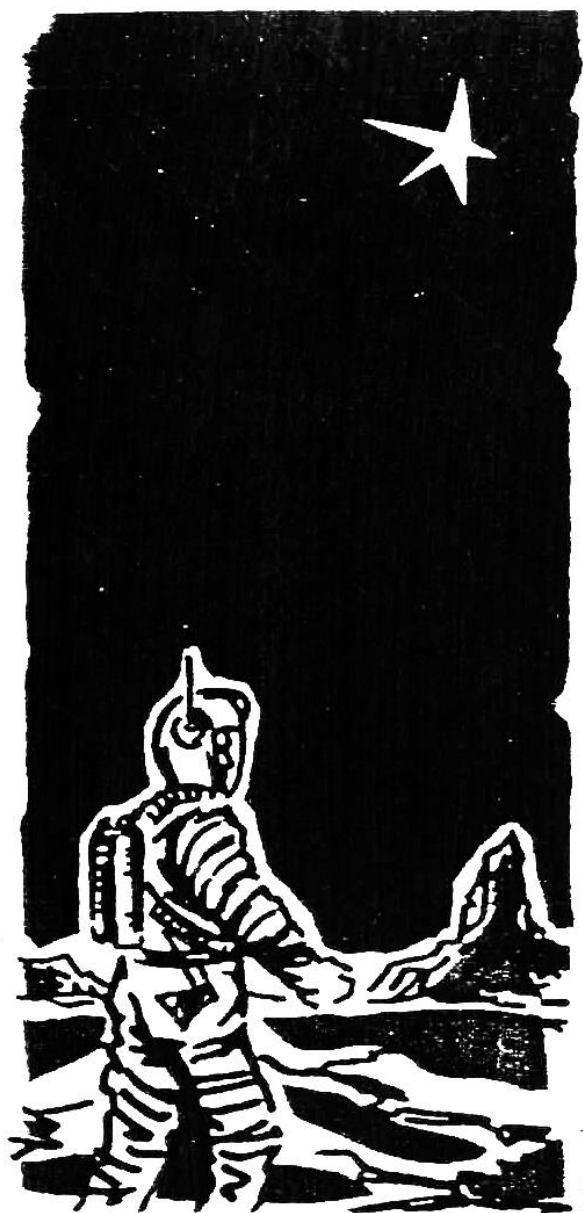
Игорь надел шлем, прицепил к поясу топорик и двинулся к выходу. Через шлюзовую камеру выбрался из ракеты,

ступил на поверхность и пошел совсем легко — тело его весило здесь очень мало.

Прошел немного, оглянулся — ракета уже была за горизонтом, только нос ее, чуть задранный кверху, блестел на темном фоне неба. Вскоре и его не стало видно.

Подгайный остановился, оглядываясь. Вокруг был хаос каких-то твердых пород, слабо освещенных далекой звездой. Она уже клонилась к западу, и ее лучи оставляли впадины, скользили все выше и выше.

Вдруг высоко на горе что-то вспыхнуло — белое, голубое, розовое... Будто от большого мощного рефлектора бил сноп ярких разноцветных лучей. Может быть, кто-то, невидимый отсюда, салютовал, подавая ему сигналы: я, мол, живу!

Игорь кинулся на салют. Он забыл, что здесь нет атмосферы, не думал о том, что астероид мертв. Бежал, легко перепрыгивая через огромные глыбы остросребристых камней, через широкие трещины, которые черными молниями прорезали поверхность. Ему казалось, что он летит, как птица! Поднимая голову, видел то удивительное сияние и вовсе бежал, бежал...

Вдруг сияния не стало. Звезда, высекавшая тот странный дивный голубовато-розовый пучок, зашла за соседний шпиль. Сразу стемнело. Тени ложились под ноги так быстро, что Игорь не заметил, как стемнело совсем. Только колочие звезды блестели вверх. Он начал искать дорогу назад. Сначала бежал вслепую, но вовремя остановился: чуть не упал в глубокую пропасть. Так можно и комбинезон повредить...

Рассказал Надежде по рации о сверкающие россыпи. Пришли к согласию, что это алмазы, то есть чистейший углерод, нужный им, как воздух.

Ночь на астероиде была очень короткая. День настал внезапно, без рассвета, без этого волшебного перехода, когда свет разливается на Земле еще до появления Солнца, — трепетный, нежный, мягкий... Здесь нет атмосферы, чтобы рассеивать свет, ткать прозрачные тени. Далекая Звезда выкатилась из-за горизонта, бросила лучи на холодную поверхность планетки, — и день начался.

Снова вспыхнул «маяк» радужным светом, и показалось Игорю, что еще ярче!

«Бесспорно, это сияют драгоценные камни! — рассуждал Игорь. — Это алмазы играют всеми цветами радуги... А что такое алмазы? Углерод! Плотность его намного больше, чем у технического углерода, который используется для создания реактивной тяговой силы ракеты». Надо разведать

это месторождение, что поднималось перед ним, как многоэтажный дом. Разбежавшись, Игорь прыгнул вверх. Ощущение полета захватило его дух...

Когда опустился на шпиль, усеянный сияющими камнями, выпавшими из породы, — облегченно вздохнул. Теперь уже не было сомнения, что это настоящие алмазы. Сдерживая волнение, Игорь снял с пояса топорик и начал отбивать образцы. В ракете они сделают анализ, но и теперь ясно, что это выход на поверхность кимберлитовой жилы с огромным содержанием алмаза. Из-под топорика брызнули куски породы с вкрапленными в них кристаллами прекрасного минерала. Эти вкрапления сияли, искрились в лучах далекого Солнца... Нет, ни один банк не имел и части того богатства, которое лежало у Игоря под ногами. Но оно интересовало его как горючее. Под действием высокого давления и температуры в специальных камерах сломаются эти удивительные хрустальные решетки, атомы превратятся в ионы, и магнитное поле циклотрона с страшной быстротой погонит их огненные потоки в дюзы... И это будет новая красота — красота безудержного движения!

* * *

Когда Игорь ушел, Надежда долго смотрела ему вслед. Потом зарядила пленкой автоматический фотоаппарат, соединенный с телескопом, навела его на определенный участок неба и включила. Теперь надо только ждать. Аппарат будет делать снимки через равные промежутки времени, и планеты легко будет отыскать на фото — они изменят свое положение на фоне звезд.

Надежда удобно улеглась в своем кресле-кровати, а когда стемнело — прилегла. Ощущение веса приятной негой разлилось по телу. Девушка потянулась, устало вздохнула. Затем положила руку под голову, веки ее сомкнулись, и она окунулась в легкий прозрачный сон.

Ей приснился дедушка. Седой-седой, как лунь. Сидит на черном камне во дворе обсерватории, кругом горбатятся горы, а он щурится против солнца и спрашивает:

— Что же ты, внучка, привезла мне из далеких миров? О чем там узнала? Какие удивительные растения видела?

Надежда хочет сказать дедушке что-то значительное, что-то важное, но никак не может произнести слов. Мысль бьется в ней, как ребенок, а звуков нет. Она испуганно оглядывается и замечает, что к ней действительно прижимается мальчик — улыбчивый, крошечный такой... Тогда сами собой родились слова:

— Удивительные цветы во Вселенной, дедушка, это дети... — Подтолкнула мальчика к старику, и тот радостно побежал, протягивая ручонки. — Ничего прекраснее детей я не видела во всей нашей звездной системе!

Дедушка прижимает мальчика к себе, щекочет его белой бородой, ласкает. На его ресницах дрожат слезы счастья.

— Да, да, Наденька, человек — это самая удивительный цветок в природе! Ты недаром облетела всю Галактику — ты привезла мне величайшую мудрость!

Вдруг дедушкино лицо и все вокруг — обсерваторские здания, суровые горы — ярко осветились. От этого чудесного сияния Надежда и проснулась. «Хороший сон, — подумала. — Давно мне не снились такие сны... О, да это же Игорь вернулся!»

— Надежды наши оправдались, Наденька! Вот видишь, — высыпал Игорь на пол сияющие камни. — Это богатство твоего астероида! Думаю, что горючим мы теперь обеспечены.

— Ну что ж, я рада, — сказала Надежда, взяв несколько камешков на ладонь и любуясь ими. — Хорошо, что мы не ювелиры, а то жалко было бы перемалывать их в порошок. Это же редкие алмазы! О, да какие большие!.. На Земле таких еще не находили... Сколько же нам нужно?

— Откроем карьер и будем брать, пока не наполним контейнеры. Вот только трудно — заложишь много взрывчатки — полетят камни в межпланетное пространство: притяжение же мизерное!

— А ты понемногу... Может, сделать углубление наподобие тоннеля и там уже рвать, чтобы не разлеталось?

— Верно!

...Вот что значит для человека хорошее настроение! Оно и бессильному силу дает. Надежда могла убедиться в этом, наблюдая за Игорем. Где у него столько энергии берется? Казалось, устал мужчина вконец, а вот открылась перед ним перспектива — и плечи расправил, улыбка заиграла... Правда, он и раньше не жаловался, но все же был печален, подавлен. Теперь будто расцвел. С какой упорной настойчивостью он будет добывать углерод!

— Вот нагрузим контейнеры и тогда... выбирай планету! — шутил он, поглядывая на девушку веселым глазом.

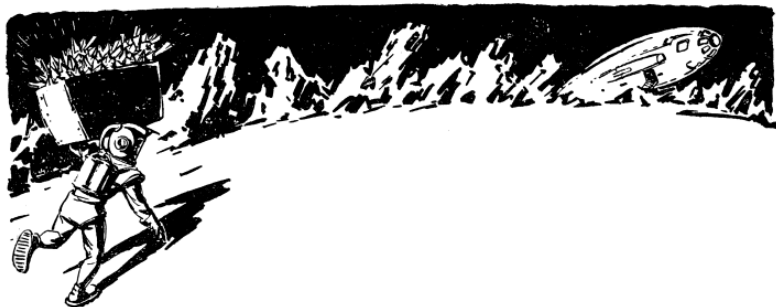
Игорь нетерпеливыми руками схватил металлический ящик, из которого торчала длинная трубка. Она заканчивалась конусом, на конце которого темнело небольшое отверстие.

— Теперь поработаем! — похвастался. — Понимаешь, это — газовый электробур! Хорошо, что я вспомнил...

— Не очень я в этом разбираюсь, но раз ты говоришь, то...

— Это чудесная штука! Прикасаюсь к породе этим конусом. Включаю атомную батарею. В газовом потоке в этом отверстии — электрический разряд. Возникают высокая температура и давление — не большое, не страшное, а такое, что порода, в которой зацементированы алмазы, начнет распадаться!.. На кусочки...

— Ты там поосторожнее, Игорь, — попросила Надежда, когда он, надев скафандр, пошел к шлюзовому тамбуру.

Через час она увидела в иллюминаторе, как Игорь нес к ракете большой ящик с блестящими камнями. Контейнеры заряжались извне.

Наконец, заготовив "топливо" и сделав технический осмотр силовых систем ракеты, Игорь начал помогать Надежде.

В изучении планетной системы Смеречанская наталкивалась на все новые препятствия. Дело двигалось не так быстро, как можно было думать сначала. Сбивали с толку эти яркие искры, что прочерчивали весь черный небосвод, — маленькие астероиды и метеориты. На фотографиях надо было отличить их от больших планет, которые неспешно плыли по своим орбитам. Каждой новой планете, которую им удавалось отыскать, они радовались, словно дети.

— Так это же знакомая модель! — воскликнул Игорь, когда они нащупали седьмую планету. — Это, пожалуй, наша Солнечная система!

Но через некоторое время они отыскивали восьмую, девятую, десятую...

— Ну что ж, не беда, — успокаивал Игорь, — если бы это была наша родная Солнечная система, то Земля — третья планета... Полетим на третью! Как ты думаешь, Надя?

Девушка не возражала. А когда вычислили расстояние третьей планеты от звезды, — намерения их еще сильнее окрепли. Ведь расстояние это было такое же, как и расстояние от Земли до Солнца!

Долго сидел Игорь у телескопа, наблюдая далекую планету, словно хотел заглянуть в неведомое. А она сияла среди тьмы мягким голубым светом и точно звала к себе.

— Голубая планета! Давай так ее назовем, Надя? Согласна?

— А почему бы нет? — отозвалась девушка, не отводя глаз от фотографий. — Это красивое название, но...

— Что «но»?

— Когда мы отправимся? И не умрем ли мы от голода, пока доберемся до этого голубого сияния?

Пока не вспоминали о голоде — как будто и не замечали его, а как только вспомнили, оба сразу почувствовали жгучую боль в желудках. То, что они до сих пор не погибли от истощения, было просто невероятным.

— У меня готовы почти все данные, — ответил Игорь. — Вот рассчитаю маршрут — и стартуем.

Для того, чтобы рассчитать маршрут, нужно было подготовить задание электронно-вычислительной машине, а именно это и отнимало больше всего времени. Игорь хорошо понимал, что чем тщательнее он подготовит задачу, тем точнее определит маршрут электронная машина. Поэтому он работал почти без отдыха, не жалея последних капель энергии. Поспит час — и снова садится к столу.

Наконец, Игорь закончил. Теперь очередь была за электронным мозгом машины. Она из тысяч вариантов должна выбрать лучший, которым и полетит "Мечта" к Голубой планете.

Игорь сел за перфоратор, выстукал задание. Приемная щель жадно глотала ленту...

Не успел Подгайный вытереть платком вспотевший лоб, как уже был готов ответ. Было полностью рассчитано расстояние в километрах, количество часов полета, количество нужного «топлива», время работы реактора и т. д. Больше всего интересовало Игоря время перелета.

— Угадай, Надя, за сколько долетим?

— Чем скорее, тем лучше.

— Нам лететь всего-навсего тысячу четыреста сорок три часа.

— Тысячу...

— Нет и полутора тысяч. Ну, чего ты недовольна?

— Да так... — Надежда замолчала.

Игорь махнул рукой:

— И всегда вы, женщины, чем-либо недовольны! Ну, не расстраивай меня перед торжественной минутой старта. По местам!

Эту команду «по местам» он воскликнул так, как будто здесь был многочисленный экипаж. Надежда не удержалась

от улыбки: «Ну, и Игорь!». Быстро легла на свое место, настороженно ожидая того момента, когда заработает реактор.

Включив машину управления, Игорь тоже поспешил к своему лежаку.

Лежали тихо. Слушали. Ждали...

Загремело! Зарокотало!словно некий могучий великан схватил их и понес, понес ввысь. Истома пронзила их тела, а сознание наполнилось надеждой: это же последний отрезок их долголетья пути!

Оборвался грохот. Внезапно, сразу. Ракета мчалась с постоянной скоростью, ощущение веса исчезло.

Взглянув в иллюминатор, Игорь увидел, как удалялись искры астероидов.

НОВЫЙ МИР

Игорь долго лежал с закрытыми глазами, а когда открыл — почувствовал, как резануло ярко блестящее свет, что заливал всю кабину. Он с трудом встал, подошел к иллюминатора. Что это? Вокруг сияла голубизна. Глаза его засветились радостью.

— Надю! Голубая планета! Да, да, действительно! Наконец!

— погоди, — обеспокоенно сказала Надежда. — Реактор молчит?

— За реактор не бойся. Машина сама включит его в нужный момент. Задание я дал еще на...

Будто утверждая его слова, взревели дюзы, тяжелое гудение наполнило кабину. Ракету сильно качнуло. Надежда и Игорь попадали. Держась за поручни, они добирались до своих кресел—лежаков. Теперь оставалось только ждать. Лежать и ждать, пока электронный глаз ракеты не выберет удобное место для посадки, а электронный мозг не посадит их на «берег будущего». Неожиданно они почувствовали толчки и сотрясения. Это голубая планета, преодолевающая отталкивание реактивных двигателей, притягивала космический корабль с большой силой.

Бесконечные минуты. Рокот двигателей болезненно отзывался в голове. Все это напоминало какой-то тяжелый сон, бред больного. Скорее бы уже стихло бушевание раскаленного газа в дюзах!

Надежда повернула голову, чтобы глянуть в иллюминатор, но кроме ослепительной голубизны, ничего не было видно. Девушке казалось, что она качается на качелях, как в детстве. Она закрыла глаза и представила себе тенистый сад, качели между деревьями...

— Сели! Мы уже сели! — крикнул Игорь.

Только теперь Надежда заметила, что двигатели стихли. Но ракета продолжала покачиваться. В чем же дело?

— Мы на воде, Надю! — снова закричал Игорь, — Представляешь? На воде! Значит, соединение кислорода и водорода распространено во Вселенной...

Зрелище было захватывающее. До самого горизонта, голубея, сверкал Океан. Долго смотрели наши путешественники на его колышущуюся поверхность, не отводя глаз. После темных и пустынных межпланетных пространств все это казалось каким-то невероятным чудом! Одна за другой набегали волны, накатывали на стальное тело ракеты, размыкались, чтобы за ней снова сомкнуться и так катиться без конца. Невольно приходила мысль, что вся загадочная планета полностью состоит из воды, и если бы они направили «Мечту» вглубь, то они всплыли бы на ее другой, противоположной стороне...

Что же делать? Продукты закончились, есть только вода...

Надежда и Игорь начали обдумывать свое новое положение, напоминавшее уравнение со многими неизвестными. Какой, например, состав воды? Нет ли в ней веществ, опасных для человеческого организма? Не ядовита ли атмосфера? Не смертельно ли для них излучение этой звезды, которая так щедро заливает своим светом Океан? Или — космические лучи? Задерживает ли их атмосфера?

Начали брать пробы.

Вдруг над волнами неизвестно откуда появилась целая стая больших птиц. Они летели так низко, что иногда касались воды своими крыльями. Их красивые головы с красными клювами поворачивались то влево, то вправо. Увидев перед собой тело ракеты, птицы не повернули, а только немного поднялись вверх, чтобы перелететь. Надежда заинтересованно глянула на них и не заметила ног. Только... уви-

дела, что у каждой птицы из спины торчит какой-то веер красочных перьев.

— Это у них, видимо, парус, — пояснил Игорь. — Сядут на воду — не надо будет грести ногами — их ветер гонит. Видимо, планета все-таки водная, потому что эти птицы не приспособлены к суше. Сейчас выйду...

— Подожди анализа проб. Я уже заканчиваю.

— Да что там анализ — птицы же живут!

— О, отлично! — радостно воскликнула Надежда. — Кислорода здесь много — 22 процента...

Дальше Игорь уже не слушал. «Не может быть ядовитой атмосфера с большим содержанием кислорода», — рассуждал он, высунувшись из люка без скафандра. Осторожно набрал воздух в легкие — ничего! Тогда вздохнул полной грудью и вылез.

Легкий, нежный ветерок обвевал его тело и словно пьянил. Ужасно захотелось искупаться, поплавать. По скобам на корпусе ракеты он сошел вниз и, наклонившись, зачерпнул рукой немного воды. Немного холодновата, но купаться можно. Попробовал на вкус. Вода была горько-соленая, почти такая, как и в земных океанах. Когда-то, очень, очень давно, еще до космического рейса, Игорь был хорошим пловцом и не раз успешно выступал в соревнованиях за общество «Наука». Ему тогда было двадцать пять лет. А теперь сколько? Сорок? Пятьдесят? Он не знал и только чувствовал себя ужасно измотанным и обессиленным. Может, искупаться, чтобы стать бодрее?

Сбросил комбинезон, белье повесил на перила. Игорь как в первый раз увидел свое чрезвычайно исхудалое тело. Кожа и кости! Куда же делись его твердые, как камень, мышцы?

Игорю мучительно было смотреть на свои бледные, до синевы, руки и ноги, впалые ребристые бока и живот. Одна борода только была роскошной — достигала чуть ли не до пояса.

Осторожно спустился в воду и, оттолкнувшись от скобы, поплыл. Очень быстро задохнулся, хоть от ракеты от-

плыл лишь метров на пять. В иллюминаторе виднелось лицо Нади. Чтобы отдохнуть, лег на спину. Легкая волна покачивала Игоря, словно хотела его убаюкать.

Но нежиться было некогда. Ужасно хотелось есть, и голод снова давал о себе знать резкими болями в животе. «Океан, — думал Игорь, — колыбель жизни. Не может быть, чтобы в нем не было рыбы!». Вспомнил, что, отправляясь на Венеру, они взяли немало всякого снаряжения.

Сейчас же выбрался на ракету. Оделся. Быстро отыскал небольшую капроновую сетку, примостился на скобах и начал рыбачить. «Если будут пролетать птицы-парусники, — думал Игорь, — постараюсь подбить хоть одного из пистолета. Эх, это было бы замечательно, попробовать птичьего мяса! Да и рыба — разве не вкуснятина?»

Заходило солнце — большое и, как показалось Игорю, очень розовое. Вот уже только краешек его теплился над водой. Затем утонул и он. Океан быстро темнел.

Игорь то опускал, то поднимал сетку. Долго ничего не ловилось. Наконец, в нее попали несколько рыбин, но схватить ему удалось лишь одну. Остальные выскользнули в воду. Игорь обеими руками прижал рыбину к груди, словно самое дорогое сокровище, понес в кабину. Радостно улыбаясь, передал ее Надежде:

— Вари уху!

Через полчаса они уже смаковали горячий суп — получилось по стакану бульона. Бережно подносили ложки к губам, дули на них и удовлетворенно причмокивали. Разве есть что-либо вкуснее свежей ухи!

Затем Игорь снова забросил сетку. Надежда села на пороге люка. Воздух пьянил ее. Широко открытыми глазами девушка всматривалась в этот неизведанный мир, и сердце ее наполнялось то радостью, то тревогой.

— Посмотри, Игорь! — вдруг вскрикнула она, показывая на небо.

Он поднял голову. По небу плыла яркая звезда — большая, сияющая, она словно приветствовала усталых путешественников.

— Как быстро движется этот спутник! — воскликнул Игорь, вспоминая неторопливую Луну.

— Жаль, что здесь нет еще и кольца — такого, как на Сатурне, — пошутила Надежда.

Игорь молча смотрел на небо, но сетку-то потянуло, и он перевел взгляд на воду. Посмотрел — и от ужаса мурашки побежали у него по коже. К ракете приближались какие-то чудовища. Их большие головы светились в темной воде. Свет то вспыхивал, то гас. Вот они, все ближе и ближе... Из воды появились лапы, будто жестикулируя. Какие странные твари! А как они ловко плавают! Точно рыбы! Вот и население этой планеты: водяные.

— Ты видишь, Надя? — не своим голосом закричал Игорь. — Подождите, вот я вас угощу!

Надежда так замечталась, что чуть не упала в воду, когда Игорь закричал и выстрелил. Какие-то чудища набросились на него... Раздался еще выстрел, и пистолет полетел в воду.

— Прячься! — заорал Игорь. — Включай реактор!

Но Надежда ничего не успела сделать. В одно мгновение мягкие лапы легли ей на плечи, и девушка потеряла сознание...

Далее все происходило как будто во сне. Надежда, сидя в поднятом кресле, будто сквозь пелену тумана видела, как таинственные существа рыскали в кабине. Их лоснящиеся и разноцветные тела так и мелькали. Игорь лежал, привязанный к своему месту. Его стерегли двое оранжевых чудовищ. Другие то заходили, то выходили.

Апатия и полное равнодушие охватили девушку. Все пропало. Эти загадочные существа, по-видимому, имеют достаточно развитый интеллект. Но что они хотят сделать с ней и Игорем?

Вскоре Надежде надели поверх волос небольшой обруч. Укололи руку ниже локтя. Она почувствовала, как постепенно что-то теплое-теплое разлилось по всему телу. А не сцеживают ли ее кровь? Открыла глаза. Нет, руку ей перевязали! Возле Игоря тоже возились. Надежда почувствовала, как к ней возвращается сила, бодрость! Неужели ей ввели какой-то экстракт энергии? Нет, эти существа добрые. Очевидно, они хотят спасти их, восстановить им здоровье.

Потом им обоим надели резиновые костюмы, вывели из ракеты и, легонько подталкивая, потащили в воду...

ПОДВОДНЫЙ ГОРОД

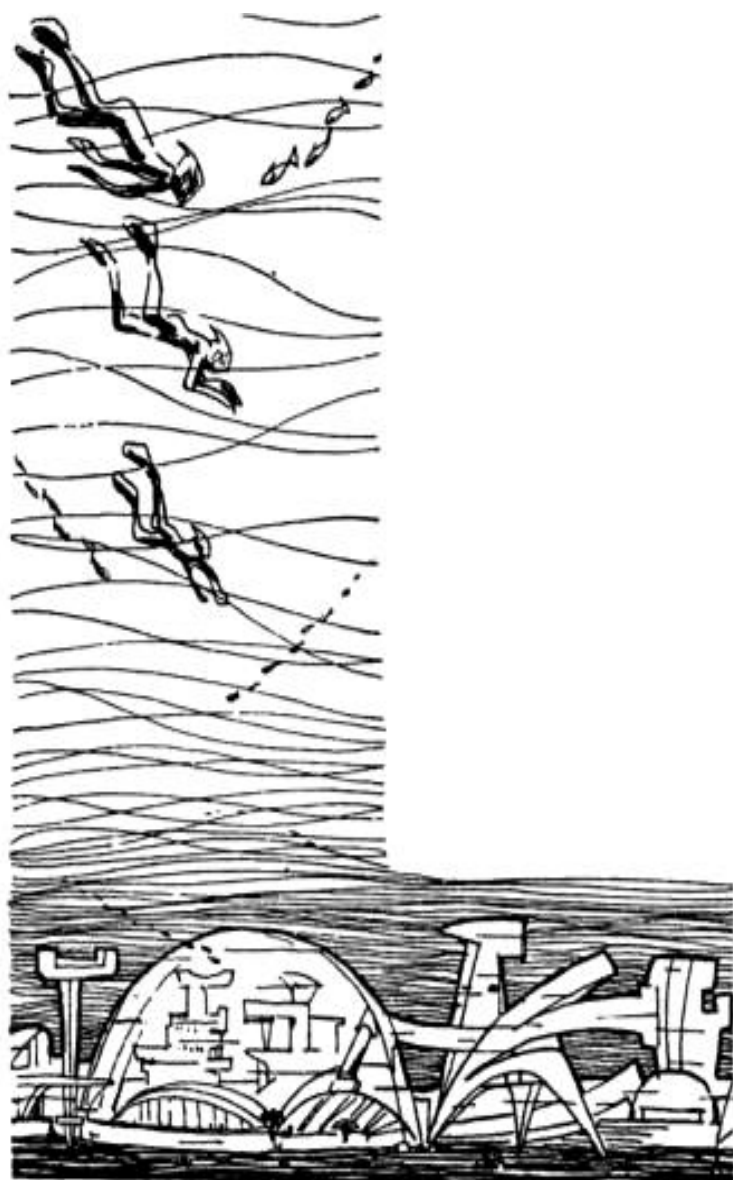
Водяные, держа своих пленников за руки, погружались все глубже и глубже. Сквозь очки в масках Игорь и Надежда с сожалением в сердце поглядывали в ту сторону, где осталось продолговатое тело ракеты, наполовину погруженное в воду.

Дорогая «Мечта»! Вот когда пришлось расстаться...

Спускаясь, делали короткие остановки. Видимо, чтобы привыкнуть к давлению. Прожекторы на шлемах водяных хорошо освещали путь. Игорь время от времени подавал какие-то знаки Надежде, но ей трудно было догадаться, что это значило. А он думал: «Я не стану подопытным кроликом для этих чудовищ! Только бы вернуться в ракету!..»

На одной из следующих передышек он дернулся, вырвался и, энергично гребя руками, поплыл вверх. Но пробить большую толщу зеленоватой воды было нелегко. Видно, мешали металлические сандалии. Через какой-то десяток метров его догнали водяные, которые плавали, как рыбы. Игорь отбивался руками и ногами, но они быстро угомонили его.

Далее спуск продолжался без происшествий. Вдруг внизу что-то засветилось, и Надежда увидела огромные подводные леса, которые покрывали все холмы. Вскоре наши путешественники заметили среди зарослей зелени целую систему сооружений, напоминающих гигантские полусферы. Они соединялись прозрачными трубами-тоннелями, по которым туда-сюда сновали существа, очень похожие на людей.

Чем ниже спускались, тем выше, казалось, рос лес. Наконец, ноги почувствовали твердую почву. Не отпуская Игоря и Надежду от себя ни на шаг, водяные зашли вместе с ними в какую-то заполненную водой камеру. Как только они ступили на ее пол, сбоку выдвинулась переборка из прозрачного материала и плотно перекрыла камеру. В это же время из нее начала вытекать вода. Или ее вытягивали насосами, или сама она стекала сквозь решетки в углах — не видно было, но уровень воды в камере быстро понижался. Вот вынырнули из воды головы водяных, потом — Игоря, наконец, и Надежды. Далее — плечи, грудь, вот уже вода спала до колен... исчезла совсем. Под ногами — сухой решетчатый настил, словно здесь воды никогда и не было!

Теперь Игоря и Надежду никто уже не держал. Водяные начали раздеваться. Они сложили свои вычурные костюмы в шкаф, оставшись в нательной одежде, что прекрасно облегла их крепкие тела. Игорь и Надежда внимательно следили за ними. Нет, это не чудовища, а люди, да еще какие! Крепкие, здоровые, высокие! И как можно было не разглядеть, что они в специальной одежде? Конечно, если бы это было днем, то Игорь не впал бы в такую панику... Хорошо, что хоть они не растерялись...

Надежда и Игорь стояли удивленные, растерянные. Они переминались с ноги на ногу и не знали, что делать. Сквозь маску Игоря комично торчала борода, и когда подводные люди поглядывали на нее, в глазах у них появлялись едва заметные улыбки.

Наконец с них тоже сняли маски. Подводные люди тихо переговаривались между собой; видно, советовались, что

делать дальше. Их речь была мягкой, мелодичной, удивительно знакомой.

— Здравствуйте, товарищи! — воскликнул Игорь, протягивая к ним руки. — Сначала я не рассмотрел... Было темно, да и неожиданно...

Улыбаясь, как будто ничего и не случилось, подводные люди пожимали им руки. Но что они говорили, понять было нельзя. Принесли костюмы, и когда Игорь и Надежда переоделись, повели их в свой подводный город.

Страх у наших путешественников сменился живым интересом. Жадными глазами смотрели они на разнообразное оборудование, жилища этих людей. А за прозрачными стенами зданий, в толще воды, стояли огромные водоросли. Иногда рыбы морды натывались на стены, очевидно, приманенные сюда светом. А откуда такой мягкий, ровный и приятный глазу свет? И почему здесь не холодно? Из какого материала сделаны эти сооружения?

Они вошли в большой зал, в котором стояло много каких-то приборов, а стены были завешаны большими экранами. За столом сидел пожилой человек. Седые волосы покрывали его голову, но усов и бороды не было. На вид ему было лет пятьдесят. Он жестом пригласил Надежду и Игоря садиться. Пристально посмотрел на их измученные лица, будто узнавая знакомых. Потом четко сказал:

— Вот и кончилось ваше путешествие, друзья! Правду говоря, никто уже на Земле не надеялся на ваше возвращение...

— На Земле? — прошептал Игорь. — Мы попали на родную Землю?

— Да. Сейчас вы на дне бывшего Северного Ледовитого океана, в одном из подводных хозяйств, на склоне горного хребта Ломоносова. Пока вы странствовали в космосе, человечество овладело глубинами мирового океана. В этом году руководить этим хозяйством поручено мне, а зовут меня Саджера. Я, видите ли, увлекаюсь не только историей и лингвистикой, но и гидробиологией. Как лингвист, я изучил древние источники языков. А по гидробиологии... Мы культивируем здесь, в океане, не только лекарственные растения, которых можно разводить на суше, но и растения съедобные, очень богатые белками и витаминами. Любая семья без исключения на всей планете питается продуктами, изготовленными из морских растений. А «морские луга»? Один гектар их дает, например, хлореллы более тридцати тонн! И это уже в высушенном виде. В этой водоросли 50 процентов белка, в то время как у пшеницы всего 12. Хлорелла — отличный корм для скота. А десятки, сотни других водорослей? Вы о них узнаете позже, если это вас заинтересует. Одно только скажу — океаны для нас не только идеальные пути сообщения, они и кормят, и лечат, и одевают людей... И все это вы увидите сами...

Саджера включил некий прибор, и на одном из экранов, бывших на стене, появилось изображение "Мечты". Она покачивалась на волнах, сверкая в лучах Луны!.. На дюзах сидела стайка парусников.

— Посмотри, Надю, наша ракета, — восторженно прошептал Игорь. — И Луна вышла! Такая же, как и тогда...

— Э, нет, не такая, — ласково возразил Саджера. — С того времени, как его посетили первые советские космонавты, — это была экспедиция Плугаря, — люди изменили ее природу. Теперь там есть глубинные и поверхностные города, добывается немало нужных для промышленности элементов.

— А с виду как будто ничего и не изменилось, — сказала Надежда.

— Это невооруженным глазом. В телескоп вы сразу заметили бы.

— А что это за странные птицы? — спросила она о парусниках.

— А, это селекционеры вывели. Чтобы жили на воде, не вытаптывая посевов.

Игоря интересовало другое:

— Значит, вы догадались, что приближается та самая ракета, которая когда-то...

— Как только передали сообщение о приближении неизвестной ракеты, я сразу вспомнил про вашу экспедицию, — быстро заговорил Саджера. — О ее загадочном исчезновении в свое время писали очень много, и я еще в юности, изучая историю великих путешествий, прочитал брошюру, в которой описывалась ваша экспедиция. В ней были приведены и ваши последние радиограммы. Между прочим, в дальнейшем при конструировании ракет была учтена горькая судьба вашей, металлической. Уже тогда ученые пришли к выводу, что на Венеру вы не попали. А впоследствии, когда астронавты посетили эту планету, предположение подтвердилось, потому что никаких следов экспедиции не нашли...

Игорь и Надежда были так поражены, что, кажется, потеряли способность говорить. Значит, они все-таки прилетели в будущее!

Сидели, словно загипнотизированные рассказом Саджери.

— Вы отправились в космическое путешествие, когда коммунизм только развивался у нас, в Советском Союзе, в Китае, Польше и еще в нескольких странах. Уже прошло много сотен лет, как он утвердился на всей планете. И Земля обновилась!

— А язык... — робко встала Надежда. — Вы, лингвист, знаете наш язык, а вот первых знакомых мы не понимали.

— Это были сербы и албанцы, — сказал Саджера, — они здесь проходят практику. — В глазах его появилась задумчивость. — Языки народов — это реки. Они хоть и меняют очертания своих берегов, но всегда отражают небо. Теперь наступила весна в жизни человечества. А где вы видели, чтобы весной пересыхали реки! Они становятся еще полноводнее, и несут к океану общечеловеческой культуры все больше и больше солнечных волн. — Немного помолчав, ученый продолжал: — Вы узнаете о многих интересных вещах, в том числе и о языковых богатствах. Ведь вы начинаете новую жизнь. Сейчас не буду вас утомлять, хотел бы только спросить: ваш экипаж, если мне не изменяет память, состоял из трех человек?

— Да. Начальник экспедиции погиб, спасая нас... — Игорь начал рассказывать о трагической смерти Петра Петровича, об их скитания в пустынных глубинах космоса.

Надежда слушала все это как во сне. Будто не с ними это случилось, а с кем-то другим...

— Петр Петрович был глубоко убежден, что Венера, с точки зрения космогонии, отнюдь не младше Земли и других планет, а как это на самом деле? — спросил Подгайный.

Саджера удивился:

— Неужели в то время кто-нибудь утверждал, что Венера "младше"?

— Были такие.

— Ну, они сейчас бы разочаровались. Геология неоспоримо доказала, что Венера имеет такой же возраст, как и Земля, — около шести миллиардов земных лет. Природные условия, конечно, другие... И вы, если захотите, побываете

на этой планете. А сейчас расскажите мне о себе, о своих скитаниях...

После многих вопросов и ответов Саджера наконец повел пришельцев в столовую. Диетический врач посоветовал им специальное меню, состоявшее из скудных порций нескольких витаминизированных блюд, потому что сразу наесться после долгого голодания было бы, по его мнению, очень опасно.

Разговор продолжался за столом. Ученый посоветовал им выступить с лекциями об эпохе, в которой они некогда жили.

— Ведь никто еще не сделал такого прыжка, как вы, — прыжка через горные гряды времени... — восторженно говорил Саджера. — Кто же лучше вас сможет рассказать о древней героической эпохе, в которой вы родились и выросли?

Разве можно было не согласиться? И они, не колеблясь, приняли это предложение.

— Перед тем, как рассказывать о далеком прошлом, когда еще только всходила Звезда коммунизма, может, хотите познакомиться с современной Землей? — спросил ученый. — Вижу, вижу, что не возражаете. Так вот, вскоре мы и отправимся в экскурсию. Вам, конечно, интересно будет увидеть свою родную планету!

— Конечно! — в один голос воскликнули Надежда и Игорь.

— Вы ее не узнаете... — продолжал Саджера. — Коммунизм снял оковы с духовных и материальных сил человечества, и Земля расцвела. Все народы — европейские и азиатские, африканские и американские живут, как одна дружная семья.

Сколько глубокой человечности и любви было в его тихом голосе, во взгляде прищуренных лучистых глаз!

Игорь вспомнил о теориях и прогнозах «ученых», которые предсказывали обнищание, вырождение человечества из-за перенаселенности Земли. Пусть бы теперь увидели

«пророки», на что способен свободный человек, его всемогущий разум!

— Да, человечество претерпело немало опасностей, — сказал Саджера. — И самая большая из них — империализм, который социальные недуги "лечил" кровопусканием. В эпоху коммунизма население возрастает неустанно, но всем хватает места под солнцем. Конечно, у нас еще много нерешенных проблем, но социальная борьба не раздирает наше общество, как на Марсе...

— А что происходит на Марсе? — спросил Игорь.

— Там чрезвычайно напряженное положение. Империалистическая олигархия угрожает атомной войной конфедерации демократических республик. Ее реакционная правящая клика угрожает разрушить планету атомными бомбами, превратить ее в рой астероидов и метеоритов. Все это имеет одну цель: держать население планеты под страхом уничтожения. Война может там начаться каждую минуту.

— Знакомая ситуация! — воскликнул Игорь. — Но неужели история ничему их не научила?

— Как это в древности говорили... — Саджера приложил палец ко лбу, задумался. — Ага, вспомнил: горбатого могила исправит! Но мы отклонились от темы. Я рассказывал о Земле... Да что тут говорить, мы устроим для вас экскурсию — все увидите сами!

Трудно передать, с каким нетерпением Надежда и Игорь ждали этой экскурсии. Не терпелось увидеть родную планету, ее города и села... Ходили прозрачными тоннелями подводного города, размышляли об изменениях, которые произошли на планете. Узнают ли они свои места?

Игорь постриг свою густую, длинную бороду, побрился, и имел вид энергичного, удалого юноши. Надежда тоже успела приобрести здоровый румянец. Работники подводного хозяйства при встречах с ними дружески здоровались. Вообще Надежда и Игорь чувствовали себя среди этих людей будущего так, будто вернулись к родной семье. Люди вели себя здесь очень просто, но вместе с тем были вежливы, гуманны. К Надежде и Игорю они, конечно, проявляли

особое любопытство, но не досаждали расспросами. Наоборот, сами много рассказывали о своей жизни, работе. Из этих разговоров Надежда и Игорь узнали о замечательных подводных плантациях съедобных растений, об атомной генетике, благодаря которой ботаники и агробиологи вывели совершенно новые виды растений. Смеречанскую это особенно заинтересовало. Не без удивления наши путешественники узнали, что Саджери — выдающемуся ученому — давно уже перевалило за сто лет, и что человечество почти решило проблему долголетия, искоренив все болезни.

Наконец, настало время отправляться в путешествие! Наши путешественники надеялись, что, как и прежде, они в скафандрах выплывут на поверхность. В это время их пригласил в свой зал Саджера.

— Приготовление закончено. Можем отправляться, — сказал он, указывая на просторную кабину, стоявшую у прозрачной стены. — Занимайте места.

Ласковая отеческая улыбка пряталась в его глазах. Трудно было поверить, что этому человеку более ста лет.

Когда все трое уселись в кабине, в зале погас свет. Казалось, что вода хлынет в кабину. Надежда инстинктивно прижалась к Игорю. И вот вода отступила, и под кабиной раскинулась возмущенная поверхность океана.

— После того, как теплые течения, направленные сюда человеком, растопили вечный лед и подняли температуру воды, этот океан называют просто Северным, — заговорил ученый. Такие изменения положительно сказались на климате всего северного полушария. Исчезла тундра. До самых берегов океана приблизились зеленые полосы садов. Взгляните!

Вдали на горизонте темнела береговая полоса, которая летела им навстречу, словно гигантская птица с широко распростертыми крыльями. Вскоре белым цветом забелели сады. Надо было хорошо присматриваться, чтобы заметить среди этого молочного моря дом. Сверкнет стеклянной крышей, да и исчезнет.

Сады... Сады... Зеленые поля. Зеркала водоемов. Ленты путей. Бесконечные лесные уголья. В воздухе, словно пчелы, сновали какие-то беззвучные летательные аппараты.

— А где же города? — спросила Смеречанская.

— Соскучились по городам? Я вынужден буду немного разочаровать вас. Таких городов, в которых собирались сотни тысяч и даже миллионы людей, теперь нет. Старые крупные города мало-помалу расселились. В некоторых их архитектурных массивах размещены музеи, картинные галереи. А живем мы на берегах рек, широких каналов, крупных озер, новых морей и... старых океанов. Среди рощ и

садов. Есть плавучие дома, есть подводные, но это все — специального назначения. Транспорт и другие экономические проблемы нас не связывают. Не обязательно теснить дом к дому. Теперь люди расселены равномерно по планете.

— А где же заводы? — отозвался Игорь. — Где шахты и домны? Сколько вот летим, и...

— И вы не видели дыма, правда? — подхватил Саджера. — Ничего этого и не увидите. Ни одного дымохода на всей Земле. Только электричество. Ее у нас целый океан. Морские течения, реки — это же непересыхающие источники тока. А ветры! А фотоэлементы, непосредственно превращающие солнечную энергию в электрическую! А неисчерпаемый запас тепла в недрах земного шара! Его мы также превращаем в электричество.

— А то летишь было, — вспомнил Игорь, — а горизонт весь в зареве. Сколько бушевало огня!

— Вообще удивительно, как человечество тогда не сожгло всего атмосферного кислорода, — заметил Саджера.

— Но это тогда была необходимость.

— Конечно! — согласился он. — Дымовая фаза развития промышленности была неизбежной.

Внизу проплывали неоглядные просторы. Дома виднелись тут и там в садах и парках, как будто салютовали веселым блеском стекла.

Панорама была захватывающая. Жадными глазами всматривались в нее наши путешественники. Сердца их пели, и радость наполняла их грудь.

РАЗГОВОР С БЕЛОГОЛОВЫМ МАЛЬЧИКОМ

— Мы так быстро летим, что уже до Кавказа добрались, — произнесла Надежда. — Ведь это же Кавказские горы в снежных шапках?

— Да.

— А нельзя ли остановиться... Хотя ненадолго, чтобы увидеть какую-нибудь деталь этой грандиозной картины.

— Ладно, — согласился Саджера. — Давайте посмотрим, что делается вон у той рощицы...

Кабина начала снижаться так стремительно, что, казалось, вот-вот врежется в землю. Пассажиры почувствовали даже аромат травы, что росла, покачивая мелкими разноцветными цветочками.

Под ними вынырнула рощица, окутанная синей дымкой. В глубине ее что-то белело. Неужели палатки?

Кабина бесшумно плыла над травой. Казалось, под ногами расстелен большой ковер. А вот и цепочка озер. Вода в них прозрачная, хорошо видны седоватые спинки рыб, косяками плавающих в глубине. Рядом с пляжем — вышка для прыжков в воду. Но здесь никого не было. Когда приблизились к палаткам, Игорь и Надежда увидели много детей в белых панамках — загорелых, обветренных малышей с ясными глазками. Они сидели прямо на траве, перед ними расхаживала девушка в легком белом платье. В правой руке она держала какой-то темный предмет — не то сумочку, не то коробку.

— Летние занятия школьников, — пояснил Саджера, хотя Надежда и Игорь уже догадались, что это что-то вроде пионерских лагерей. — Ученики учатся целый год, с весны — на лоне природы. Ведь мозг человека, так же, как и мышцы, все время требует работы.

— Целый год? — удивилась Надежда! — А это не утомляет?

— Нет. Потому что программа построена... как бы вам сказать? В определенном ритме. Нагрузка равномерная, она чередуется с отдыхом, спортом... Чрезвычайно улучшает отдых музыка: придает бодрости, вызывает радостное настроение...

Разговаривая, они и не заметили, как оказались у учеников. Поздоровались с учительницей. Она подняла на уровень лица коробочку, и голос ее зазвучал сильнее... «Видимо, какой-то передатчик»... — подумал Игорь.

— Простите, — обратился к ней Саджера, — мы заглянули к вам на одну минуту. Люди прошлого желают увидеть, как теперь осуществляется обучение детей.

— Дети! — обратилась учительница к ученикам. — К нам пришли дорогие гости: выдающийся ученый Саджера и с ним люди из прошлого, прибывшие в нашу эпоху на своей чудесной "Мечте". О них вы уже слышали, а теперь вот поздравляем их.

— Здравствуйте, дорогие гости! — зашумели детские голоса, как будто зажужжал пчелиный рой. — Нам очень приятно познакомиться с вами!

Ученый, Надежда и Игорь ответили на приветствие.

Дети с наивной непосредственностью выкрикивали свои вопросы хором, желая поскорее получить ответы. Учительница призвала их к порядку. Смущаясь, она извинялась перед гостями, которым очень понравилась любознательность и энергичность детей.

— Давайте, друзья, по очереди, — сказала девушка, когда шум утих.

— Я хочу спросить, — поднялся белоголовый мальчик. — Как возник обычай рукопожатия?

— Дорогие дети! Обычай рукопожатия даже в наше время был давней историей, — начал Игорь, почему-то посмотрев на Саджеру. — Люди когда-то враждовали между собой, нападали друг на друга, чтобы ограбить и воспользоваться чужим добром. Были убийства, и даже большие войны, в которых уничтожались миллионы людей.

Ученики загоготали, как гуси, их лица погрустнели. А белоголовый спросил:

— Кто же их уничтожал? Разве было что-то сильнее и умнее человека?

— Люди сами и уничтожали друг друга, — продолжал Игорь. — Даже наука существовала, которая учила, как

убивать людей. Поджигатели войны думали над тем, как бы изобрести средства, чтобы в один миг разрушить целую страну и убить и покалечить всех ее мужчин, женщин и детей...

— Может, они были больны, эти поджигатели, — сказал белоголовый мальчик. — Надо было в больницу их...

— Это были алчные хищники, империалисты. Народы, не желая братоубийства, сбрасывали своих кровожадных правителей. После одной мировой войны даже судили виновников и наказали смертью. Но снова нашлись новые поджигатели. Они наняли себе ученых слуг, и те сделали им атомную и водородную бомбы...

— Нам совсем непонятны слова: поджигатели, империалисты, слуги, бомба, — сказал белокурый мальчик. — Мы их не слышали.

— Изучая историю, вы услышите эти слова. Но это ваше счастье, дети, что вы не видели, как пылают города и как металл кромсает живое тело. Именно за такое будущее, за вашу безоблачную жизнь, за расцвет цивилизации боролись в нашу эпоху лучшие сыны человечества! — объяснил Игорь.

— А история рукопожатия? — тихо напомнил Саджера.

— Ах, так, рукопожатие! — спохватился Игорь. — Видите, я сказал, что были распри... Но тогда же зарождались и хорошие чувства. Люди сближались, сдруживались, становились братьями. И вот, когда человек шел к человеку с добрыми намерениями, он протягивал руки, показывая, что в них нет оружия...

— Что это такое оружие?

Вопросы сыпались, как зерна из мешка. Дети хотели знать все и сразу: что значит покупать, кто такие правители. Игорь увидел, что он и за целый день не смог бы им все рассказать. Он взглянул на Саджеру. Ученый понял его, поднялся и сказал, обращаясь к ребятам:

— Дорогие дети! Когда-то, очень давно, были на Земле государства, правители, армии, суды, тюрьмы, деньги. Были

даже люди, которые не работали, а жили за счет других. Все это было, даже не верится. Обо всем этом вы узнаете из истории, если будете хорошо учиться.

— Будем учиться! — закричали десятки детских голов.

Вскоре кабина понесла путешественников в просторы, залитые солнечным сиянием. Секунду еще видно было, как дети вскочили и замахали белыми панамками. Они напомнили Надежде голубей.

В это время Саджера повернул стрелочку радиоприемника к надписи: «Информация». Радиоцентр передавал сообщения: на Марсе началась война, спровоцированная империалистической олигархией.

ОГНИ ОЛИМПИАДЫ

Экскурсия продолжалась.

Вдали Надежда заметила какую-то серую стену, которая закрывала весь горизонт.

— Это агрономы заказали дождь, — пояснил ученый тоном, словно речь шла о обычном явлении.

— А... как это делается? — не удержалась, чтобы не спросить, Надежда.

— Метеорологи достигают этого разными методами: охлаждением верхних слоев облаков с помощью твердой углекислоты, высеиванием микроскопических кристалликов йодистого серебра, а то и обрызгиванием облаков крупными каплями воды. Да ничего здесь необычного нет, — сказал ученый, увидев удивленные лица своих собеседников. — Главное — это образовать центры кристаллизации льдинок. Большие капли воды вырастают из мелких, пока восходящие потоки воздуха не могут удержать их в равновесии. Аналогичные опыты делались еще в вашу эпоху. Конечно, эти методы требуют дальнейшего совершенствования... А может, мои любезные спутники захотят теперь наведаться... в Сахару?

— А что интересного в пустыне? — спросила Надежда.

— Солнце уже заходит, — напомнил Игорь. — Успеем ли?

— Успеем, — уверенно ответил Саджера. — И, надеюсь, что вы там увидите немало интересного.

Удивительная кабина ловко обогнула фронт дождевых облаков. Но берега Африки вынырнули из-за горизонта, когда на волнах Средиземного моря уже гасли последние лучи солнца.

Вдруг континент засиял огнями: высоко вверху вспыхнули яркие звезды — «маленькие солнца», они на глазах разрастались в большие светлые туманности. Через некоторое время их трепетные крылья сомкнулись, и теперь уже все небо сияло мягким голубоватым светом. Было видно, как днем.

— Что это? — вопросительно прошептала Надежда. — Все небо...

— А, вы о небе, — сказал ученый. — Ничего особенного. Если я не ошибаюсь, еще в XX веке была известна эта химическая реакция. Вы, наверное, знаете, что молекулы кислорода или азота состоят из двух атомов. Под воздействием ультрафиолетовых лучей и бомбардировки космическими электронами в высоких слоях атмосферы эти молекулы расщепляются на отдельные атомы, которые затем снова соединяются. Этот процесс, сопровождающийся выделением энергии, и является источником свечения верхних слоев атмосферы.

— Какое величественное зрелище! — воскликнула Надежда, зачарованно глядя на сияющее небо.

— Ночь какая, Господи, лунная, звездная, видно все — хоть иголки собирай! — произнес Игорь, и тут же в шутку спросил: — А поют теперь песни?

— А как же! — отозвался ученый. — Теперь поют несравненно больше, чем прежде. И почему бы и не петь! Рабочий день не превышает двух-трех часов. А, кроме того, почти каждый наш современник — поэт и композитор. Особенно женщины!

— Такой короткий рабочий день? — всплеснула руками Надежда. — Неужели этого достаточно, чтобы обеспечить общество изобилием продуктов и вещей?

— Конечно, — ответил Саджера. — По сравнению с началом эпохи коммунизма техника теперь так далеко шагнула вперед, что производительность труда выросла в сотни раз, и поэтому вполне хватает двух-трех часов, в зависимости от специфики производства. Правда, ученые работают значительно больше, но это уже дело личное.

— Чем же люди занимаются в свободное время?

— Чем занимаются? — переспросил Саджера. — Да всего и не перечислить! Например, поэзией, живописью, скульптурой, музыкой. Миллионы энтузиастов разбивают сады, выводят новые плодовые и технические деревья, растения. Другие — ухаживают животных, ловят рыбу, охотятся на микробов, конструируют новые приборы и механизмы. Каждый имеет возможность полностью развить свои способности. Теперь общественно-полезный труд стал внутренней потребностью людей, и каждый отдает обществу столько, сколько может. Кто захочет сидеть сложа руки? Это значит, исключить себя из жизни. А мир полон тайн, которые нам очень хочется разгадать. Трудность заключается в том, чтобы найти себя, верно определить направление деятельности. Иногда человек освоит несколько специальностей, пока выберет что-то себе по душе. Но все мы увлекаемся спортом. Вряд ли найдется теперь химик, инженер, садовник, рыбак или композитор, который бы не любил спорта. Сегодня как раз начинается всепланетная олимпиада.

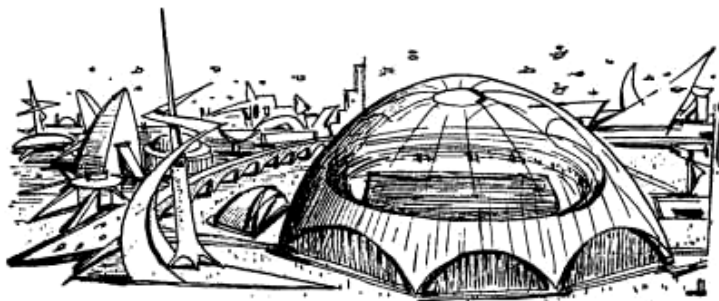
Внизу снова показались сады, пальмовые парки, реки и озера. В воздухе неслось множество разнообразных аппаратов: болельщики спешили на олимпиаду.

— Где же, наконец, Сахара? — спросил Игорь.

— Под нами. Эта цветущая местность действительно была когда-то пустыней.

— Я уже не удивляюсь, — обозвался Надежда. — Если справились с Ледовитым океаном, то с Сахарой и подавно.

— Верно. Это оказалось не такой сложной задачей для человечества... Гибралтарская гидростанция, а также полупроводниковые электростанции, которые непосредственно преобразовывают лучи Солнца в поток электронов, дали нам такую энергетическую базу, что нетрудно было провести в Сахару воды рек Центральной Африки, покрыть ее сеткой каналов. Специально выведенные тропические растения пошли в наступление на пески, и меньше чем за века пустыня ожила... А вот и олимпийский стадион!

Они увидели грандиозную овальную постройку высотой метров в двести, увенчанную прозрачным куполом, сверкавшую разноцветными огнями. Бросались в глаза великолепные архитектурные пропорции, простота, удобство. Но самое большое удивление вызвали люди: спортсмены и зрители — все крепкие, рослые, здоровые, бодрые. Они были в легкой белой одежде, красиво облегающей их загорелые, бронзовые, а то и совсем черные тела.

Посреди поля стадиона вспыхнул костер. «Видимо, давняя традиция», — подумал Игорь. Пламя горело яркое, совсем бездымное. Вокруг гремела торжественная песня. Быстроногие юноши, держа над головами факелы, пробежали перед трибунами и замерли в красивых позах, как будто бронзовые скульптуры. Оборвалась песня, и словно гром, раздался голос: «Олимпиаду всех коммун планеты начинаем!» Громко заиграла музыка. Стройные колонны спортсменов двинулись с места. После парада начались соревнования.

Надежда и Игорь не могли оторвать глаз от этого зрелища. А ученый, очевидно, забыл про все на свете.

— Простите, дорогие, — сказал он, — когда-то и я выступал на этой арене... — Старик увлеченно рассказывал о том, как спорт стал потребностью каждого человека.

— Спортивные праздники продлятся несколько недель, — сказал он, — и мы еще не раз заглянем на этот стадион. А не играете ли вы в шахматы?

— Шахматы? — возбужденно поднялся Игорь. — Я так давно не играл! А разве они не забыты?

— Нет, наоборот, шахматы только теперь стали действительно массовыми! Если не возражаете — заглянем в Антарктиду, ее шахматисты — одни из сильнейших в мире. Кстати, сегодня они соревнуются с гренландцами. Встреча должна быть очень интересной: команда Гренландии насчитывает более ста выдающихся шахматистов.

Рассказывая, ученый нажал на одну из кнопок пульта управления, и кабина поплыла вверх. Огни стадиона удалялись, человеческий шум стих.

Кабину окутала темнота ночи. К путешественникам начал подкрадываться сон. Первой задремала Надежда. Ее убаюкала беседа о шахматах. В это время включили радиоцентр, и они услышали слова: «...завершилась победой социалистических республик. Погибла не планета, а несправедливый социальный строй. В поисках убежища и базы для реванша марсианские магнаты бросились на Землю. Их ракеты с военным снаряжением опустились на вершины Гималайских гор, потому что плотная атмосфера равнин для марсиан губительна. В течение всего периода войны на Марсе мы придерживались нейтралитета. Сейчас он отменен. Спокойствие Земли нарушено. Большой Совет Коммун принимает меры по исправлению положения. Район высадки десанта блокирован лучевыми установками, снятыми с горных выработок».

— Вот так новость... — невесело сказал ученый.

Надежда и Игорь сидели молча, ошеломленные сообщением. Саджера нажал на кнопки, и перед ними снова выросла водная стена — как и в начале путешествия. Они сидели в кабине зала подводного хозяйства.

Заметив их удивление, ученый объяснил:

— А мы никуда и не вылетали. Мы осматривали планету, пользуясь системой экранов.

Надежда и Игорь были очень поражены таким чрезвычайно высоким развитием телевидения.

— Это безумцы, — сказал ученый, — они думают, что раз наше общество не милитаристическое... Да у нас такая мощь, что от них и следа их не останется! Неприятно только все это... Лучше бы они убрались подобру-поздорову...

ДРУЗЬЯ РАЗЛУЧАЮТСЯ

Жизнь в подводном городе шла по установленному порядку. Режим был разработан так целесообразно и разумно, что его даже не замечали. Он не был одинаковым для всех, наши путешественники чувствовали себя свободными, проводили время, как кому хотелось. Надежда присоеди-

лась к группе ботаников и подолгу бродила в зарослях подводных лесов. Плавали в специальных морских костюмах. Особое внимание проявлял к ней высокий, энергичный юноша Мариста. Он не отходил от Надежды ни на шаг, рассказывал ей о выведении новых видов морских водорослей, водил по дну океана в далекие экскурсии.

Однажды они увидели огромную рыбину, которая уткнулась головой в водоросли. Шутя, Надежда незаметно подкралась к ней и схватила ее за широкий хвостовой плавник. Рыба вырвалась и, как торпеда, быстро умчалась. Надежда растерялась, но на помощь поспешил Мариста. Он был взволнован, хоть опасность уже миновала. Быстро поплыли в санаторий.

Игоря не покидала мысль о том, что марсиане высадились на Гималаях. Он был убежден, что без серьезного боя не обойдется. Ему хотелось принять участие в этой битве. Он бы им показал!

Саджера собирался домой — повидаться с сыном, который вскоре должен был отправиться в далекое космическое путешествие. Ученый предложил своим новым друзьям поселиться у него в доме на берегу моря. Надежда и Игорь поразному восприняли это приглашение. Игорь очень обрадовался — это же его родная сторона! Надежда слегка даже растерялась: неудобно как-то было отказываться от гостеприимства, но путешествия с Маристой все-таки интереснее...

— Вижу, вижу, что вам понравились водоросли, — весело сказал ученый. — Ну, что ж, оставайтесь на здоровье! Только не играйте с рыбами! А мы с Игорем махнем на поверхность, правда?

— Конечно! — улыбнулся Игорь.

И, когда прощалась с Игорем, — лицо девушки окутала грусть.

— Не горюй, Надя, — ласково сказал Игорь. — Скоро с тобой поедем на еще одну интересную экскурсию...

— Никаких экскурсий! Я хочу побывать в Средней Азии, там, где работал мой дедушка, где...

— ...ты бегала девочкой босоногой, — закончил за нее Игорь. — Об этом я и хотел тебе сказать. Вот увижу родные места и айда вместе в Среднюю Азию.

— Согласна! — она пожала Игорю руку, повернулась и быстро вышла.

Саджера и Игорь трубчатым шлюзом прошли в каюту небольшого пассажирского катера. Ученый сел к пульту управления, опустил заслонку входного отверстия, отключил шлюз...

Постройки подводного города, похожие на купола, поплыли куда-то вниз и вбок. Быстро исчез из поля зрения и подводный мир — зеленый лес. Катер поднимался вверх стремительно, как воздушный пузырек. Еще минута, и он закачался на волнах океана.

— А где же «Мечта»? — обеспокоенно спросил Игорь, глядя в иллюминаторы.

— Ее немного снесло ветром, — сказал Саджера. — Сейчас приблизимся к ней.

Вскоре Игорь увидел свою родную, близкую «Мечту», которая связывала его с тем далеким миром, откуда он вылетел.

— Ваш космический корабль станет экспонатом Исторического музея, где его сохраняют на долгие годы, — особо торжественно сказал Саджера.

Но это известие не порадовало Игоря. Он мечтал о том, чтобы снова полететь в звездное небо!

Ученый с интересом стал осматривать ракету. Его сухие пальцы слегка прикасались к различному оборудованию. Особое впечатление произвела на него прабабушка электронно-счетных машин.

— Старушка, поработала для человечества, — похвалил он.

— Э, нет, тогда была еще девчонкой! А теперь, конечно, старушка, — шутливо возразил Игорь и зачем-то взял с собой некоторые вещи, комбинезон, как это делал когда-то.

Ракету отбуксировали в ближайший порт. Ее сигароподобное тело напоминало кита.

Кто-то из персонала порта предложил приковать ракету к бетонному пирсу крепкой тяжелой цепью.

— Что вы! Что вы! — замахал руками Игорь. — Вы так ее утопите. Никогда не набрасывайте цепей на «Мечту»!

«Человек прошлого относится к своему аппарату, как к живому существу» — такое известие через несколько минут облетело берег. Местные поэты написали не одно трогательное стихотворение об этом.

«Мечту» оставили пока у резервного пирса. С землей ее соединял тонкий, как струна, трос, на котором играл ветер.

— Прощай и ты, подруга! — нежно обратился к ракете Игорь.

Игорь сел в машину, и она тронулась. Никакого руля в ней не было, — руководила скрытая за щитком программная лента. Моторы питались от фотоэлементов и работали совершенно бесшумно.

Кто после долгой разлуки возвращался в родные места, тот может представить переживания Игоря, который ехал на свою родину через много веков.

Не узнавал ничего. Только леса напоминали ему знакомый пейзаж, хоть он хорошо знал, что это уже не его лес, а деревья — потомки тех деревьев.

Все это навевало мысли о текучести, мимолетности жизни, ее безвозвратности и вызывало щемящее чувство. И ничто не может задержать время, его безостановочного бега... Вдоль дороги проплывали ряды деревьев, коттеджи с садами. Возле одного архитектурного строения среди ковra ярких красных цветов он увидел мраморную статую девушки. В левой руке она сжимала букет каких-то цветов, а правую руку прижала ладонью ко лбу, словно кого-то выглядывала. Когда машина приблизилась, можно было разглядеть замечательные, словно живые, черты ее лица.

«Искусство! Вот что дает человеку власть над временем, — молнией пронеслось в голове Игоря. — Резец скульптора подарил этому образу целую вечность». Он вспомнил о своей возлюбленной, оставшейся за далеким горизонтом времени. "Было ли это в действительности, или, может, приснилось, привиделось ему?».

ГУМАНИЗМ УЧЕНОГО

Выехав на широкую дорогу, машина помчалась с бешеной скоростью. Казалось, вот-вот она оторвется от шоссе и полетит над коттеджами, садами... Под магистралью проходили путепроводы, и там тоже проносились машины, как птицы.

Железобетонное шоссе пело под шинами.

— Так что, может, попробуем? — сказал Саджера, кивнув на шахматную доску.

— А чего же, давайте, — согласился Игорь.

Старик повернул свое кресло спиной к переднему стеклу кабины, положил себе на колени доску, расставил фигуры...

Из приемника играла нежная, печальная мелодия, после которой послышался обеспокоенный голос:

— Слушайте последние известия, товарищи! Последние известия!

Наши спутники оставили игру и прислушались. Женщина-диктор говорила:

— Сегодня утром марсианские империалисты, обосновавшиеся в Гималаях, спустились вниз и обстреляли электрическими разрядами речное судно, которое шло с грузом продуктов. Дежурный матрос, который был на корабле, ранен. Груз разграблен. В связи с этим Большой Совет Коммун послала в Гималаи ноту такого содержания: «Всем незаконно прибывшим марсианам предлагается немедленно покинуть Землю».

Когда диктор закончила, Саджера проговорил обеспокоенно:

— Да, события нарастают... Ранили человека, ограбили судно. Это уже слишком.

— Надо выгнать их немедленно! — воскликнул Игорь, сжимая кулаки.

— Конечно, выгоним. Но лучше обойтись без кровопролития.

— На что они рассчитывают? Ведь их горстка, а нас миллиарды!

— О, у них далеко идущие планы. Как-то читал я книжку их идеолога, написанную еще до революции на Марсе. Он уже тогда предлагал напасть на Землю, захватить горные хребты и высокогорные плато, сжечь леса на континентах, чтобы уменьшить количество атмосферного кислорода, насильно превратить землян в рабов.

— Негодяи!

— Несмотря на эту враждебную пропаганду, мы поддерживали с марсианами добрососедские отношения. Когда там разгорелось восстание рабочих, которое аристократия презрительно назвала «бунтом крыс», мы не вмешивались в их внутренние дела, хотя, конечно, симпатизировали эксплуатационным. Высадившись на Землю, они не учли глав-

ного — того, что коммунизм — это энергия масс, которая сметает все на своем пути. Бросить вызов коммунистическому миру! Какие безумцы!

Машина бесшумно неслась через города и поселки, мосты и виадуки.

— Какова же судьба остальных членов экипажа захваченного судна? — спросил Игорь.

— А там не было никаких остальных матросов. Большинство грузовых кораблей — автоматы, и ходят без экипажа. На этом же, очевидно, был дежурный матрос. Очень жаль парня. О, это будет ужасно, если дойдет до кровопролития!

— Мы их все равно уничтожим! — воинственно сказал Игорь, сделав решительный жест рукой.

— В этом нет сомнения, — согласился ученый. — Но возможны жертвы. Прольется кровь... Нет, нет, этого нельзя допустить!

— Вы думаете, они добровольно покинут горы?

— Если им объяснить... Ведь у них есть же головы на плечах.

— Нет, врагам не объяснить! — махнул рукой Игорь. — Это все равно, что толочь воду в ступе.

— Нет, почему же, — продолжал Саджера, — у них есть путь к спасению.

— Какой?

— Прекратить бессмысленную борьбу, подчиниться воле своего народа и стать работающими членами общества. В эпоху пролетарских революций на Земле многие представители прежде господствующего класса честно пошли работать. И всем им была сохранена жизнь. Это и есть единственный путь к спасению. И я должен объяснить им это, должен доказать!

— Вы?

— Да, я. Попрошу Большой Совет уполномочить меня на переговоры. Полечу на Гималаи... Не может быть, чтобы они не поняли безнадежности, бессмысленности своего положения...

— Ум, омраченный ненавистью, не есть ум!

— Это верно, друг. Но я попытаюсь развеять их злобу... Я изучал историю Марса с древнейших времен, знаю их язык и докажу им...

Они еще долго спорили. Игорь отрицал целесообразность миссии ученого на Гималаи, был против всякого братания с врагом. Но Саджера твердо стоял на своем. Гуманизм требует, говорил он, сделать все, чтобы пресечь любое кровопролитие.

Так они всю дорогу больше и не брались за шахматы.

* * *

Коттедж, в котором проживала семья Саджеры, издалека напоминал красиво инкрустированную шкатулку, сверкающую на высокой горе, в зелени сада, окруженного потомками бывших тополей. Дорога, ведущая туда, все время прихотливо извивалась, и дом то исчезал за деревьями и кустами, то вновь вырастал перед глазами.

Когда машина остановилась перед колоннадой парадного входа, по ступенькам сбежала девушка в красивом халате, проворно открыла дверцу и прижалась к ученому.

— Дедушка, наконец-то! Мы так ждали...

Старик поцеловал ее в щеку, нежно погладил пышные русые волосы.

— Я тоже очень соскучился. А знаешь, какого я гостя привез?

Девушка посмотрела туда, где сидел Игорь. Взгляды их встретились. В уголках ее губ, в ямках щек дрожал смех, а в глазах было что-то такое близкое, знакомое... Словно молния на мгновение осветила Игорю его далекое-далекое прошлое.

— Познакомься. Это — человек из прошлого.

Девушка подала руку и сдержанно произнесла:

— Амина.

— Моя внучка,— добавил Саджера.

Игорь держал нежную ладонь в своей руке, что-то хотел сказать, но не мог произнести и слова. Во рту будто пересохло, язык не слушался.

— Это инженер «Мечты», Игорь, — сказал старик. — Он не только человек прошлого, но и будущего.

— Дедушка уже рассказывал о возвращении «Мечты» по телевидению. Все люди планеты с интересом рассматривали вас на экранах... Да что с вами?

— Я... я, — наконец вырвалось у Игоря, — потом расскажу.

Амина была поразительно похожа на ту девушку, которую он не забывал никогда. Те же глаза, тот же взгляд, тот же нежный смех и даже звуки голоса... Эта его любовь прошла сквозь века, через ряд поколений... «Вот над чем не властно время — над любовью».

Водопады мыслей и чувств шумели в сознании Игоря.

— А где же ваша спутница? — спросила Амина.

— Она осталась изучать водоросли, — пояснил Саджера. — Но ты не забывай, что мы с дороги.

— О, извиняюсь! — спохватилась девушка. — Пройдемте в дом.

Жена Саджеры — бодрая, энергичная женщина, искренне была рада видеть гостя. Пока прибывшие с дороги умывались, они с Аминой уже успели накрыть стол. Меню было довольно разнообразное. Радовали глаз и щекотали обоняние ароматные блюда, наполнявшие красивую посуду. Посредине стола стояла бутылка вина.

Заметив, что Игорь смотрит на бутылку, Саджера удовлетворенно сказал:

— Экстракт солнечной энергии, рожденный виноградной лозой. Приятный, полезный напиток, улучшает аппетит...

— Напомните, дедушка, еще о положительном влиянии вина на сердечно-сосудистую систему, — брызнула смехом Амина — и будет полная характеристика.

— В детали не вдаюсь, — снисходительно сказал ученый, — я хотел объяснить нашему гостю, что вредных напитков люди давно не употребляют.

Когда зашел разговор о марсианах, Игорь надеялся, что жена и внучка не одобряют намерений старика отправиться в Гималаи. Но как только Саджера рассказал про свой план, жена, по древней традиции, наполнила бокалы лучезарным вином и провозгласила тост:

— За успех! Пусть любовь и гуманизм управляют всеми делами.

Старик поблагодарил и добавил:

— Если наш семейный совет поддерживает, то я сегодня же еду в Большой Совет. Надеюсь, что и там одобряют.

После короткого отдыха Саджера уехал.

Вскоре прибыли с работы сын ученого — Феличе, высокий мужчина лет пятидесяти, и его жена Фидина — стройная, еще молодая на вид женщина. Это были родители Амины.

Девушка познакомила их с гостем, которому они были очень рады.

— Куда собираетесь? — поинтересовался Игорь, когда они вдвоем с Феличе вышли в сад.

— О, это очень важная экспедиция! — сказал тот. — Вы слышали последнее сообщение Астрономического центра?

— Нет, — ответил Игорь. — Какое сообщение?

— Ну, я вам расскажу. — Феличе взял его за локоть, и они пошли по дорожке, посыпанной желтым песком.

Феличе рассказал вот что.

Изучая подробно направление движения Солнца в Галактике, астрономы недавно обнаружили, что оно вместе с планетами догоняет большую пыльную туманность. Лет через двадцать солнечная система достигнет пространства, занимаемого ею. В нашей Галактике есть много облаков, состоящих из космической материи. Звезды по сравнению с ними — пылинки. Через одно из них пролегает путь нашего Солнца. Свойства этого пылевого скопления еще точно не установлены, но предполагают, что оно может поглотить около семидесяти процентов солнечного излучения. А Солнце будет вести свою планетную семью сквозь это облако не одно десятилетие. Холод тогда скует Землю. Дневная температура упадет до минус 60—70 градусов. Такая резкая смена климата создаст смертельную угрозу для всего живого на Земле. Вот об этом и сообщил Астрономический центр.

— Так что, выходит, наступит конец света? — стараясь казаться спокойным, спросил Игорь.

— Если бы человечество не объединилось в коммунистическое общество, то, бесспорно, катастрофа была бы неизбежной, — также спокойно ответил Феличе.

— А что же нужно делать?

— Сейчас в прессе дискутируют по этому поводу. А потом созовут расширенное совещание в Академии, — оно даст свои рекомендации Большому Совету Коммун, который примет окончательное решение. Сотрудники института «Атом», в котором я работаю, предлагают обогревать Зем-

лю с помощью мощных атомных установок и искусственных солнц, чтобы поддерживать необходимую температуру в океанах и на континентах. Также эту проблему изучают ученые институтов «Молекула» и «Живая клетка».

Слушая этот рассказ, Игорь поражался достижениям человечества.

— Так или иначе, мы решим эту задачу, — продолжал Феличе. — Но нам надо поближе познакомиться с этим облаком. Необходимо определить его гравитационное поле, электрический заряд, направление магнитного поля, объем, массу, плотность, химический состав и прочее, чтобы дать инженерам и конструкторам данные для технических расчетов. Это и должна сделать наша экспедиция.

— Вы полетите к пылевому облаку? — спросил Игорь, с удивлением поглядывая на спокойно-сосредоточенное лицо своего собеседника. — Сколько продлится путешествие?

— Примерно лет пять. Расстояние, конечно, огромное, но ведь мы полетим на мезонной ракете.

— На мезонной? — переспросил Игорь, будто что-то припоминая.

— Да. Эту ракету можно разогнать почти до скорости света.

— Значит, изобрели! — воскликнул Игорь. — В наше время на мезонных ракетах путешествовали только герои фантастических рассказов. Это была красивая выдумка. А теперь, значит, выдумка стала реальностью! На каком же принципе построена эта ракета?

— Принцип обычный — реактивная тяга. Мезонная ракета оснащена современной установкой, которая превращает ядерное топливо в поток мезонов. Отражаясь от сферического рефлектора, этот поток создает реактивную тягу. Половину расстояния мы преодолеем с ускорением 10 метров в секунду, а дальше это ускорение направим в противоположную сторону. Таким образом мы постепенно затормозим ракету. Ядерный двигатель будет работать все время. Ускорение в 10 метров в секунду (неважно, в какую сторону) дает ощущение почти такого же веса, как и на Земле.

— А... насколько большая эта ракета? — не утерпел Игорь. — Человек десять берет?

— Да нет, чуть больше, — шутливо ответил Феличе. — Кроме технического персонала, на борту будет человек 100—120 ученых. Это целый исследовательский институт! Мезонная ракета сегодня является обычным средством передвижения в пространстве, как когда-то были, например, самолеты. В этой экспедиции я буду проводить исследования над микроатомами.

— Микроатомами? Как это понимать? — повернулся Игорь к молодому ученому.

— В ядре атома найдены частицы, в сотни тысяч раз более малые. Открыто много новых свойств "элементарных" частиц микроатомов, взаимодействия их полей. Это совершенно новая страница в истории развития науки...

— Выходит, человечество и здесь продвинулось дальше в своем познании?

От физики они перешли к философии. Говорили, пока Феличе не вспомнил, что ему надо возвращаться в институт.

— О, простите! — сказал он, взглянув на часы. — Я спешу.

Феличе направился в гараж и через минуту уехал.

Заложив руки за спину, Игорь пошел в сад, рассуждая об услышанном. Микроатомы в глубинах атомного ядра... Это разбудило его воображение, и ему захотелось учиться, учиться! Умница Надежда! Она уже овладевает новыми достижениями гидроботаники.

Игорь вернулся в дом как раз тогда, когда Амина настроила экран на прием информационной передачи заседания Большого Совета. Выступал Саджера. Его проницательная речь была полна настоящего гуманизма. Большой Совет коммун поручил старому ученому вести переговоры о немедленной мирной эвакуации марсиан с Гималаев.

Речь ученого взволновала Игоря. Сколько человечности и любви, сколько благородства в людях коммунистического мира! Но что касалось возможности уговорить марсиан, то он, Игорь, не одобрял замысла Саджера... Что-то в этом бы-

ло наивно-доверчивое, детское, что ли... Игорь опасался, что это лишь поможет захватчикам выиграть время и укрепить свои позиции. Ему была знакома подлость, коварство врагов.

Солнце заходило, когда Игорь снова вышел в сад. С горы открывался чудесный вид на море, что пенилось и играло разными красками — от синей до розовой. Любуясь видом, Игорь вдруг почувствовал, как отчего-то ему стало печально. Может, близость моря навеяла грусть? Игорь сидел и мечтал, любуясь морем, как это бывает с влюбленными.

Чьи-то шаги нарушили его покой. Это шла Амина. С розовым полотенцем через плечо она приблизилась к Игорю.

— Пойдемте к морю! — крикнула. — Что вы загрустили?

— Это вам так показалось. — Игорь, откинув грусть, легко подошел к девушке. — Хорошо здесь у вас!

Крутым склоном они направились к морю.

ОСНОВА ЖИЗНИ

В прозрачной синеве морской воды хорошо видны ловкие движения Амины в розовом купальнике. Она ритмично разводит руками, легко и плавно отталкивается ногами. «Плавает, как рыба!» — восхищенно подумал Игорь, не спуская глаз с девушки. Одновременно с ней он бросился в воду, попытался догнать Амину, но не доплыл — не хватило силы. Она сама поплыла ему навстречу.

— Замечательная сегодня вода! — воскликнула девушка. — Не хочется вылезать, но уже пора идти на работу. Если хотите, я и вас научу так плавать!

— Может, перейдем на «ты»? — предложил Игорь.

— Когда вы...

— Не «вы», а «ты».

— Ну, ладно! Согласна!

Амина зачерпнула ладонью зеленоватой воды и, смеясь, плеснула ему в лицо...

Резвясь, как дети, побежали к дому. Через несколько минут они уже завтракали.

— Слушай, Амина, — сказал Игорь, допивая кофе, — может, и меня возьмешь на работу?

— А почему бы и нет? Пойдем. Посмотришь, как мы работаем, — может, и самому захочется. Ты уже отдохнул после долгого путешествия?

— Да! И знаешь, надоело бездельничать. Руки чешутся поработать!

— Это ведь очень хорошо, Игорь! Ведь труд — основа жизни.

— Уже в мою эпоху человек-паразит вызвал отвращение.

— А разве были и такие?

— Случалось.

— Здоровые, нормальные люди?

— Да.

— Неужели они не чувствовали красоты труда? — Слово «красота» девушка выделила интонацией.

Игорь засмеялся:

— Красоту такие людишки видели в другом... А сколько было таких, что подпадали под власть вещей! Приходилось вести неустанную борьбу...

Амина удивленно посмотрела на него, и он стал рассказывать ей о тех трудностях, о бедах, о том, тяжелом наследии, что приходилось преодолевать людям в старые времена: о невежестве, войнах, болезнях, неурожаях, голоде...

Их беседу прервала бабушка.

— Амина, опоздаешь на фабрику! — крикнула она в дверь.

Амина и Игорь поспешили в гараж, откуда через минуту выехала машина.

Навстречу им быстро поплыли красивые дома, сады, высокие тополя вдоль пути. Игорь любовался чудесными видами.

Машина была без крыши, и ветер порывисто бил в грудь, в лицо. Чем быстрее они мчались, тем веселее стано-

вилось Игорю. Бешеное движение, что сбивало дыхание и слепило глаза, вызвало у него бурю чувств. Хотелось петь и кричать, чтобы пересилить шум воздушной волны! Они мчались по автостраде через леса и орошаемые поля. Плодородные поля! Какие же вы вечно прекрасные! А когда-то вас люди поливали своим потом и кровью. Может, поэтому так пышно и расцвели?

Вдруг машина свернула с автострады, и они въехали в просторный туннель, свод которого сиял ярким светом.

— Много наших фабрик построены под землей, — сказала Амина в ответ на вопросительный взгляд Игоря.

На площадке стояла легковая машина, возле которой Амина остановила свой автомобиль.

— Приехали!

Они вошли через широкие двери в просторный зал, залитый мягким светом. Вокруг стояла разная аппаратура, и Игорю показалось, будто он попал в какой-то торжественный храм. У большого овального экрана сидел за столиком мужчина, который приветливо поздоровался с ними.

Это был дежурный диспетчер Имаджо, которого Амина должна была сменить. Он немного растерянно взглянул на нее и почти инстинктивно почувствовал, что теперь Амина для него стала еще недоступнее.

— Хотите осмотреть фабрику? — сдержанно спросил он. — Тогда я останусь и покажу вам все секции, чтобы не отрывать Амину от работы.

— Буду вам очень благодарен, — сказал Игорь.

...Огромные залы, заставленные станками, к которым лифты, эскалаторы, краны подносили своими металлическими руками различные грузы, — все это поразило Игоря до глубины души, хотя он и был привычен к механизмам. Техника была удивительная. Но самой большой новостью для Игоря стало безлюдье. Сколько они не ходили по секциям с Имаджо — не встретили ни одного человека! Машины сами подавали сырье, изготавливали из него нужную вещь, упаковывали ее и складывали на вагонетки... Хоть Игорь и имел представление об автоматизации, но думал,

что на фабрике должны быть рабочие. Ведь здесь производилась самая разнообразная одежда для женщин и детей.

Наблюдая за слаженной работой узлов и агрегатов, Игорь не обращал внимания на своего экскурсовода, который пребывал в возбужденном состоянии и почти непрерывно говорил. Он рассказал Игорю, что фабрика за один день производит одежды для ста тысяч человек.

— Неужели сейчас Амина одна руководит всем производственным процессом? — недоверчиво спросил Игорь.

— Да, одна. Потом ее сменит другой диспетчер.

— И больше здесь никого нет?

— Никого, кроме нас с вами.

— Но ведь бывают аварии или, в конце концов, естественная поломка деталей?

— Не только детали, но и целые агрегаты заменяются службой профилактики после того, как они отработают определенный срок.

— Ага, значит, есть служба профилактики! — обрадовался Игорь.

— Да, это сложная система механизмов...

— Механизмов? — снова удивился Игорь.

— Конечно.

Больше он не стал спрашивать, чтобы не показаться смешным. В мыслях завидовал этому худощавому Имаджо, который чувствовал себя совершенно свободно среди этой техники, подавлявшей Игоря. Он хотел стать своим среди этих людей. Имаджо заметил его растерянность.

— Ничего, привыкнете! — сказал он. — Проблему производства продуктов, вещей, оборудования, словом, всего необходимого для жизни, человечество решило уже давно, — вслух рассуждал Имаджо. — Теперь перед нашим обществом стоят еще более грандиозные задачи. Вот хотя бы космическое пылевое облако...

— Мне уже рассказывали об этом. А насчет марсиан...

— Марсиане — это для нас не проблема — сказал Имаджо, — так, просто малозначимый эпизод. Если они не примут предложений Саджери...

— Эй, друзья! Не пора ли закончить экскурсию, я уже сдаю дежурство! — раздалось над самым ухом Игоря.

Игорь увидел родное лицо Амины и побежал к ней, даже не дослушав, что ему хотел сказать вежливый проводник.

КОВАРСТВО ВРАГОВ

Игорь еще больше сдружился с Аминой. Они часто вместе ходили в лес, катались на лодке, ездили на стадион своей коммуны. Игорь рассказывал о том, далеком мире, откуда он пришел. Эти рассказы очень интересовали Амину. Она внимательно слушала и восторженно повторяла: «Какое это было героическое время...» ...Игорь вспомнил рабочий поселок, откуда ушел в солдаты... Теперь нет и следа тех троп, которыми он бегал к морю. Даже линию гор над берегом трудно узнать — все стало иначе. Только ветер так же выдувал пузырьем рубашку, как в детстве, и тогда Игорю начинало казаться, что он снова вернулся в прошлое.

— Где-то здесь была скала, похожая на медведицу, — сказал Игорь Амине. — Давай поплаваем на лодке.

Покачиваясь на волнах, лодка поплыл вдоль берега. Игорь внимательно присматривался к ломаной линии утесов. Наконец причалили.

— Это Медведица, — задыхаясь, прошептал Игорь. — В воде под ней было несколько округлых камней. Мы их звали медвежатами... Набежит волна, и они будто ныряют...

Когда подошла Амина, Игорь сильным движением схватил ее, поднял на руках и крепко поцеловал.

— Любимая, — шептал ей на ухо. — Желанная!

Душа Амины трепетала и смеялась от счастья. Наконец, девушка вырвалась из объятий Игоря.

С того момента они почувствовали, что уже не могут жить друг без друга. Игорь и Амина думали, что никто еще никогда так не любил. Занятые собой, они забывали о мире.

И однажды, вернувшись с прогулки, они застали бабушку в слезах. Она сказала, что случилось непредвиденное: марсиане захватили Саджеру и держат его в заложниках...

— Что они могут ему сделать? — спрашивала Амина, нервно ходя по комнате.

— От них можно всего ждать, — с отчаянием проговорила бабушка. — Угрожают убить, если Совет Коммун применит против них силу...

— Ничтожные подонки! — сжал кулаки Игорь. — Человек им желал добра, а они...

— Как это все случилось? — спросила Амина.

— Через несколько минут будет передача — экран включен... Будет говорить пилот, который его сопровождал.

Амина нетерпеливо поглядывала на часы. Игорю так захотелось курить, что он нашел свой старый комбинезон, наскреб в кармане махорки и, скрутив небольшую сигарету, закурил!

Женщины испуганно смотрели, как он глотал дым, а потом выдыхал его ртом и носом.

— Теперь и я вижу, что вы прилетели из прошлого, — сказала жена Саджеры. — Я читала, что когда-то люди глотали дым...

— А мне можно попробовать? — попросила Амина.

— Это что, — пустил сизые кольца Игорь, — вот бы пачечку "Дюбека"... У нас когда-то под табак отводились лучшие земли! Существовали крупные сигаретные фабрики...

Амина от дыма сильно раскашлялась.

— Это яд! Брось, Игорь!

Игорь сделал еще две жадные затяжки и бросил окурок за окно. Голова слегка затуманилась. Но нервы немного успокоились.

В это время на экране телевизора появился пилот — юноша, среднего роста, в белом спортивном костюме. Лицо его было сосредоточенное, даже суровое.

Он пытался говорить спокойно, но это давалось ему нелегко. Иногда пилот замолкал, не находя нужных слов. Судьба ученого тревожила, волновала его.

Затаив дыхание, Игорь слушал рассказ пилота.

«...Вот самолет наш уже над Гималаями. Вокруг нависли

облака, белеет снег. Саджера, глядя вниз, сказал: «Посмотри, дружище, сколько их здесь...». Мы смотрим и видим, что все удобные площадки межгорья и в радиусе двух-трех десятков километров заселили марсиане. Повсюду виднеются их палатки и ангары. На одной из площадок замигали синие посадочные огни. Я повел самолет на посадку».

Как только машина приземлилась, к ней подбежало трое марсиан в черной, мешковатой одежде. Они попросили Саджеру подняться с ними выше в горы. Надев кислородный прибор, тот пошел. Пилот долго ждал, но ученый не возвращался. Тогда пилот двинулся в том направлении, куда марсиане повели старика. Между скалами он заметил несколько установок для стрельбы электрическими разрядами. Его удивило, что пришельцам удалось вывезти с Марса

столько снаряжения. «А может, эта база тайно существует здесь давно? Вон уже и ступени успели вырубить в горах...» Пилот приблизился к палатке, что примыкала к одной из вершин, и прислушался. Оттуда слышался голос Саджеры. Ученый говорил:

— Допустим, что вы не согласны с моим предложением. Но зачем вам задерживать меня? Не понимаю.

— Мы вас очень уважаем, уважаемый Саджера, и знаем, что на Земле вас ценят не меньше, — сказал марсианин. — Поэтому ваш Совет Коммун не осмелится напасть на нашу базу, пока вашей жизни угрожает опасность.

— Да как вы смеете! — возмутился Саджера. — Разве это возможно в отношениях между мыслящими существами?

— Не заблуждайтесь, уважаемый, — проговорил марсианин, — политика не признает чувств.

— А ум, ум признает ваша политика? Неужели вы не понимаете, что мир — это сотрудничество и дружба мыслящих существ между собой? Ну что ж, хорошо, я передам через пилота — пусть разрушат ваше осиное гнездо. Лучше погибну я, чем на нашей планете будет такая мерзость! — разгневался старик.

— Успокойтесь, уважаемый Саджера, — послышался снова ровный глуховатый голос. — Ничего вы не передадите... Поработаете с нашими лингвистами. А Совету Коммун мы сами передадим вашу волю, конечно, в нашей интерпретации. Запомните, что политика — это игра, в которой каждый участник может делать любые ходы, чтобы обеспечить успех. — И он дал распоряжение, чтобы привели пилота.

Пилот, который все это слышал, сломя голову бросился к своему аппарату. Только вскочил в кабину, как его окликнул посланный за ним:

— Вас тоже просят подняться наверх.

В его руке блестела какая-то металлическая трубка.

— Возьму только кислородный прибор и сейчас же иду, — ответил пилот.

А сам быстро закрыл кабину и включил двигатели.

Вокруг самолета взрывались большие огненные шары, похожие на круглые молнии, но ни один из них, к счастью, не попал... Вылетев из зоны обстрела, пилот вернулся на свою базу.

...Игорь впал в глубокую задумчивость. Ему было больно чувствовать собственное бессилие. «Вот мне хотя бы один реактивный штурмовичок! Дал бы я им прикурить! Что же делать? Как спасти Саджеру?» Эти мысли ни на минуту не покидали Игоря.

Утром он не пришел завтракать. Амина стала звать его, но никто не отзывался. Девушка заглянула в комнату, но там никого не было. На столе лежал конверт. Дрожащими руками Амина взяла его и вынула коротенькую записку.

«Дорогая моя! Подлость врагов возмутила меня до глубины души, — писал Игорь. — Я должен спасти нашего дедушку. Прощай, не грусти. Я быстро вернусь».

Амина несколько раз перечитала записку. Тревога охватила ее душу.

«ЗДРАВСТВУЙ, «МЕЧТА»!»

В то время, когда Амина читала письмо, Игорь был уже далеко.

Рано утром, выйдя на магистраль, он начал «голосовать». Промчалось несколько машин, но ни одна не остановилась. «Что за чертовщина», — выругался Игорь и стал посреди дороги. На него с огромной скоростью мчалась машина. Страшно было стоять, и он уже хотел броситься на обочину, но заметил, что машина пытается объехать его. Тогда он еще шире расставил руки. Автомобиль остановился. Игорь увидел, что пассажир спал и хотел открыть дверцу, чтобы попросить его... И только он сделал один шаг в сторону от машины, как та тронулась и исчезла вдаль. «Ох, и дурак же я! — сказал сам себе Игорь. — Электронный глаз машины увидел, что путь свободен, и дал команду на

продолжение движения. Не подумал, прозевал! А еще инженер ракеты!»

Вторая машина со спящим пассажиром уже не обманула его. Стоя перед ней, Игорь заорал: «Алло! Товарищ!»

Пассажир — это был пожилой мужчина с седыми усами — проснулся и выключил управление. Игорь попросил «подбросить» его хотя бы до ближайшего перекрестка.

— А, человек Прошлого, — сказал мужчина, с интересом рассматривая Игоря. — Я очень рад вам помочь. Садитесь, садитесь, прошу вас!

Доехав до места своей работы, спутник показал Игорю, как включать кибернетического водителя, и отдал ему автомобиль. Игорь помчался, не теряя ни минуты. На следующий день он увидел берега Северного океана, где в порту качалась на волнах его родная «Мечта», и быстро побежал по набережной.

— Куда это вы так спешите? — послышался знакомый голос.

Перед ним стояла Амина.

— А ты как тут оказалась?

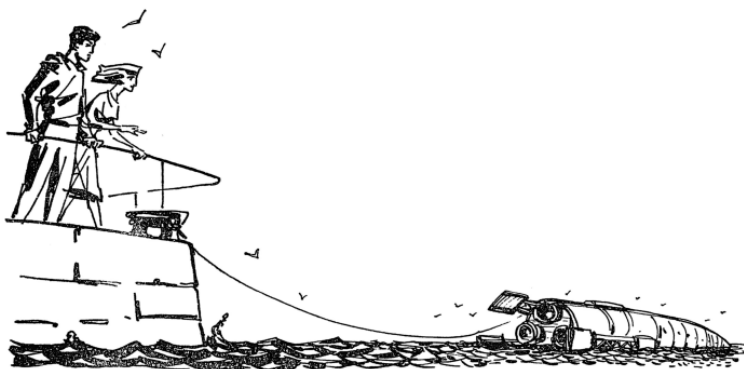
— По воздуху обогнала!

— Извини! Я не хотел тебя беспокоить...

Они пошли по набережной к причалу, где стояла пришвартованная на тонком тросе ракета.

— Здравствуй, «Мечта»! — радостно воскликнул Игорь.

Амина восторженно смотрела на него.

В порту сновало много морских «лимузинов». Большие краны разгружали океанские корабли. Людей было мало. С громкими криками в воздухе носились белые чайки.

Игорь сказал девушке:

— Я твердо решил... Если ты собираешься отговаривать меня, то можешь и не начинать...

Амина внимательно взглянула на него.

— Решительный ты... Я хочу полететь с тобой!

Игорь сжал ее в своих объятиях, поцеловал в ямочки на щеках. Девушка отступила на шаг, критически осмотрела его и покачала головой:

— И ты хочешь вот так лететь на Гималаи?

— А что? — растерянно смотрел на себя Игорь.

— Надо же одеться, взять снаряжение. Гималаи — это суровый уголок на Земле!

— Верно, верно, Амина! Я, как всегда, тороплюсь...

Условились, что Игорь будет готовить ракету к полету, а Амина тем временем поедет на склад и возьмет все необходимое для себя и для него.

— Только поторопись! — сказал Игорь, направляясь к ракете.

— Я быстро, это же здесь, совсем рядом! Вон там, — Амина указала на просторное здание порта.

Подплыв к ракете, Игорь по металлическим скобам ловко влез через отверстие в кабину. Не успел проверить энергосистему ракеты, как Амина вернулась. Она привезла одежду, обувь, мотки тонкого шнура и некоторое другое снаряжение.

Игорь пощупал добротный спортивный костюм и спросил:

— Шерсть искусственная, конечно?

— Нет, натуральная.

— Да что ты? — искренне удивился Игорь. — А я думал, что теперь абсолютно все искусственное!

— Зачем же... Мы используем и природные возможности. Это вот для тебя, — сказала Амина.

Девушка заинтересовалась ракетой — расспрашивала Игоря, а тот хвалил старую технику. Амина с большим интересом рассматривала пульт управления, хрупкими пальцами прикасаясь ко всему.

Игорь нашел оружие.

— Вот эта штука, может, и примитивная, — сказал он, подав ей пистолет, — но ты должна научиться ею владеть.

Через открытый люк Игорь выстрелил в стаю «парусников», что пролетала поблизости. Девушка чуть не заплакала, увидев, как одна из птиц, кувыряясь, упала в воду. Игорь не разделил ее переживаний и заметил, что с такими качествами ничего и лететь к воинственно настроенным марсианам. Амина пообещала быть более мужественной. Она быстро усвоила все, необходимое для стрельбы.

— Кроме пистолетов, у нас есть еще карабин и гранаты, которые я когда-то взял с собой в дорогу, — сказал Игорь. — Думаю, что можно лететь.

Он включил радиоприемник. Передавали текст ультиматума марсиан:

«Мы задержали уважаемого Саджеру на основе межпланетного права. Желая решать все проблемы путем переговоров, без применения силы, мы открыто и твердо заявляем, что имеем оружие, способное уничтожить Землю. Но не собираемся никому угрожать. Запомните, что наши базы есть наши базы... Свято придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других народов, мы не можем допустить того, чтобы соседи отказывались от выгодного обмена товарами, как это было в случае с речным судном. Матрос, который сопровождал судно, отказался иметь с нашим представителем деловые связи. Следовательно, ответственность за этот инцидент целиком и полностью лежит на Совете Коммун. Вы не имеете вооруженных сил, а мы их имеем, поэтому мы великодушно берем на себя миссию оберегать вашу мирную жизнь от агрессии, от угрозы порабощения. Вот чем руководствовались мы, не жалея усилий и средств на создание гималайской базы. А земляне должны поддерживать нашу базу, поставлять ее гарнизону все необ-

ходимое. Вместо этого нам предлагают эвакуироваться, пренебрегая принципами равенства, справедливости и уважения суверенитета. Надеемся, что Совет Коммун пересмотрит свою политику».

Когда диктор закончил, Амина обеспокоенно спросила Игоря:

— Что ты скажешь на это?

— Комментарии, как у нас когда-то говорили, здесь излишни. Негодяи!

Снова заговорило радио, которое передало ответ Большого Совета Коммун: «Самовольно прибывшим марсианам предлагается: первое — отпустить ученого, который приехал на Гималаи с миссией доброй воли; второе — немедленно покинуть Землю. Большой Совет Коммун гарантирует, что при выполнении этих условий она воздержится от применения санкций».

— А теперь полетели! — сказал Игорь.

— Подождем, не будет ли это нарушением воли Большого Совета Коммун?

— Думаю, что нет. Наша цель — вызволить дедушку. Если они не нападут на нас, мы не сделаем ни одного выстрела. Ведь так?

— Верно, дорогой! Ты у меня, как когда-то говорили... вот, — настоящий дипломат!

— Сядь сюда, накинь эти ремни... А я дам задачу вычислительной машине.

Затем он сел за пульт. Включил двигатели. Словно горы рушились, — так загремело. Корпус ракеты задрожал, и невидимая сила прижала Амину к спинке кресла. Она смотрела на Игоря, склонившегося у пульта. Выглянула в иллюминатор: далеко внизу виднелась среднеазиатская степь. Прошло совсем немного времени, а под ними был уже Китай... «Неужели так быстро? — подумала. — Да, эта ракета — достойная предшественница современных аппаратов!..»

НЕПОДАЛЕКУ ОТ ЭВЕРЕСТА

Амине казалось, что ракета висит на одном месте, а планета вращается под ней. Вскоре показались горы, суровая, неприступная «Крыша Мира», страна вечных снегов. Но как найти в грандиозном хаосе хребтов и шпилей место, о котором рассказывал пилот?

— Эверест! — крикнул Игорь.

Амина увидела мощную вершину, державшую на своих заснеженных плечах своды неба.

Посадить ракету в горах было нелегко. Она то «зависала» на одном месте, то стремглав летела вниз, чтобы потом снова подскочить на газовом столбе вверх. От одной мысли об аварии Игоря бросало в жар: ведь он рисковал не только собой и ракетой, но и подвергал опасности Амину. Наконец Игорь выбрал место на леднике и пошел на посадку.

Садясь на ледник, Игорь знал, что могучий поток раскаленного газа пробьет в толще льда «гнездо» для ракеты, и она встанет там, как патрон в обойму.

Все ближе белый язык ледника... Толчок, еще толчок, и двигатели умолкли. Ракета стояла, окутанная клубами пара, будто попала в белое облако.

Вытерев пот со лба, Игорь взял карабин и приказал Амине:

— Обороняй ракету, а я пойду за дедом. Держи их на расстоянии, чтобы не подорвали амортизаторы. Патронов хватит. Стреляй, кидай гранаты так, как я показывал! — потом крепко поцеловал ее в губы и переступил через порог.

К месту посадки ракеты уже бежали марсиане. Их черные фигуры выросли на краю ледника, где легла тень ракеты. Игорь незаметно присел за скалой и притаился. Короткий ствол его карабина был направлен на врагов. Он вспомнил фронт, безумные атаки...

Марсиан был душ десять—двенадцать. Они гоготали, как гуси, жестикулируя. Затем один марсианин, щелкнув чем-то металлическим, похожим на коробку для киноленты,

начал прицеливаться. «Ах ты же, гадина!» — выругался Игорь и нажал на спусковой крючок. Игорь и марсианин выстрелили одновременно... Амина успела задраить люк. Огненное яблоко электрического разряда разбилось о его броню, рассыпалось на тысячи искр. А марсианин, как сноп, повалился со своим оружием и громко застонал. Остальные марсиане подбежали к нему. В этот момент Амина приоткрыла люк и бросила в них гранату. Сильный взрыв сотряс воздуха... Игорь осторожно выглянул из-за скалы и увидел, что ни один из нападавших не уцелел! Некоторые лежали лицом вверх, другие корчились на снегу, а многих совсем разметало.

— Так и круши их! — подбодрил Игорь, а сам направился в сторону вершины.

Амина взглядом провожала его, пока он пробирался по обрывам и скалам. «Настоящий боец, — подумала девушка про Игоря, и гордость за него наполняла ей грудь. — Вот так тогда, в древности, бесстрашные солдаты, не жалея своей жизни, воевали с нападающими».

Тем временем, Игорь был уже далеко. Заметив ступени, о которых рассказывал пилот, он обошел их и полез в гору. Еще метров двадцать пять — и он доберется до большой палатки, что чернеет под серой скалой. Метр за метром подтягивался выше. Иногда ноги соскальзывали, и он, тяжело дыша, повисал на руках. Если бы не прошел школу альпинизма, ни за что не преодолел бы такого подъема. Вот когда пригодился ему любимый вид спорта — спорта отважных!

Еще одно усилие, и он ухватился за верхний карниз, подтянулся на руках, вылез.

Лежал, не поднимаясь, и оглядывался вокруг. Оттуда, где была ракета, слышны были приглушенные выстрелы. «Там Амина. Скорее, скорее», — стучало ему в голове.

Когда подполз к палатке, увидел возле нее вооруженного марсианина. Игорь не стал стрелять, чтобы не поднимать шума. Подползал поближе. Марсианин заметил Игоря и, словно пантера, бросился на него, пытаясь ухватить за шею. «Ах ты, гад! — процедил сквозь зубы Игорь, вырываясь из

его объятий. — Мало еще ты каши марсианской ел!». Но справиться с разъяренным врагом было нелегко. Они оба упали и чуть не скатились с утеса. Наконец, Игорь изо всей силы ударил марсианина о скалу головой. Тот охнул и за-
мертво повалился на камень.

Тяжело дыша, Игорь прислушался. В палатке отчетливо слышались два голоса, которые разговаривали на незнакомом, очевидно, марсианском языке. В одном из них он узнал знакомый голос Саджеры.

Игорь украдкой зашел в палатку. Собеседники так были увлечены лингвистикой, что даже внимания не обратили на него...

— Я прибыл за вами! — тихо сказал Игорь, обращаясь к Саджеру.

Но ученый даже не шелохнулся. Дискуссия так увлекла его, что он ничего не замечал.

— Ладно, ладно, — пробормотал он и продолжал говорить что-то по-марсиански.

Тогда Игорь подошел и встряхнул его, словно сонного.

— Что? А? Это ты, Игорь? — схватился Саджера. — Каким образом? А мы тут с коллегой рассматриваем исторический генезис одного чрезвычайно интересного слова. Пони-
маешь...

— Уходим поскорее! — перебил Игорь. — Потом, потом расскажете...

— Так мы же не закончили с коллегой...

— Пусть и коллега идет! Места хватит.

— Отлично! Пойдем, коллега, продолжим.

Марсианин взял несколько книг под мышку, и все трое вышли. Уходя, лингвисты продолжали бубнить непонятные для Игоря фразы, а он шел следом за ними, держа в правой руке пистолет.

Спустились по лестнице.

Солнце уже скрылось за зубчатую стену дальних хребтов, когда они подошли к ракете. В сумерках ученые, увлеченные дискуссией, не обратили никакого внимания на трупы, что лежали вокруг. «Неужели захватили ракету? —

мелькнула тревожная мысль у Игоря. — Или, может, засада?»

Затаив дыхание, он поднялся по скобам. Люк был закрыт не совсем плотно. «Амина!» — позвал через щель. Но ответа не было.

...У Игоря, кажется, замерло сердце... Пробует отжать люк, но не может. В то же время он видит, как невдалеке, по направлению к ракете плывет много каких-то огоньков. Длинным ручьем стекают они к леднику. Вот уже ближе и ближе... Слышатся приглушенные крики, стук и скрежет металла. «Подходите, подходите, вот я вас угощу...» — Игорь прицеливается в переднего и нажимает курок...

Отдельные огоньки покружили на месте и поплыли обратно...

Выстрелы услышала Амина, которая лежала в кабине, немного контуженая от взрывов марсианских молний. Невыразительным усилием она нажала кнопку. Открылся люк, и все трое — Саджера, марсианин, а за ними и Игорь влезли в кабину. Сначала бросились к Амине. Но Игорь сразу вспомнил об опасности. «Лететь, немедленно лететь!» — решил он.

Тронув Саджеру за локоть, Игорь кивнул в сторону марсианина: «Попался, мол!» Но Саджера категорически запротестовал:

— Выпустите коллегу! Мы не можем применять коварных методов. Это — во-первых. А во-вторых, без специального устройства для дыхания он же погибнет на дне воздушного океана.

Игорь неохотно открыл люк и жестом показал марсианскому ученому, чтобы тот убирался прочь. Марсианин быстро забормотал, обратившись к Саджере:

— Прошу вас взять меня с собой. Не у вас, а тут я задохнусь...

Саджера сжал руку своего коллеги и сказал:

— Так скорее же летим, Игорь!

Через несколько минут «Мечта» была уже очень далеко от Гималаев.

Марсианин возбужденно говорил:

— Наша общественная организация ужасна... Мыслящие существа превращены в придаток машины. Олигархия использует кибернетический центр в своих эгоистических интересах. Электронный мозг контролирует все действия отдельных людей и даже определенных групп. Каждый человек рассматривается как потенциальный враг олигархии. Недоверие и строгая регламентация сопровождают ее на каждом шагу. Я все время мечтал вырваться... Они и сюда, на Гималаи, взяли эту проклятую машину. Я благодарен вам, друзья, вы спасли меня от моральной гибели...

НА ПОРОГЕ СЧАСТЬЯ

На следующий день пришла радостная весть. Сообщалось, что империалистические агрессоры, которые не выполнили ультиматума Большого Совета Коммун и пренебрегли миссией доброй воли старого ученого, были обезврежены («продезинфицированы») ультразвуковыми установками. Базы нападавших уничтожены. Части марсиан — преимущественно интеллигенции, — удалось сбежать на свою планету.

Хотя это сообщение Игоря и обрадовало, но он чувствовал себя слишком взволнованным. Главной причиной этого было то, что его любимая Амина выздоравливала после контузии не очень быстро.

После обеда Игорь и Амина ходили на прогулку. Купались в море или продирались через лесные чащи. Веселые, неунывающие, они разговаривали обо всем — о цели жизни и о многом другом.

— А когда мы пойдем в ЗАГС? — вдруг спросил Игорь.

— В какой загс? — удивилась девушка.

Игорь рассказал, что такое загс, как когда-то праздновали свадьбу.

— Получается, что любовь двух людей гарантировало государство?

— Получается, да.

— Так вот, в наше время Коммуна тоже празднует день создания новой семьи. Дети преподносят букеты полевых цветов... Песни, музыка, фестиваль... Так красиво, красиво!

— А когда же нам... преподнесут цветы?

Амина зарделась:

— Куда ты так спешишь?

— Я тебя ждал целые века...

— И я ждала. Ну, хорошо, сегодня поговорю с папой и мамой...

Домой летели, словно на крыльях. Игорь так устал, что зашел в свою комнату, чтобы передохнуть на диване. Но ему становилось все хуже и хуже. Кружилась голова, дышать было трудно, словно кто-то давил за шею.

С сияющим лицом вошла Амина.

— Я уже поговорила с родителями! — радостно сказала она еще с порога.

Но Игорь лежал молча, закрыв глаза.

— Что с тобой?! — вскрикнула Амина. — На тебе лица нет!

— Плохо мне, дорогая...

Амина немедленно вызвала врача. Это был высокий, уже немолодой мужчина. Осматривая больного, он увидел опухоль на шее Игоря.

— Наверное, это его марсианин чем-то уколол... — стала объяснять Амина.

Врач распорядился срочно доставить больного в клинику.

— Похоже на отравление марсианским ядом. Надо спешить — этот яд способен необратимо разрушить центральную нервную систему...

В СОЛНЕЧНОЙ ПАЛАТЕ

Игорь открыл глаза и увидел высокий белый потолок, верхние части окон со светло-желтыми шелковыми шторами. Окна были открыты, и шторы слегка колыхались.

Здоровье возвращалось к нему. Подложив под бок подушку, он долго смотрел в окно. За окном виднелись крупные розовые плоды, похожие на яблоки. А вон там растет березка. Тонкие ее ветви были опущены вниз и слегка покачивались. Летнее тепло наполняло палату.

Вошел врач.

— О, значит все в порядке! У вас уже появилась чувствительность, и восстанавливаются связи с внешним миром.

Он еще раз обследовал Игоря, присоединяя по очереди к рукам, груди и голове различные аппараты, стрелки которых вычерчивали на бумажных лентах запутанные линии.

— Видите ли, — говорил тем временем врач, — трудность была в том, что яд глубоко проник в нейроны и порастил жизненно-важные центры нервной системы. Но ваш организм победил болезнь, и теперь вам надо только окрепнуть. Чувствительность нервной системы некоторое

время будет еще повышенной, но постепенно вернется в норму.

— А когда же... домой?

— Через несколько дней. И теперь вам и здесь не будет одиноко. Вас будут навещать.

В это время в палату зашла Амина. Она обняла Игоря, прижала к себе, помолчала, а потом спросила:

— Как твое здоровье?

— Спасибо, моя дорогая, уже лучше.

Начался нежный разговор влюбленных, разговор, в котором все мелочи кажутся такими важными...

Прощаясь, Амина сказала:

— О, чуть не забыла! Через две недели в космическую экспедицию улетает мой отец. Нам разрешено сопровождать его до спутника.

— До спутника? — спросил Игорь. — Это очень интересно!

— Да, мезонные ракеты базируются не на Земле, а на искусственных спутниках.

Амина попрощалась с Игорем, а он еще долго смотрел ей вслед.

Через несколько дней Игоря выписали из больницы.

СЕКРЕТ ИГОРЯ

...Всю дорогу до ракетодрома Игорь сидел в раздумьях. Все, кто были в машине, шутили, смеялись, а он прислонился плечом к дверце и молча смотрел на поля. Вокруг, куда достигал взор, зрели хлеба, зеленели леса.

Среди пассажиров были Надежда и Мариста. Они о чем-то расспрашивали Феличе, а тот им охотно отвечал. Амина разговаривала с дедушкой. Один Игорь не участвовал в разговорах... Какие-то невнятные чувства наполнили его душу. Он не унывал, но чувствовал, что куда-то его тянет, манит. Куда? Сейчас он и сам не знал, да и не старался особо задумываться над этим. Убегали вдаль поля. Уходили за горизонт леса. Широкое шоссе сверкало впереди длинной лентой, иногда скрывавшейся в лесных посадках.

Но вот проскочили небольшой дубовый лесок, и перед ними открылась прекрасная, голубая ширь моря! Игорь даже подскочил — такое море было замечательное.

Игорь знал, что ракетодром, откуда они должны были лететь на спутник, расположен на берегу моря. Но где же ракеты? Ни одно «веретено» не нацелилось в небо. И только тогда, когда подъехали совсем близко, — увидел, что ракеты покачиваются на воде.

— Да это же не ракетодром, а ракетоплав! — воскликнул Игорь.

— Верно, — поддержал его Феличе. — Наши ракеты садятся на воду и стартуют с воды. Удобнее!

Игорь с волнением вошел в ракету, присматривался к ее оборудованию.

Все здесь радовало глаз — и отделка, и удобные места для пассажиров. Игорь заглянул даже в кабину пилота.

— Заходите, заходите, пожалуйста! — пригласил его черноволосый юноша в комбинезоне, узнав в госте человека из прошлого.

Он сидел напротив небольшого щитка, на котором не было никаких приборов.

— А где же приборы управления? — удивился Игорь. — Как вы следите за работой двигателя?

— Если хотите увидеть, садитесь вот здесь, — сказал юноша, указывая на кресло рядом с собой. — Поведем ракету вдвоем!

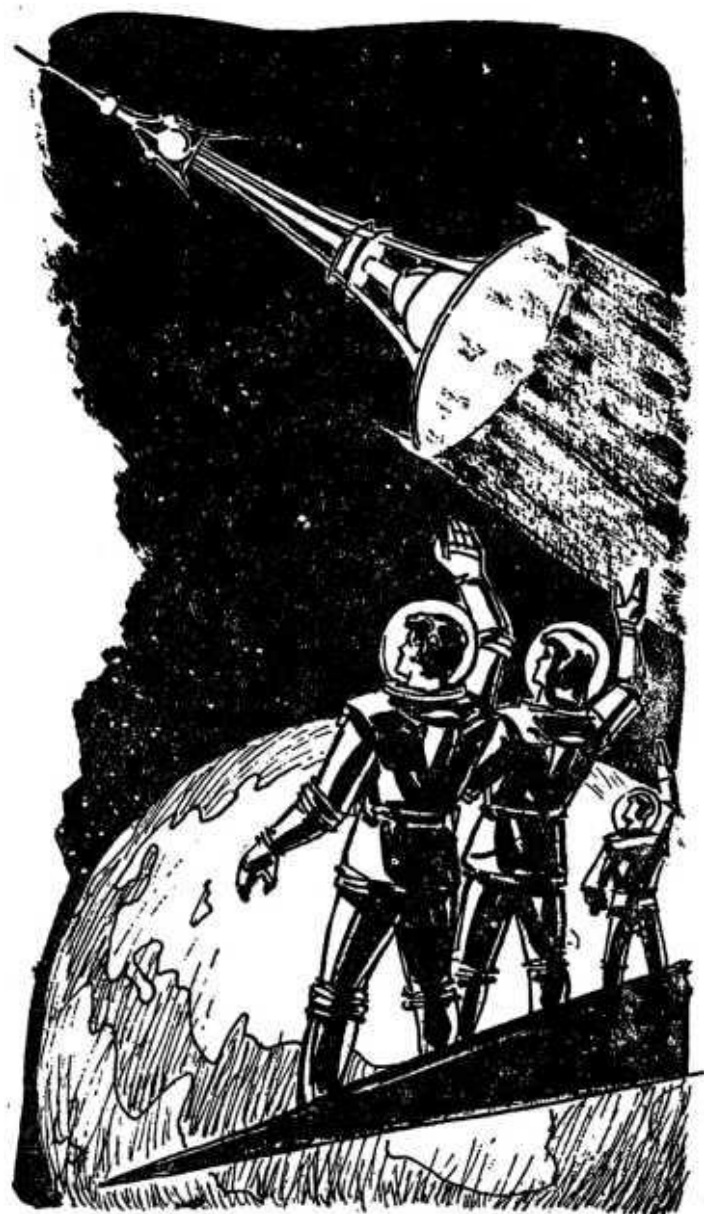
«Поведем ракету!..» Сколько волнения вызвали эти слова у Игоря. С какой охотой он сел бы за пульт, чтобы его руки привели в движение сердце ракеты.

Настал момент старта. Юноша слегка нажал пусковую кнопку, и ракета медленно отчалила от бетонного пирса. Через мгновение она уже была в воздухе.

Нарастающая тяжесть прижала Игоря к упругому сиденью, но он не сводил глаз с щитка, на котором дрожали линии — сигналы. «Это освоить нетрудно, — подумал, — а вот мезонную... Изучу и мезонную. Обязательно». Игорь вдруг почувствовал, что именно космонавтика и является его призванием.

Когда стихли двигатели, и ракета полетела по инерции с постоянной скоростью, Игорь, держась за поручни, перешел в пассажирский салон.

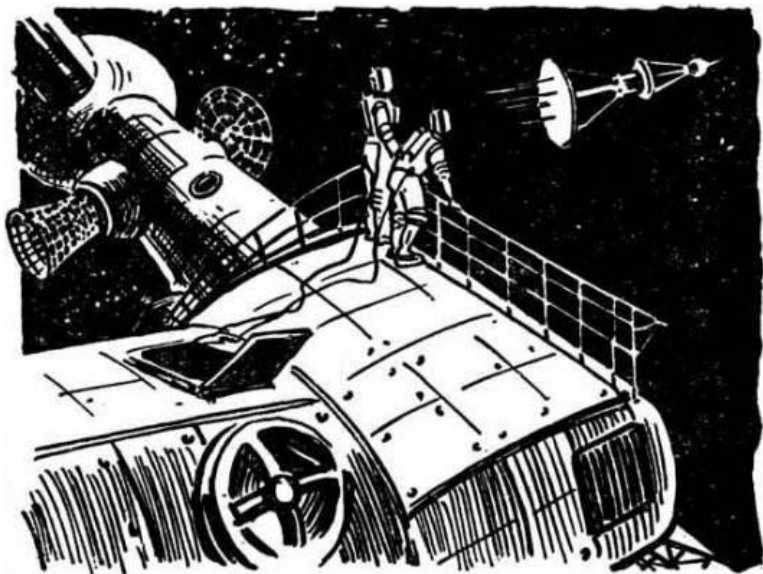

Здесь говорили об экспедиции к Холодной туче — так назвала пресса облако, скопление космической пыли, которое двигалось вокруг галактического центра и пересекало путь, по которому Солнце должно было проходить со своими планетами.

Игорь наблюдал за сосредоточенным, спокойным лицом Феличе, и думал: «Вот выдержка у человека! Только знания и вера в свои силы могут дать такую уверенность».

Мезонная ракета поразила Игоря. То, что он увидел, превосходило самые смелые фантазии не только грандиозностью, но и красотой. В солнечном свете сверкала мезонная ракета, издалека похожая на музыкальную трубу духового оркестра, очень расширенную с одного конца.

К Игорю подошла Надежда, и они вместе припали к иллюминатору. Амина, ее мать — Фидина, Феличе, дедушка и Мариста сидели, изредка перебрасываясь короткими фразами.

Когда до мезонной ракеты оставалось метров сто, Надежда воскликнула:

— «Луч»! Видишь, Игорь, надпись? Правда, поэтично?

— Да!

Подали команду надеть скафандры и прикрепить шлемы. Теперь разговаривали уже по рации.

Феличе велел Амине показать своим друзьям «Луч», потому что он будет очень занят.

Игорь чувствовал себя в скафандре легко и удобно, как в обычном костюме. Шлемы изготавливались из прозрачного материала, сквозь который хорошо было видно все вокруг.

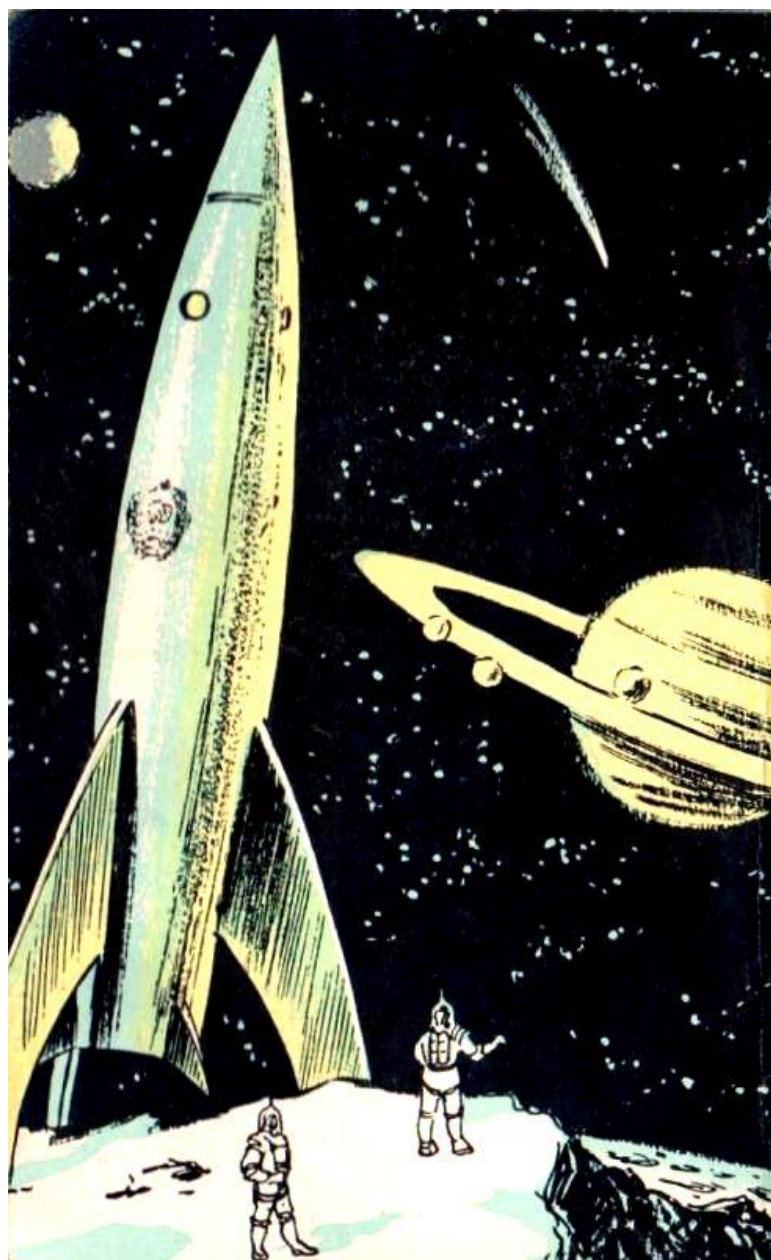
На спутнике Игорь почувствовал, что подошвы скафандра словно магнитом притягиваются к полу — поверхность спутника была действительно намагничена, чтобы предотвратить случайное падение в космическое пространство.

Феличе, его жена и Саджера спустились через открытый люк внутрь спутника, а Надежда, Мариста, Амина и Игорь встали на краю спутника, чтобы посмотреть оттуда на Землю, которая голубела вдали, вызывая непередаваемо-волнующее чувство.

Прощание с космонавтами, которые отправлялись на «Луче» в далекое путешествие, вышло очень трогательным, но недолгим. Крепкие рукопожатия, объятия, напутственные слова...

Игорь смотрел на удаляющийся "Луч" и мечтал о новом, далеком, очень далеком путешествии в будущее, которое он совершит вместе с Аминой на мезонной ракете. На тысячи лет они помчатся за невидимые горизонты времени, чтобы увидеть дальнейший расцвет науки и культуры «на островах жизни»! Вот секрет, который он расскажет Амине, как только они вернутся на свою родную голубую планету.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА

В Бережной
В звездные миры

КРЫМИЗДАТ—1958—СИМФЕРОПОЛЬ

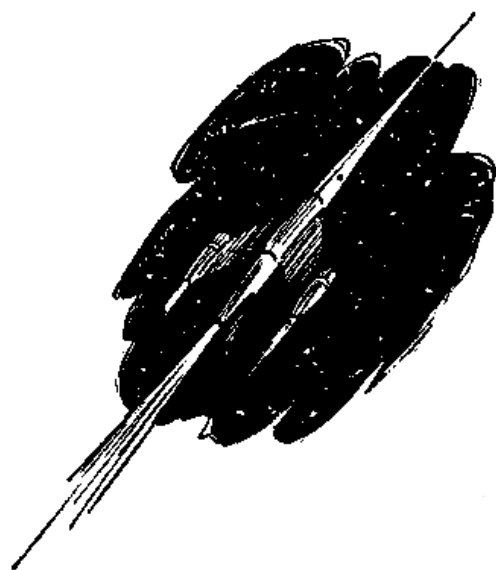
Первая публикация: В. Бережний.
В ЗОРЯНІ СВІТИ:
науково-фантастична повість //газета
«Молодь України», 1955 год.
Иллюстрации М. Фомичева

Василий Бережной
В ЗВЕЗДНЫЕ МИРЫ
(В ЗОРЯНІ СВІТИ)
Повесть, 1955 год

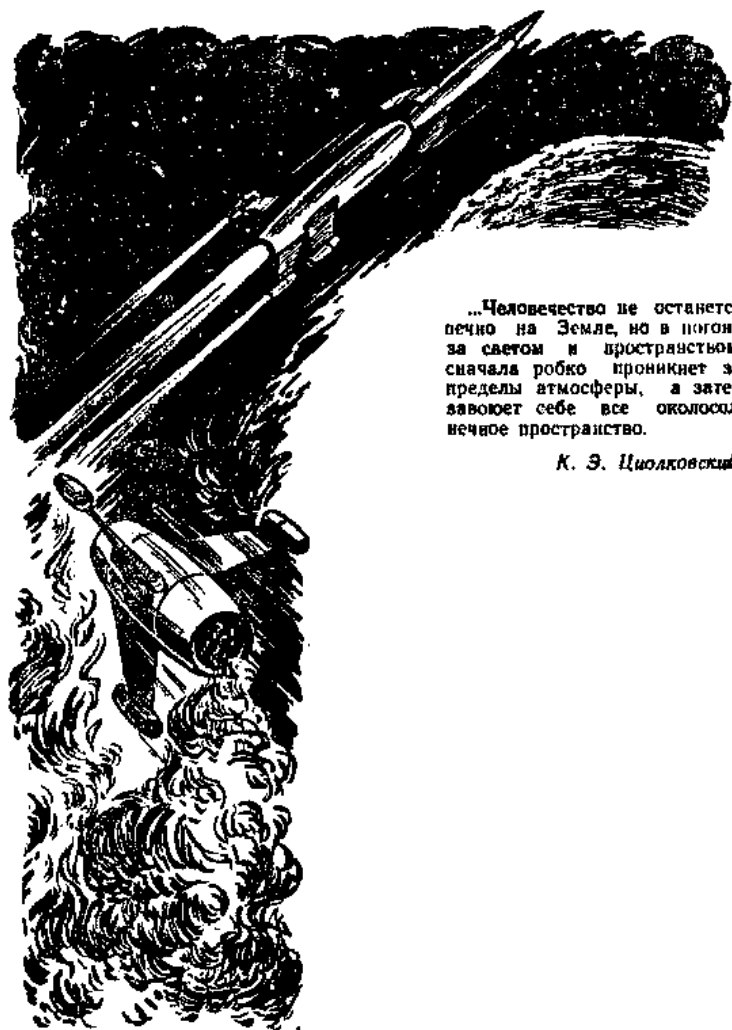
Печатается по изданию: сборник «Приключения и фантастика», Симферополь: Крымиздат, 1958 г.
Перевод с украинского К.Млинченко и П.Сынгаевского.

Художник Б. Аржекаев,
Издание дополнено иллюстрациями из издания:
Василь Бережний: В зоряні світи, Киев: Молодь, 1956 г.
Серия: Бібліотека пригод та наукової фантастики

Художник А. Довгаль.
Заставки художника Г.С. Зубковского из второго, расширенного издания повести под названием «У зоряні світи»
в сборнике «В небі – Земля», Київ: Державне видавництво художньої літератури, 1962 г.

В. Бережной
В ЗВЕЗДНЫЕ МИРЫ

...Человечество не останется
печно на Земле, но в погоне
за светом и пространством,
сначала робко проникнет за
пределы атмосферы, а затем
завоюет себе все околосол-
нечное пространство.

К. Э. Циолковский.

В ЗОРЯНІ СВІТІ

«Людство не залишиться вічно на Землі, а, в гонитві за світлом і простором, спочатку неспілкує сяме за межі атмосфери, а потім завоює собі увесь простір навколо сонця».

К. Е. ЦІОЛКОВСЬКИЙ.

В ЗВЕЗДНЫЕ МИРЫ

Научно-фантастическая повесть

НАКАНУНЕ ВЫЛЕТА

Иван Макарович Плугарь — человек среднего роста — стоял у открытого окна и любовался садом. На его худощавом лице лежали следы усталости, только серые глаза блестели неудержимой энергией.

Сад был еще совсем молодой — его посадили лет семь или восемь тому назад работники Института Межпланетных Сообщений. Иван Макарович тоже принимал участие в суб-

ботнике. И вот уже перед ним на тонких стволах — нежные кроны яблонек. А как дружно они зацвели! Иван Макарович, занятый все время своим космическим кораблем, даже не заметил, когда это произошло. Да что там цветение — этот сад вообще неожиданность. Когда он вырос? Разве они так давно посадили его?

Нежные цветы ласкают глаз. Сад светится на солнце, будто плывет, подняв бледно-розовые паруса, сказочный корабль.

— Иван Макарович!

Он поворачивает голову. Посреди кабинета стоит секретарша Муся. Лицо ее грустно. С того времени, как был утвержден космический рейс, она смотрит на своего начальника, как на приговоренного к смерти.

— Что такое, Муся?

Иван Макарович нехотя отошел от окна.

— К вам пришли.

— Кто?

— Ученый, говорит, специалист... по географии Луны...

Дверь распахнулась, и в кабинет нетерпеливым шагом вошел полный мужчина в сером костюме с толстой папкой в руках.

— Да, да, — произнес он на ходу, — я селенограф.

— Садитесь, пожалуйста! — Иван Макарович указал на желтое кожаное кресло у письменного стола. Муся вышла, неслышно прикрыв за собой дверь. Человек в сером развязал папку, вынул роскошно переплетенный альбом.

— Вы летите в звездные миры! — патетически воскликнул он. — Делаете первый шаг в космос... Узнав о вашей экспедиции, я счел своим долгом... — Он протянул Ивану Макаровичу альбом, вынул платок и стал прикладывать его к вискам. — Это наиболее подробные карты поверхности Луны!

— Очень благодарен! — сказал Плугарь, взвешивая на руке альбом.

— Что, тяжелый? — селенограф тревожно подался вперед. Его мясистое лицо покраснело от волнения.

— По сравнению с тем, который мы изготовили из микропленки, — улыбнулся Иван Макарович, — тяжеловат.

Селенограф смущенно опустил голову, руки мяли платок.

— Да я, собственно... Это в конце концов не главное... Я хотел бы, уважаемый Иван Макарович, сам полететь с вами на Луну! Надеюсь, что селенограф, десятки лет изучавший поверхность нашего спутника... Да я же все его кратеры, все трещины, какие ни есть...

Иван Макарович оглядел плотную фигуру посетителя, и тот смутился еще больше.

— Что, тяжелый, думаете?

— Да нет, — Иван Макарович поднялся, встал и его собеседник. — Дело не в этом. Послужить науке изъявили желание тысячи энтузиастов... Мы получили много писем и из Москвы, и из Одессы, из Ленинграда, из Киева, Хабаровска... Не вы первый, не вы, наверно, будете последний. За сутки, оставшиеся до нашего вылета, нас, надо полагать, еще будут штурмовать... А состав экспедиции уже давно утвержден, вы же сами понимаете...

Селенограф стоял растерянный. Казалось, он совершенно не ожидал отказа.

Иван Макарович посмотрел на него, будто что-то взвешивая, и продолжал:

— Открою вам одну тайну... Сейчас проходит испытания еще одна космическая ракета. Не за горами то время, когда и она полетит, как вы говорите, в звездные миры... Экипаж ее, насколько мне известно, полностью еще не укомплектован.

Селенограф просиял.

— Ну что ж! — воскликнул он, разводя руками. — Понимаю, это дело такое... Тогда позвольте... — он неожиданно порывисто обнял и расцеловал Плугаря. — Желаю вам счастья!

Иван Макарович даже не успел поблагодарить, как гость был уже за дверью.

Этот визит взволновал ученого.

Как-то резче почувствовалось, что он прощается с Землей... Прощается?.. Иван Макарович опять сел в кресло, задумался. Конечно, может случиться, что какая-нибудь неожиданность разрушит самые точные расчеты, сделанные коллективом ученых. Но Плугарь готов ко всему. Разве это не высшее счастье — отдать свою жизнь во имя отечественной науки?

Подождал к книжным стеллажам, занимавшим всю стену. Тысячи книг — человеческая мысль, запечатленная на бумаге! Галилей, Джордано Бруно, Коперник. Ломоносов, Циолковский... Какие великие умы мечтали о межпланетных путешествиях! А сколько написано об этом фантастических романов!.. Время шло, наука развивалась, и вот теперь фантазия становится реальностью. Человек и в самом деле отправляется в звездные миры!

В кабинет быстро вошла девушка. Ее веснушчатое лицо покраснело, густые, спадающие на плечи светло-русые волосы растрепались. Резким движением головы она то и дело откидывала непослушные пряди со лба. Легкое белое платье мягко облегалo крепкую фигуру.

Иван Макарович просиял, пошел к ней навстречу.

— Ну, как? Все в порядке, Оля?

— Все, папа! Как видите, я уже успела и переодеться.

— Медикаменты проверила по списку?

— Да.

— Инструментарий?

— Тоже.

— Хорошо, — задумчиво сказал Плугарь. — Я тебе верю. Прошу только учесть свои эмоции... Контролируй себя, Оля. Момент очень ответственный.

— Папа, я вполне сознаю ответственность момента... — Она взяла его под руку и подвела к окну. — Прошу не волноваться за меня. Посмотрите лучше, как чудесно расцвел сад!

— Представь себе, я уже обратил на это внимание.

— Вот здорово! — засмеялась Ольга. — Значит, все хлопоты по приготовлению остались позади?

— Почти что так.

Иван Макарович подошел к большому глобусу, стоявшему на тумбочке возле окна, повернул его и задумчиво поглядел на чистую, без единого обозначения, половину. Луна всегда повернута к Земле одной стороной, и еще ни один человек не видел, что же там, на втором полушарии, на этом белом пятне.

— Хотелось бы и мне увидеть это белое полушарие, — сказала Ольга.

— Это хорошо, дочка, что тебе хочется как можно глубже познать мир... Но я до сих пор не могу успокоиться, что ты летишь!

— Не надо, папа... Вы же сами говорили, что Роза космоса — это околица Земли. За два года ее существования была всего одна авария! Да и то — случай... А теперь я ведь лечу с вами, так что... я совершенно спокойна.

И все-таки в глубине души Плугарь тревожился за дочь. Правда, командировки на искусственный спутник Земли, поэтически названный Розой космоса, Ольга добилась сама. Там нужен еще один врач, и она прошла по конкурсу. Одно не давало покоя Ивану Макаровичу: а что, если комиссия сделала ей скидку, учитывая авторитет отца? Словно угадывая эти его мысли, Ольга часто подчеркивала строгость и объективность членов комиссии.

— И что ты так рвешься с Земли, Оля?

Ольга только вздохнула. Поздно отец начал интересоваться делами дочки. Ракета закрыла от него не только семью — весь мир! И это понятно. Но не станет же она сейчас рассказывать о своей неудачной любви, о том, что возбужденная внутренняя энергия ищет выхода, что душа ее жаждет неслыханных подвигов! Пусть говорит о ней радио, пусть пишут газеты, фотографируют кинооператоры... Пусть звучит ее имя!

— Да что ж, на Розу многие летали, — сказала после паузы. — А вот полет на Луну — другое дело. Это же впервые в моей жизни!

Отец улыбнулся.

— Этот полет первый не только в твоей жизни, Оля, а в жизни всего человечества. Именно поэтому придется выступать на пресс-конференции, а я очень не люблю ораторствовать.

Ольга посмотрела на часы.

— Нам, собственно, пора идти. Корреспонденты, должно быть, уже собрались.

— Умерь свое тщеславие, Оля, — улыбнулся Иван Макарович. — У нас еще целых три минуты.

— За это время вы сможете пустить в меня, грешную, еще три «шпильки».

— Со скоростью одной «шпильки» в минуту?

Они засмеялись и не спеша пошли в конференц-зал. Опечаленная секретарша Муся провожала их недоумевающим взглядом: идут себе, шутят! Будто не их завтра унесет страшная ракета, бросит в бездонную высь...

КАК ОЛЬГА СТАЛА СПЕЦКОРОМ

Конференц-зал и в самом деле был уже переполнен. Здесь собрались не только советские, но и иностранные журналисты. Роговые очки, поблескивающие пенсне, лысые головы и роскошные шевелюры. Перед каждым — ящичек портативного магнитофона. Все, что здесь скажут, будет записано на магнитофонную ленту и немедленно передано во все концы Земли.

Когда места в президиуме заняли председатель Правительственного Комитета по организации перелета Земля — Луна, члены экипажа «Кометы», а вместе с ними и Ольга, — шум в зале прекратился. Председатель Комитета — невысокий, лысый человек в белом летнем костюме — подошел к микрофону и коротко проинформировал присутствующих о перелете. Завертелись барабаны магнитофонов, на сотни лент легли слова:

— Я рад сообщить вам, что долголетняя подготовка к первому космическому перелету завершена. Межпланетный корабль готов к старту. Важнейшими этапами в подготовке этого рейса были полеты ракет, управляемых по радио, и особенно — создание искусственного спутника Земли — Розы космоса. Эта миниатюрная планетка, сделанная руками советских людей, является заатмосферной научной базой и межпланетным вокзалом... Коллектив научных работников Розы космоса уже открыл столько нового, чрезвычайно важного, что сейчас просто удивляешься: как могли мы раньше обходиться без искусственного спутника? О ракете, которая завтра стартует в полет на Луну, обстоятельно расскажут вам члены экипажа. Разрешите рекомендовать их. Начальник экспедиции — профессор Иван Макарович Плугарь...

Ольга сидела, положив руки на стол, и задумчиво глядела в зал. На нее нацеливались многочисленные объективы, вспышки фотоламп резали глаза, но это ее не волновало. На «Комете» она только пассажир — чему же тут радоваться? Иное дело геолог Петров, инженеры Милько и Загорский...

Они побывают на Луне! «Неужели я завидую? — подумала Ольга. — Скверное чувство!» И она начала прислушиваться к тому, что говорил перед микрофоном ее отец.

— ...Для того, чтобы долететь до Розы, нам нужна скорость намного меньше той, с которой нужно было бы стартовать прямо на Луну. Эта скорость составляет восемь километров в секунду. Остальные четыре километра мы наверстаем, вылетая с Розы. Тем более, что там мы пополним свои баки. Таким образом, нам легче будет перенести увеличение скорости, а нашей «Комете» — безопаснее пробиваться сквозь атмосферу. Через шестнадцать часов после старта с Земли мы уже будем на Луне. Наша цель — выяснить возможность использования Луны для науки, для прогресса человечества. Мы хотим сделать Луну форпостом передовой науки, а не военной базой, как это планируют магнаты империализма!

Первобытный человек, став на ноги, высвободил руки для работы, поднял голову... Это была революция. Но все-таки еще должны были пройти миллионы лет, чтобы человек перерос масштабы Земли и поднял свою голову к звездам... Только большой, высокоорганизованный коллектив, которым является современное человечество, может сделать шаг в космос! И мы безмерно счастливы, что родная Отчизна поручила нам осуществить первый полет в звездные миры!

Когда Иван Макарович закончил, посыпались вопросы. Хотя в газетах и журналах много было статей о космических перелетах, корреспонденты расспрашивали обо всем, как будто они ничего не знали. Это было для Ольги уже неинтересно, но она вынуждена была сидеть, слушать.

— Расскажите о двигателе «Кометы».

К микрофону подходит механик ракеты Михаил Милько, невысокий широкоплечий юноша. Всматривается в зал черными блестящими глазами.

— Наша «Комета» имеет мощный атомно-реактивный двигатель. Реактор занимает сравнительно мало места, зато «горючего», то есть рабочего вещества — мы вынуждены

взять двести тонн! Этим рабочим веществом является... вода. Да, именно вода! Она будет охлаждать реактор и под действием его высокой температуры превращаться в газ — кислород и водород. С огромной силой будет вырываться этот поток раскаленного газа из сопла ракеты и толкать ее все вперед и вперед. За несколько минут работы реактор опорожнит половину баков. Их мы снова наполним на Розе, так как нам нужна вода для дальнейшего разгона, для спуска на Луну, для старта с нее. На обратном пути мы снова зарядимся на Розе, чтобы было чем затормозить спуск на Землю.

Ольга почувствовала на себе чей-то взгляд. Присмотрелась. За первым столиком сидел довольно-таки полный лысый человек. Это он сверлил Ольгу своими острыми глазками, а когда девушка посмотрела на него, — изобразил улыбку, подошел к сцене и жестами попросил ее сойти. На вид ему можно было дать лет пятьдесят, хотя бороды и усов у него не было. «Что ему нужно? — думала Ольга, приближаясь, — неужели это кто-то из наших знакомых?»

— Я корреспондент молодежной газеты «Звени, наша песня!» — прошамкал толстяк. — Прошу вас, Ольга Ивановна, быть нашим спецкором на Розе космоса...

Ольга хотела отказаться, но не успела промолвить и слова, как он забубнил еще быстрее.

— Вы, конечно, не возражаете, я так и знал. Вот мы вам и удостоверение заготовили... Берите, берите. Я с таким удостоверением вот уже и жизнь прожил, а не жалею!

Ольга засмеялась. Толстяк, считая, что дело улажено, пожал ей руку и не по летам проворно юркнул на свое место. Лишь только Ольга взошла на помост сцены, как ее окликнул чей-то звонкий молодой голос. Вернулась обратно. На этот раз к ней подошел юноша. Он стеснялся, как девушка.

— Простите, я хотел попросить вас... Будьте нашим спецкором на искусственном спутнике. Понимаете, наши читатели, дедушки и бабушки, очень интересуются... В молодости они мечтали о таких перелетах!

Ольге становилось весело. Сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, она спросила:

— А как называется ваша газета?

— Извините, я забыл отрекомендоваться. У нас журнал «Бодрая старость». Для стареньких, пенсионеров... Вот и удостоверение для вас.

Ольга взяла удостоверение и кинулась на сцену. Но путь ей преградила пышная, увешанная сумками, дама.

— Попалась, дорогая! — она фамильярно взяла Ольгу под руку и повела по сцене. — Я из радиожурнала для младенцев. «Агу» называется. Агукните нам с Розы хотя бы разок в неделю! Малышки радостно заулыбаются... Так, знаете: «Агу-у...»

— Хорошо... Удостоверения не нужно.

— Значит, агукнете?

— Агукну.

Ольга едва добралась до своего места. Кто-то еще звал — не обращала внимания. Слушала, как отвечал Милько. Он, от природы неразговорчивый, и теперь с трудом подбирал нужные слова.

Корреспондентов интересовало буквально все — и запасы воды на искусственном спутнике, и управление работой двигателя, которое будет осуществляться быстродействующими электронными автоматами, и радиолокационная установка, и толщина брони на случай столкновения с мелкими метеоритами, действие ускорения и потери веса, и конструкция скафандров, и запасы еды и жидкого кислорода, и действие космических лучей... А один иностранец начал допытываться, имеет ли экспедиция задание искать на Луне уран.

К микрофону подошел геолог Петров. Расстегнул ворот белой косоворотки.

— Специально такого задания экспедиция не получила. Уран интересует нас менее всего; как известно, мы имеем вполне достаточные запасы его здесь, на Земле. На Луне мы надеемся обнаружить запасы минералов, содержащих в себе кислород и водород. А вообще — мы должны

составить представление о геологическом развитии планеты...

Другой, тоже иностранный корреспондент, спросил, почему ракету называли «Кометой», а не иначе, например, по имени конструктора. Видно, он знал, что Плугарь — главный конструктор «Кометы».

Ольга с затаенным восхищением поглядывала на отца, когда он поднялся, чтобы ответить на этот вопрос. Легкий ветерок от вентилятора шевелил его слегка поседевшие волосы, высокий лоб золотили лучи заходящего солнца, лившиеся сквозь стеклянную стену.

— ...В непрерывной борьбе с силой притяжения человек увеличивал скорость полета сначала на десятки, сотни метров, а потом — на десятки и сотни километров. И когда в конце первой половины нашего, двадцатого, столетия был преодолен звуковой барьер и человек понесся быстрее, чем звук, — тогда, можно сказать, воздушный океан был покорен. И как только это произошло, человек сразу почувствовал, что даже этот безбрежный океан для него тесен! И он взял разгон для нового, еще более грандиозного прыжка — в мировое пространство...

В конструировании «Кометы» участвовал весь коллектив нашего института. Но нам помогали и Архимед, и Ньютон, и Ломоносов, и Циолковский... Ведь для создания такой ракеты человечество должно было пройти в своем развитии тысячи лет! Надо было открыть механику, создать металлургию, построить огромные заводы, электростанции... Нужно было изобрести радио... Так что даже тот далекий наш предок, который забросил каменный топор и использовал металл, — даже он является участником создания нашего космического корабля. На пустом месте ничто не возникает. Современная наука и техника вобрала в себя опыт всех предыдущих поколений.

Слушателей глубоко взволновали слова Плугаря. Некоторое время господствовала тишина, только слышно было характерное шелканье фотоаппаратов. Ольга от радости вся светилась: это же она дала название «Комета». Долгими ве-

черами подбирала слово, сколько бумаги исписала и, наконец, нашла! Отец поддержал, и вскоре на черном металлическом теле космического корабля художник, поднятый автокраном, вывел белыми сверкающими буквами: «СССР — Комета».

Тот, кто спрашивал, по-видимому, не понимает, сколько в этом названии романтики! Их «Комета» ринется в мировое пространство, отбрасывая огненный хвост. Удивительное небесное тело, созданное руками и разумом человека!

«СЧАСТЛИВОГО ПУТИ ВАМ, ДРУЗЬЯ!»

Ракетодром Института Межпланетных Сообщений начинался здесь же, за садом, за густой стеной подстриженной акации. Поэтому Плугарь, Милько, Загорский, Петров и Ольга, а с ними их близкие и родные отправились к «Комете» пешком. Солнце еще не всходило. Огромное, в несколько километров длиною, зеленое поле ракетодрома было подернуто туманом. Темнеющие ангары, стартовые эстакады, напоминающие фермы железнодорожных мостов, казалось, плавали в воздухе.

Ольга всегда с восхищением смотрела на этот «аквариум железных рыб», как она шутя называла ракетодром. Отсюда совершались полеты в стратосферу, полеты вокруг земного шара по меридиану — через оба полюса. Отсюда запускались ракеты с деталями искусственного спутника. Теперь — полет на Луну... Легко сказать — на Луну! Ольга целый год будет на Розе космоса. Как там интересно! Но на Луне интереснее... Вот она, «Комета»!

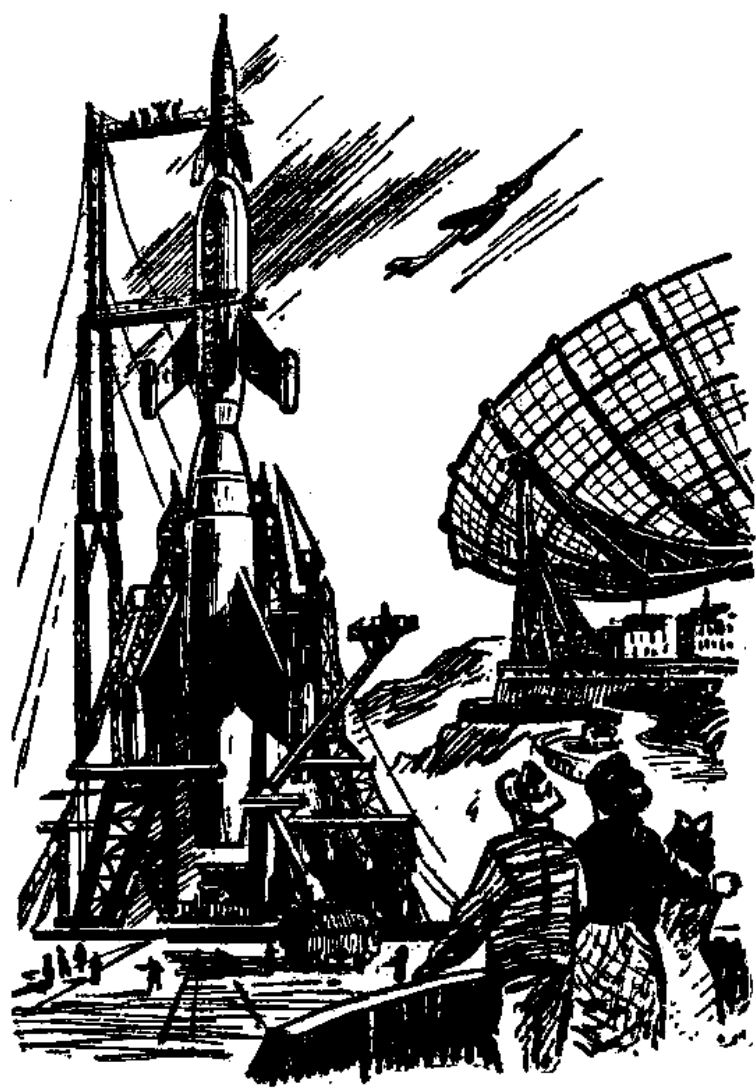
Посреди ракетодрома из тумана высоко вздымался гигантский трамплин. Его металлический каркас держали на железных плечах мачты-трапеции, — вначале низенькие, а потом все более высокие. На нижнем конце каркаса смутно вырисовывался огромный снаряд, нацеленный в небо. Это притаилась «Комета» сложный комплекс мощных силовых установок и тонких приборов, — бронированный межпланетный крейсер.

Как понесет он людей? Как оправдает их надежды?

Мужчины шли впереди, оживленно разговаривая, женщины сосредоточенные, притихшие — едва поспевали за ними.

— А мой Костя вскочил с постели, подбежал и спрашивает: «Папа, а вы не забыли свой топорик?» Вырастет и, видно, тоже будет геологом! — смеется Петров, крепкий, подвижной мужчина, — он полетит уже на Марс...

— Посмотрите, какая красивая трава! — говорит Плугарь.

А трава, в самом деле, чудесная — тысячи, миллионы зеленых стебельков устремляются вверх. В них столько силы, столько энергии, что, кажется, они поднимут и эту бетонированную дорожку, по которой идут неугомонные люди, поднимут и ангары, и эстакады. Ольга шаловливо сбегает с каменной полосы, сбивает ногами росу, смеется. А мать смотрит на потемневший след в траве, и сердце ее сжимается, болит. Муж и дочка вот сейчас улетят, а след этот возьмет себе солнце...

— Береги себя там, доченька, — говорит она тихо и все глядит на ее след в траве. А восток пылает все сильнее и сильнее, словно какая-то беззвучная музыка разливается по земле...

Миллионы людей, слушая по радио правительственное сообщение, удивлялись: почему старт космической ракеты назначен на шесть часов утра? Многие думали так: взойдет вечером Луна, вот тогда, мол, и взять бы курс прямо на нее, ведь это кратчайший путь! Только люди, знакомые с астрономией, знали, что для наблюдателей, которые поднимутся за пределы атмосферы, такие понятия, как «восход» и «закход» светил, не имеют ни малейшего значения.

Утром, еще до восхода Солнца, тысячи людей сошлись и съехались к ракетодому. Все дороги и тропинки вокруг были запружены автомобилями, а возле подстриженных акаций, обрамляющих летное поле, стояла живая изгородь из людей. Каждому хотелось протиснуться как можно ближе, чтобы собственными глазами увидеть момент взлета.

Взошло солнце, радостные лучи озарили землю, легли на взволнованные лица людей.

Мощные репродукторы сообщали обо всем, что происходило:

— Космический корабль готов к отлету! Техники заканчивают последний осмотр и проверку снаряжения «Кометы». Механик Михаил Милько докладывает командиру экспедиции, заслуженному деятелю науки Ивану Макаровичу Плугарю о готовности к старту. С рапортом подходит ра-

диоинженер Николай Загорский. Истекают последние минуты... Внимание, товарищи, у микрофона Иван Макарович Плугарь. Слушайте, слушайте!..

Казалось, остановилось время. Торжественная, волнуемая минута заставила чаще забиться тысячи сердец. Послышался глуховатый сдержанный голос ученого.

— Дорогие товарищи! — говорил Иван Макарович. — Еще в седой древности человек начал штурмовать небо. Человек заметил планеты — блуждающие звезды, проследил их путь; человек определил место Земли в пространстве, разгадал и воспроизвел в мыслях строение Солнечной системы... Стремясь все дальше проникнуть в глубины Вселенной, человек изобрел оптическую трубу и нацелил ее в небо. Неутомимый труд человеческого ума приближал сегодняшний знаменательный день. Мощными усилиями человек сначала овладел воздушным океаном, а теперь пришло время овладения безвоздушным межпланетным простором! Наша родная советская наука открывает человечеству путь к планетам, путь к неизведанным тайнам природы — во имя мира, во имя процветания культуры и благосостояния всех народов и рас: белых, черных, красных, желтых. У нас честная, благородная цель, вот почему мы верим в успех, товарищи!

В гоме аплодисментов потонули последние слова ученого.

Потом к микрофону подошел председатель Комитета по организации перелета и зачитал постановление Правительства об экспедиции. А затем, забыв официальность, кинулся обнимать и целовать астронавтов. Запечатлел поцелуй и на щеке Ольги. Вздвоннованно воскликнул:

— Счастливого пути вам, друзья!

Последние минуты на Земле. Поспешные поцелуи, нервные пожатия рук, объятия. И слезы, конечно...

— Счастливого полета!

Наконец экипаж направляется к «Комете». Ольгу догоняет заплаканная мать, мокрыми щеками прижимается к ее лицу.

— Это я так, Оленька, не обращай внимания, будь веселой и бодрой.

Автокран легко поднял членов экипажа к люку ракеты. Прощальные взмахи рук, и люк за ними закрылся.

— Внимание, товарищи! — прозвучал из репродуктора чей-то властный голос: — Сейчас будет дан старт. Предлагается немедленно отойти от ограды!

Люди неохотно начали отходить. Но глаза всех были устремлены туда, где в металлических фермах сверкала под Солнцем ракета. Голос из репродуктора снова и снова требовал отойти в «безопасные места». Наконец, толпа отхлынула.

А возле центрального входа на ракетодром вдруг поднялся шум.

— Немедленно пропустите! — кричал часовому человек в клетчатом костюме. Он держал на плече киноаппарат... — Вы срываете нам съемку!

— Опоздали. Приказано никого не пропускать, — спокойно ответил солдат.

Человек в клетчатом костюме беспомощно оглядывался вокруг, словно искал поддержки и сочувствия. Глаза его повеселели, когда он увидел приземистого толстяка, неторопливо приближавшегося к нему.

— Товарищ режиссер! — крикнул толстяку кинооператор. — Не пускает!

Режиссер неожиданно спокойно ответил:

— Ну, что ж, придется делать съемки в павильоне. Закажем сценарий, получится еще лучше...

В этот миг что-то загремело, загрохотало — словно горы обвалились. Тугой горячий ветер пригнул к земле густую стену акаций, ударил в лица людей, поднял тучу пыли.

Собственно, самого старта никто из присутствующих не заметил: это был короткий миг. Ракету увидели уже в голубой вышине, — быстрая стрела вонзалась в небо. Грохот отдалялся, затихал, стрела сделалась черточкой, точечкой и... совсем исчезла. Ее поглотил безграничный простор.

— Ничего, — спокойно сказал толстяк, поднимаясь с земли и отряхивая костюм. — Это мы в павильоне сделаем еще эффектнее!

Громко переговариваясь, возбужденные, взволнованные, расходились люди.

В ПОЛЕТЕ

В первые минуты после старта члены экипажа «Комета» чувствовали себя так же, как в обычной, не космической ракете. «Комета» пронизывала атмосферу со скоростью 2000 километров в час — очень медленно по сравнению с космической скоростью, и довольно-таки быстро по сравнению с самолетом. А главное, что эта скорость была совершенно безопасна и для людей, и для самого летательного аппарата. Людям не тяжело было переносить ускорение, а ракета не раскалялась от трения о воздух.

Перед глазами отважных путешественников развернулась величественная картина. Земля сперва казалась гигантским блюдцем, края которого все поднимались и поднимались вверх. Потом она словно повернулась, стала на ребро, — и уже не блюдо, а бесконечная серая стена вздымалась рядом с ракетой.

Иван Макарович, Николай Загорский, Ольга и Петров, повернув кресла к иллюминаторам, наблюдали Землю, Михаил Милько не отрывал взгляда от приборов. Скорость вытекания газа, температура, давление... — Обо всем сообщали ему стрелки, зеленые лампочки.

Загорский время от времени крутил ручку киноаппарата.

— О, это Индийский океан! — воскликнул он.

— А вон вижу Индонезийские острова, Австралию... — кивнула головой Ольга, — ну точно, как на карте.

Мощные слои атмосферы покрывали Землю — голубой воздушный океан. Только отсюда, из-за его пределов, видно, как омывает он весь Земной шар. Серебристая, залитая Солнцем, поверхность его спокойна, кажется, неподвижна. А там, в глубине, плавают густые массивы туч, еще ниже, на самом дне воздушного океана, — города и села. Там живут — работают и мечтают люди... Какие они маленькие в сравнении с грандиозностью стихий природы и какие грандиозные, коль покорили эту Землю со всеми ее океанами — водными и воздушными!

Профессор Плугарь сидел, подперев щеку ладонью, и молча глядел в иллюминатор. Он и сам не знал, почему так тоскливо у него на душе. Сквозь прозрачную пелену атмосферы видел земные материки, чудесные моря и океаны, сверкающие под Солнцем, словно огромные зеркала, и сердце его сжималось. Должно быть, очень любил Землю Иван Макарович!

А стена земной поверхности все отдалялась от ракеты, незаметно для глаза начала превращаться в круг, и, наконец, можно было охватить взглядом ее всю — гигантский сияющий диск.

Михаил Милько насупил брови: вычислительная машина предупредила, что через пять минут реактор заработает на всю мощность, и тогда «Комета» помчится с космической скоростью.

— Иван Макарович! Пять минут!

— По местам! — скомандовал Плугарь.

Спинки кресел отклонились, и вот уже это удобные кровати. Они плотно охватывают тело с трех сторон, путешественники зажаты в них, как в больших футлярах. Так им легче будет переносить нарастание скорости... Вдруг ракету как бы дернуло. Все ее металлическое тело содрогнулось, наполнялось звуковыми волнами, загремело, загудело неистово, с трудом выдерживая натиск раскаленной стихии газов. С ускорением движения нарастало ощущение страшной тяжести. На людей словно навалился невидимый груз, они лежали, будто налитые свинцом. Все меркло, туманилось перед глазами.

«Неужели не выдержу? — с испугом подумал Плугарь. — Неужели не выдержу?»

Николай Загорский впал в забытие, ему казалось, что он ведет передачу, и пересохшие губы его шептали:

«Я — «Комета»... Идем по курсу, чувствуем себя хорошо!»

Ольга глядела на иллюминатор и почему-то вспомнила зеленую траву ракетодома.

А за ракетой было черное небо, усеянное звездами.

Сверкал все еще огромный диск Земли, пылало Солнце, сияла Луна.

Ракета мчалась с нарастающей быстротой. Здесь, в безвоздушном пространстве, можно было не опасаться разогрева ее стенок.

Когда стрелка тахометра — прибора для измерения скорости — дошла до цифры «8», электронная машина молниеносно послала импульс на автоматику, и рокот мотора оборвался. У каждого в голове словно шмели гудели, но тишина уже брала верх.

Все почувствовали себя легко, даже слишком легко. Теперь, когда не было ускорения, и ракета по инерции мчалась с постоянной скоростью — восемь километров в секунду, — люди совсем потеряли вес. Это они почувствовали, еще не вставая со своих кроватей.

Первым поднялся Петров.

— Осторожно, товарищи! — предупредил Плугарь. Предупреждение профессора Петров услышал уже под толком — он висел в воздухе, неуклюже дрыгая ногами и размахивая руками. На его лице было написано удивление и растерянность. Загорский громко расхохотался:

— Да ты, как я погляжу, искусный акробат!

Ольга тоже рассмеялась, увидев геолога в таком комическом положении.

Но Петров сообразил: оттолкнулся ногой от потолка и, описав сложную траекторию, стал на пол. Его отбросило, как пружинкой, но Петров мгновенно ухватился за поручни.

Мускулы его так и перекачивались; казалось, стукни он кулаком — и стенка проломится.

— Тут, брат, поневоле станешь акробатом! — усмехнулся Петров.

— Не делайте резких движений, товарищи, — посоветовал Иван Макарович. — Не забывайте, что передвигаться по кабине надо, держась за поручни.

— Вот так! — весело воскликнул Загорский, хлопнув обеими руками по толстой спинке своего кресла. И сразу же очутился под потолком.

— Ого! — засмеялся Петров. — Ты, брат, ловок! Никакой канатоходец не сравняется с тобой! Да не барахтайся, я помогу тебе.

Одной рукой держась за поручни, прикрепленные к стене ракеты, другой он поймал Загорского за ногу и почти без всякого усилия опустил его на пол.

— Вот так штука! — бормотал радист. — Подумать только!..

Еще во время подготовки к полету все знали об этом явлении, даже производили эксперименты с падающей кабиной, в которой на короткий миг исчезало ощущение веса. Но теперь полное исчезновение веса практически явилось для всех неожиданностью.

...«Комета» мчалась в межпланетном пространстве со скоростью восемь километров в секунду. Так показывали приборы, но у членов экипажа ощущения этой скорости не было. Наоборот, — казалось, что ракета стоит, вернее — висит на одном месте. Справа все время пылало Солнце, увенчанное огненной короной, вблизи его и на всем черном небе сияли звезды и планеты. Расстояния до них были настолько велики, что перемещение ракеты не вносило никаких изменений в конфигурацию светил. Разве что уменьшался диск Земли и одновременно увеличивалась Луна. Но глаз этого не мог уловить.

С каждой минутой космический корабль приближался к Розе космоса. Умные чуткие автоматы вели его по заранее вычисленной траектории, которая в определенной точке пересекается с орбитой искусственного спутника. Что касается Солнца, то с его притягивающей силой корабль Ивана Плугаря не боролся: «Комета», двигаясь в системе Земля — Луна, шла, фактически, по земной орбите. Отклонить движение ракеты Солнце не могло, так как, кроме собственной скорости, она сохраняла и ту скорость, с которой мчится Земля — 30 километров в секунду. Поэтому ракета могла свободно двигаться в пределах системы Земля — Луна.

Причалить к Розе космоса — это уже будет работа для механика. А пока что он мечтательно смотрит в иллюмина-

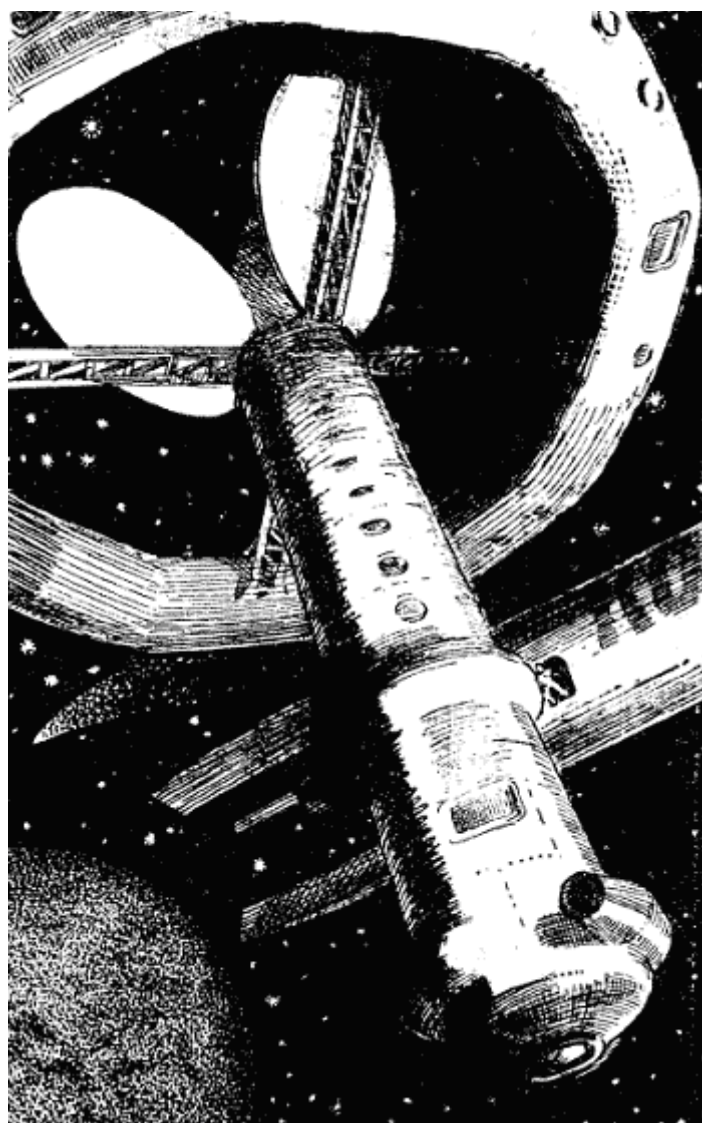
тор на черное небо. Звезды на нем разноцветные: одни тлеют подобно углям в камине, другие похожи на фиолетовые чернильные пятна, третьи — на расплавленное серебро.

Загорский передает и получает радиogramмы, и время от времени производит съемки Солнца. Иван Макарович, разложив на коленях толстую тетрадь, записывает свои наблюдения и поглядывает на приборы. Электронная вычислительная машина все время показывает расстояние до Розы — в километрах и минутах. Цифры тают, уменьшаются с каждой секундой... Иван Макарович дает команду:

— Милько, за локатор!

Михаил сразу же занял место у экрана радиолокатора и впился в него своими черными глазами. Вскоре он увидел то, чего ожидал. Справа на экране появилась маленькая звездочка. Она довольно энергично двигалась к линии, означающей направление полета «Кометы».

— Роза на экране! — торжественно провозгласил Милько.

РОЗА КОСМОСА

Своими контурами советский спутник Земли и в самом деле напоминает розу, особенно издали. Чуть склоненный «стебель», на верхнем конце которого — «цветок». Чем ближе, тем отчетливее становятся видны элементы конструкции. «Цветок» — это огромное колесо, смонтированное, очевидно, из контейнеров. Солнечным блеском вспыхивают на нем иллюминаторы-окна. В центре — на ажурном сплетении радиальных ферм вздымаются несколько овальных щитов, сделанных из полупроводниковых элементов. Это — энергетическое сердце межпланетной станции. Солнечные лучи, падая на эти чудодейственные лепестки, тут же превращаются в электрический ток и проводами-артериями текут по сложному организму Розы. Они обогревают каюты, греют воду в ванне, варят пищу, они питают локаторы, мощную радиостанцию, поддерживают постоянную температуру в оранжерее... А солнечного сияния здесь — океан!

Роза космоса — самый большой из трех постоянных спутников, запущенных тремя великими государствами. По разным орбитам вращаются они вокруг Земли, что, конечно, затрудняет астронавигацию, которая делает только первые, можно сказать, детские шаги. Во многих странах разворачивается движение за объединение этих трех спутников и создание единого научно-исследовательского заатмосферного института под эгидой ООН. Технически этот замысел осуществить легко — достаточно включить двигатели и выйти на условленную орбиту. Но помехой служат, как известно, иные причины...

В длинной трубе «стебля» оборудованы склады, мастерские. Там же, в самом низу — реактивный двигатель, необходимый на случай изменения скорости вращения. А по своей орбите Роза мчится по инерции, сохраняя ту скорость, которую получила при запуске. И не удивительно: ничто не тормозит ее движение, так как здесь нет ни одной молекулы воздуха! В холодной мертвой тишине межпланетного про-

странства путешествует наша Роза вокруг Земли, а вместе с нею и вокруг Солнца. Внутри ее звучат голоса, там — воздух, тепло, там жизнь.

Милько не отрывал глаз от экрана локатора. Расстояние до Розы быстро уменьшалось. Теперь уже не звезда, а, миниатюрный цветок плыл по матовой поверхности экрана. Вскоре он стал виден простым глазом. Все столпились возле лобового иллюминатора. Роза увеличивались, вырастала буквально на глазах.

— По местам! — приказал Иван Макарович. — Милько, за пульт!

Как только Роза приблизилась к орбите «Кометы», Милько всего на две секунды включил двигатель. «Комета», описав кривую, догнала Розу. Их отделяло расстояние всего в несколько десятков метров.

Это было интересное зрелище! Над «Кометой» высоко вздымался, медленно вращаясь, огромный корпус Розы.

Милько вытирал пот со лба, Загорский следил за работой радиоаппаратуры, которая поддерживала двустороннюю связь с соседями.

— С благополучным прибытием вас, дорогие товарищи! — пробасила Роза.

— Спасибо, — ответил в микрофон Иван Макарович. — Мы готовы шлюзоваться.

— Мы готовы к приему! — прогремел бас.

Тем временем все уже надели скафандры, приладили запасные кислородные приборы и ранцы с небольшими «ракетными» баллонами. Ведь добираться на Розу надо по безвоздушному пространству.

Милько и Загорский знали, что им делать. Они должны обеспечить зарядку пустых баков водой. Геолог Петров горел желанием ознакомиться с оборудованием искусственного спутника. Ну, а Ольга — спецкор газеты «Звени, наша песня!», журналов «Бодрая старость» и «Агу», — должна была вовсе оставить космический корабль, чтобы стать членом коллектива Розы.

Первыми через герметическую камеру возле люка вышли из ракеты Загорский и Милько. Вслед за ними бросился Петров. Иван Макарович приладил ранец и через очки в

шлеме посматривал на дочь. Уж не боится ли она? Что-то долго возится...

— Ольга!

— Готово!

Вдвоем с отцом Ольга вошла в камеру. Плотнo закрылась дверь. Иван Макарович включил насос. Когда он перекачал воздух в ракету, открылся наружный люк. Ольга стала на пороге и с ужасом посмотрела в черную бездну, отделяющую их от Розы. Как туда прыгать? Знала, что тела здесь не имеют веса, что упасть никуда нельзя, но все же... жуткая пропасть, в которой роятся звезды, вызывает головокружение и... тянет к себе! Надо слегка нажать кнопку, из баллончика на спине вырвется струя газа и толкнет вперед... А там — ухватиться за поручни... Все это Ольга хорошо знает...

— Почему ты остановилась? — слышался в наушниках шлема голос отца.

— Любуюсь! — иронически ответила Ольга и, закусив губу, решила — тронула кнопку. Показалось, будто кто-то легонько толкнул ее в спину, и она поплыла, поплыла, никуда не падая!.. Вот и поручни шлюза Розы. Ухватилась, легко вошла в довольно просторное круглое помещение. Не успела и оглянуться, как возле нее встал отец.

— Ну, как, Ольга?

— Невероятно!

— Боялась?

— Очень! — голос ее звенел возбужденно и... весело.

Герметическая дверь за ними закрылась. Шлюз наполнился воздухом. Сняв скафандры и держа их на руках, как плащи, Ольга и Иван Макарович пошли в шахту с лифтом. В лифте их ожидал Петров. Геолог почему-то не снял скафандр, а только откинул шлем. Сидел, ухватившись за левое колено. Лицо его перекосила болезненная гримаса.

— Что с вами? — заволновался Плугарь.

— Понимаете ли, Иван Макарович... Колено... Не рассчитал прыжка и стукнулся.

Плугарь помрачнел. Это уже чрезвычайное происшествие! И сколько раз напоминал он об осторожности... Повернулся к микрофону, вмонтированному в стенку лифта. Нажал кнопку.

— Товарищ директор! Случилось несчастье. Петров повредил себе колено.

— Ермил Ермилович? — откликнулся бас. — Жаль. Подниметесь — я прикажу уменьшить вращение, чтобы ему легче было добраться в санчасть. Наша астромедицина подремонтует его!

Петров, преодолевая боль, улыбнулся.

— Быть может, у вас обыкновенный вывих, Ермил Ермилович, — успокаивала его Ольга, — так это не страшно.

— Да оно-то ничего не страшно. Вот только не вовремя все это...

Лифт поднял их по «стеблю», и они вышли в дуговой коридор самого «цветка». Там их встретил загорелый человек в белом халате. Поздоровавшись, легко взял Петрова под руки и почти понес по коридору. Ольге было жаль Петрова. Такой живой, подвижный, крепкий человек — и на тебе... Бедняга, он не может ступить на ногу.

Слева в иллюминатор были видны высокие овальные щиты, справа — в коридор выходили двери служебных помещений, лабораторий, жилых комнат. Все помещения, очевидно, были целиком изолированы: на случай попадания метеорита. Вместо огнетушителей в коридоре краснели запасные баллоны с кислородом. Висели также скафандры.

Дверь директорского кабинета открылась внутрь, и навстречу Ивану Макаровичу и Ольге вышел маленький человечек с большой гривой огненных волос. Слыша директорский голос по радио, Ольга представляла себе великана. Теперь, увидя этого щупленького, подумала, что это кто-нибудь из лаборантов, но ни в коем случае не директор.

— Прошу, дорогие мои космонавты! — прогремел доброжелательным басом человечек, слегка наклонившись и показывая рукой на открытую дверь.

Это был директор!

Иван Макарович поздоровался с ним, как с давним знакомым, и отрекомендовал Ольгу.

Директорский кабинет был, очевидно, и лабораторией. Большую его часть занимали длинные столы и стеллажи с разнообразными приборами, поблескивавшими никелем и стеклом. Посредине, в большой кадке, стояла широколиственная пальма. Ольга заметила, что над нею в потолке находится иллюминатор, сквозь который на растения льются потоки солнечного света. В углу к стене приделана кровать-гамак на металлических кронштейнах. Видно, каждый кубический метр здесь используют максимально...

Директор сел за свой рабочий стол, коснулся пальцами каких-то кнопок, и на стене вспыхнул экран телевизора. Показалась нижняя часть «Кометы» и рядом две фигуры в скафандрах они приспособляли толстый шланг к круглому люку ракеты.

— Ваши баки наполнят своевременно, — пробасил директор, так что вам не придется вместе с нами облететь во круг матушки-Земли...

— Да, времени не хочется терять, — сказал Иван Макарович, — хотя у вас тут и много интересного. Пока что я хотел бы побывать в обсерватории и поглядеть на нашу прекрасную Селену.

— Прошу! Здесь вам не будет мешать атмосфера. А когда вернетесь, покажу такое, что вы ахнете! — засмеялся директор, потряхивая своей рыжей шевелюрой.

Он рассказал, как пройти в обсерваторию, и, прикрыв за Плугарем дверь, обратился к Ольге:

— Надеюсь, вы устроитесь у нас хорошо. Вы, кажется, работаете над кандидатской диссертацией? — Ольга кивнула. — Ну, вот и чудесно. Тут есть над чем поразмыслить. Советую вам исследовать новую болезнь, которую мы условно называли «Боязнь пространства». Оказывается, на нервную систему человека отрицательно влияет безграничность космического пространства. Он привык к Земле...

Ольга сидела, положив руки на колени, и с интересом слушала соображения директора. Она почувствовала, что

этот внешне неказистый человек увлекает ее широтой своего мышления, многогранностью восприятия мира.

— Видите ли, — гудел директорский бас, — условности земной жизни сложились исторически. Чувство веса, ограниченность горизонта... А здесь — все непривычно, все иное! Да вот побудете, — сами почувствуете, Ольга Ивановна! Это я, так сказать, в порядке профилактики.

О, если бы он знал, какие мысли роились в голове Ольги! Наверное, не рисовал бы научных возможностей Розы космоса. Краска залила лицо Ольги так, что и веснушек не стало видно. Несколько раз начинала она говорить, но все не решалась. А время шло, скоро вернется отец — и тогда будет поздно...

— Я хотела попросить вас, товарищ директор, помочь мне в одном деле...

И она рассказала о своем замысле.

СЮРПРИЗЫ ДИРЕКТОРА РОЗЫ

— Ну, что вы скажете о нашем инструменте? — спросил Плугаря директор, когда Иван Макарович вернулся из обсерватории.

— Это какое-то чудо! — восхищенно промолвил космонавт. — Сила его необычайна. Я читал, конечно, что здесь применяются увеличения в тысячи раз, но такого... Скажу откровенно, такого увеличения и такой четкости я не ожидал.

Директор улыбнулся:

— Да, условия наблюдений за планетами и даже звездами превзошли все наши ожидания. Садитесь, пожалуйста!

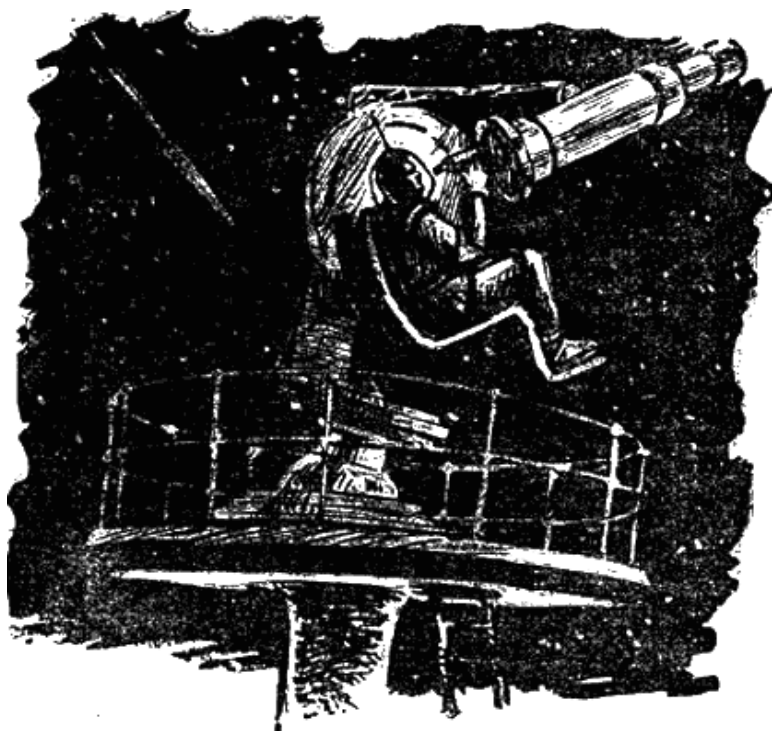
— Уже только из-за одной обсерватории стоило запустить этот спутник, — продолжал Иван Макарович, садясь на металлический стул, прикрепленный к полу возле стола. — Я рассматривал место нашей посадки. Видно, как на ладони! Считаю, что выбор правильный.

Они заговорили о допускающей силе телескопа, о посадке на Луну: уточнили порядок радиосвязи с Розой, которая будет служить ретрансляционной станцией между Луной и Землей. Радиоволны с «Кометы» понесутся к ее антеннам и, усиленные во много раз, будут штурмовать воздушный панцырь Земли, чтобы там потечь в репродукторы...

— Ах, и хозяин же из меня! — поднялся директор. — Гостей ведь, кажется, следует угощать! — Он снял салфетку, и Плугарь увидел на столе горку... бананов. — Прошу, это из наших тропиков... Скоро будут и ананасы!

Иван Макарович с удовольствием ел бананы. Сочные и нежные плоды приятно освежали горло.

— А теперь я сделаю вам сюрприз, — директор вынул из шкафа пачку фотографий и протянул их Ивану Макаровичу. Плугарь начал разглядывать. Это были фотографии неба. На фоне далеких звезд белели большие и маленькие кружочки. О, да они группируются вокруг центрального тела!

— Это что — семья Юпитера? — думал вслух Плугарь.
— Но я не вижу на его диске характерных полос!

— В том то и дело, Иван Макарович, что это не Юпитер. Это фотография совершенно другой планетной системы. В инфракрасных лучах.

— Что вы говорите! Какая же это звезда?

— Проксима Центавра со своими четырьмя планетами. Мы как раз заканчиваем вычисление их орбит...

Глаза обоих сияли восторгом. Плугарь кинулся жать директору руку:

— Это такое открытие, такое открытие!.. Поздравляю, искренне поздравляю вас...

— Спасибо, Иван Макарович!

Нет, влюбленный не с таким волнением смотрит на портрет своей девушки, как эти двое — на фото далекой

планетной системы! О существовании других солнечных систем давно высказывались догадки, предположения, но все-таки наша планетная семья оставалась единственной... А теперь вот они, соседи! Свет, распространяющийся со скоростью чуть ли не триста тысяч километров в секунду, доходит до нас от Проксимы более чем за четыре года. Такое расстояние, такую бездну трудно даже себе представить, но там есть рой планет, которые вращаются вокруг своего солнца... Может быть, на них и жизнь есть? Быть может, там разумные существа поймали луч нашего Солнца?

Задумавшись, сидели ученые в металлическом ящике на маленькой искусственной планетке. Лучом далекой звезды величие Вселенной заглянуло им в душу и на какое-то мгновение будто загипнотизировало их. Но дел много, а жизнь так коротка — надо действовать!

— Будете лететь обратно — отвезете эти фотографии в Академию.

— Охотно!

С помощью телевизора проверили готовность экипажа «Кометы» к полету. Милько и Загорский только что закончили зарядку баков. Иван Макарович приказал им занять свои места в ракете. Ольга сидела в санчасти: там лежал Петров, нога его уже была в гипсе.

— Как вы себя чувствуете, Ермил Ермилович? — спросил по радиотелефону Плугарь.

Петров повернулся лицом к экрану:

— Благодарю, Иван Макарович. Везет мне, как утопленнику. Придется с месяц лежать...

— Ну, что ж... Желаю вам выздоровления и... осторожности!

Экран погас.

— А теперь, так сказать, вопрос организационный, — обратился Иван Макарович к директору. — Не могли бы вы отпустить с нами кого-нибудь из добровольцев?

Директор всей пятерней расчесал свои огненные волосы, и они, казалось, вспыхнули в лучах Солнца.

— Здесь уже был разговор на эту тему. Доброволец есть.

— Кто?

— Ольга Плугарь.

— Скажите, пожалуйста, какая дипломатка! — Иван Макарович всплеснул руками. — Нет, нет, на Луну я ее не возьму. Категорически! Она и так меня обошла с этим назначением сюда, к вам, а теперь... Нет! Прошу вас назначить кого-нибудь другого. — Плугарь устало опустил на стул. — Что за настойчивость! Ей бы следовало мальчишкой родиться...

Директор улыбнулся.

— А я не вижу причин для отказа. Послать с вами кого-нибудь другого — это значит оторвать его от работы, нарушить ее ритм. А Ольга Плугарь еще не включилась... Это не отразится на программе наших исследований. И потом, хотя все вы и прошли медицинскую подготовку, но врач может вам пригодиться...

Иван Макарович поглядел на часы. — Где она?

Директор вызвал Ольгу. Она подошла к отцу сосредоточенная, нахмурившаяся. Плугарь поглядел на нее сердитыми глазами. Девушка побледнела, веснушки выступили еще ярче. Воцарилась тишина. Губы у Ивана Макаровича шевельнулись, он хотел что-то сказать, но только махнул рукой.

— Здесь у вас одни сюрпризы. — Плугарь подал директору руку, лицо его прояснилось. — Бывайте здоровы!

— Счастливого пути!

Ольга горячо пожала руку директора. Некрасивое ее лицо сделалось привлекательным, глаза светились тревожным счастьем.

Лифт опустил их вниз, к воздушному шлюзу.

Надевая скафандр, Иван Макарович примирительно спросил:

— А ты хоть немного с геологией знакома?

— Не волнуйтесь, папа, я вас не подведу!

На этот раз Ольга без всяких колебаний сделала прыжок через бездну.

«КОМЕТА» ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЬ

Снова грохот двигателя... Зажатая в своей пружинистой кровати, Ольга не видела, как быстро отдалялась от них гостеприимная Роза.

Когда газы в сопле перестали бушевать, исчезла тяжесть, и люди поднялись, межпланетная станция виднелась на экране маленьким цветком; наконец она совсем исчезла.

Теперь локатор ощущивал уже Луну.

Ольга надела защитные очки и припала к иллюминатору, в который било солнце. Гигантские огненные вихри вздымались на нем. А рядом — на черном фоне ярко сверкали звезды...

— Посмотрите! — воскликнула Ольга. — Там Комета! Около самого Солнца! А хвост какой пышный!

Иван Макарович повернул голову, утвердительно кивнул:

— Да, это комета. Но какая?

Он поднялся с кресла, откинул его сидение — там была уложена специальная библиотечка — и достал каталог—справочник. Внимательно искал, но никак не мог найти замеченную Ольгой комету. Лицо его повеселело, он посмотрел на дочь потеплевшими глазами:

— Похоже на то, что ты открыла новую комету! В каталогах ее нет.

Загорский навел на Солнце и на неизвестную путешественницу объектив киноаппарата.

— Новая комета — «Ольга Плутарь» — зафиксирована!

— Передайте радиограмму, — сказал Иван Макарович, — а название комете даст ученый совет Пулковской обсерватории.

Загорский радировал координаты обнаруженной кометы, Ольга смотрела на нее и удивлялась, что комета не тонет в солнечных лучах.

Михаил Милько сидел в своем кресле, ссутулившись, впившись глазами в щит с разнообразными приборами.

Вот уже и посадка скоро — на другую планету... Опасная, рискованная посадка.

Загорский поправил на груди микрофон с черной эбонитовой трубкой: приготовился передавать на Землю радиogramму.

Но вот лицо его почему—то сделалось беспокойно—тревожным, нахмурились брови. Он повернулся к Ивану Макаровичу:

— Передатчик не работает.

— Причина? — Иван Макарович оторвался от иллюминатора и внимательно посмотрел на радиста.

— Вышла из строя внешняя антенна.

— Можете починить сейчас?

— Попробую.

— Хорошо. Попробуйте, товарищ Загорский.

Радист поднялся со своего кресла, взял скафандр и начал одеваться. Ольга с любопытством, даже с затаенной тревогой смотрела на юношу. Неужели он выйдет из ракеты? Ведь она мчится с такой огромной скоростью. И зачем отец разрешил ему?

Когда Загорский оделся, Иван Макарович проверил электрическую обогревательную сеть скафандра, спросил:

— Как вам дышится, Загорский?

— Хорошо. Кислород поступает в достаточном количестве, слышался приглушенный голос радиста.

— Берите с собой все необходимое, сейчас выйдете.

У Ольги даже мороз пробежал по спине. «Сейчас выйдете...» Куда? В пространство между Луной и Землей? Это же в бездну!..

Взяв нужные инструменты, запасные штырки антенны и похожие на фары рефлекторы с ежиками из тон кой проволоки в середине, радист вошел в воздушный шлюз.

— Знаете, Загорский, — посоветовал Иван Макарович, — я думаю, лучше не смотреть никуда, кроме ракеты... Главное осторожность!

Николай закрыл за собою дверь шлюза...

В БЕЗДНЕ

Открыв люк, Николай Загорский стал на пороге. Оттого, что отверстие было небольшое и нельзя было выпрямиться, Николай ухватился левой рукой за верхний обод и отклонился. Теперь он стоял снаружи, лишь одними ногами упирался в порог люка.

Диво дивное! Ему показалось, что ракета висит на одном месте, висит совершенно неподвижно! Он, конечно, хорошо знал, что если вокруг безвоздушное пространство, то никакого ветра быть не может, но все же сознание не могло примириться с этим. Ну, как же это так — ракета мчится со скоростью 12 километров в секунду — только подумать! — а движения незаметно. Нет ничего: ни сотрясения, ни ветра, никаких предметов поблизости. Ни слух, ни зрение, ни осязание не сигнализируют мозгу о движении!

Здесь, снаружи, небо было еще более черным, а звезды и Солнце еще прекраснее. Звезды — красноватые, желтые, белые, голубые... Казалось, тысячами удивленных сияющих очей глядит Вселенная на сыновей Земли. Николай стоял, как зачарованный, даже забыл, зачем вышел. Ему стало страшно перед величием природы, не скрытым от глаз голубым шелком неба...

Но если ощущения ничего не говорили юноше о движении, то о температурных условиях сообщили быстро. Правый бок припекло, сперва Николай подумал, что лопнул изолятор на его электрической «плитке», но потом догадался, что это припекло Солнце. И он повернулся лицом к хвосту ракеты, подставляя Солнцу левый бок. Повернулся — и чуть не вскрикнул от изумления: так чудесно сверкала на черном небе родная Земля! Огромный серебристо-голубой диск. Видны очертания материков, правда, не четко, так как атмосфера, хотя она и прозрачным слоем окутывает землю, но все же размывает резкость линий. Какое-то удивительное настроение охватило Загорского.

Земля! Земля!.. Она мчится в извечном полете, поворачиваясь к Солнцу то одной, то другой стороной. День и

ночь, как брат и сестра, держат ее в своих объятиях. Происходит кругооборот живой и неживой материи — неудержимый, могучий. И кто укажет между ними грань? Все проходит там, под голубым атмосферным сводом: рождаются и умирают целые поколения, а мозг человеческий работает и совершенствуется. Хорошие условия создала природа для его развития! И не напрасно: через людской мозг она осмыслила самое себя.

Загорский задумчиво глядел на свою планету.

«Воздушного шлейфа» — удлинения атмосферной оболочки Земли, о котором говорят некоторые ученые, — он не заметил. Возможно, потому, что «шлейф» этот сильно разрежен, а может быть, и потому, что он вообще не существует. А Загорский как раз и не верил в его существование, ибо не замечено такого «шлейфа» у Венеры при прохождении по диску Солнца. Серебряный ободок ее атмосферы имеет всюду одинаковую толщину. А если Венера не имеет «шлейфа», то зачем же его приписывать Земле?

Так думал Николай Загорский, стоя на космической ракете. Полубоившись матерью-Землей, он посмотрел вниз и... никакого «низа» не ощутил. Ему показалось, что он продолжает смотреть вверх. Поворачивал голову в разные стороны, а ощущение «низа» так и не появилось. Тогда он поглядел себе под ноги там «низ»! «То, на чем стоишь, и является «низом», — смекнул Николай. — А раз так, значит, можно ходить по ракете».

Он попробовал не держаться руками и... не упал. Но в следующую секунду все же ухватился за скобу. Усилием воли, преодолевая страх, сковывающий движения, начал передвигаться по обшивке люка к носовой части от скобы к скобе. Вот прямо под ногами белеют буквы — название их корабля. Но почему они внизу? Николай ведь знает — надпись сделана сбоку... А вот и боковой иллюминатор — тоже под ногами. Увидел — профессор что-то говорит Михаилу Милько...

Постепенно привыкнув к обстановке, Загорский понял, что теперь целой планетой для него является ракета, и он в

самом деле может передвигаться по ней как угодно, может обойти ее вокруг!

Все эти соображения, казалось, «унормировали» обстановку, приблизили ее к обыкновенной, а главное — придали бодрости и смелости. Да и в самом деле, чего Николаю бояться? Разве здесь действуют не такие же физические законы, как на Земле? Он вспомнил свои альпинистские походы... Но нет, даже на высоких горных вершинах ему не пришлось испытать такого чудесного чувства. Там, куда ни глянь, расстилалась перед тобой Земля. А здесь... Вокруг — черная бездна. Она окружает тебя со всех сторон — безграничная, таинственная. Заглядывает тебе в душу мириадами немигающих разноцветных звезд... Мурашки пробегают по телу...

Добравшись до носовой части ракеты, Николай заглянул в радиорефлектор — он был иссечен, как будто по нему стреляли густой шрапнелью. Заметил и на обшивке частые царапины. Значит, на ракету налетел рой мелких метеоритов...

Заменить радиофару Загорскому было не трудно. Возвращаясь к люку назад, Николай осмелел и стал во весь рост, даже не подозревая, какая неожиданность подстерегает его. Все произошло молниеносно. Едва он только сделал шаг по ракете, как в то же мгновение оттолкнулся, отлетел от нее, как мяч. Мороз пробежал по телу: сила притяжения ракеты ничтожна, и он падает в бездну!

— Помогите! — что есть силы крикнул в микрофон. — Падаю, падаю!

Беспомощно размахивая руками, дрыгал ногами, словно старался найти точку опоры.

В наушниках он услышал голос Ивана Макаровича:

— А про баллон забыли?

— Ах, да... ракетный баллон!..

Нажал на кнопку — его резко толкнуло к «Комете». Но, видимо, он не рассчитал направления, ибо пролетел мимо металлического тела своей «планеты». С ужасом увидел, что она отдаляется в противоположную сторону...

— Спокойно, товарищ Загорский! — прозвучал у самого уха голос Плугаря. — Что вы так растерялись? Я вам помогу!

«И правда, — подумал Николай, спокойствие и выдержка! Ведь мое тело сохраняет ту же скорость, что и ракета, следовательно, от нее не отстанет... А кислород? Кислорода хватит на несколько часов. Вот приближение к Луне — это опасность!» Тревога пронизала каждую клетку его тела. Космический корабль выходит к афелию своей орбиты — точке, в которой скорость ракеты замедляется, и она начинает поворот на другую дугу эллипса. Поблизости афелия Милько включит мотор, повернет ракету, чтобы совершенно нейтрализовать ее скорость, и тогда она попадет под влияние притяжения Луны. Начнется спуск... «Сколько же остается времени? — тревожно подумал Загорский. — Неужели не успею?». Чувство опасности холодком прохватывало сердце. Но внутренний голос говорил ему: правильно пользуйся ракетным поясом.

Гигантским сияющим поясом смыкался Млечный путь — он был везде, куда бы Николай не кинул тревожный взгляд: вверх, вниз. На Земле видна только часть Млечного пути — та, что над головой. А здесь — сплошной его круг, ибо под ногами нет ничего, ничто не закрывает безграничного простора!

А может, это все Николаю снится? И черное, усыпанное разноцветными звездами небо, и корпус ракеты, как бы повисшей в пространстве... И вообще вся эта невероятная, фантастическая экспедиция... Может, это просто в бреду? Холодный пот выступил на висках. «Нет, нет, что это я... — подумал Николай. Такая чепуха в голову лезет... Нервы, нервы...» Он закрыл глаза и почему-то вдруг представил себя мальчуганом в саду у бабушки... Солнечно так, хорошо. Он хочет сорвать румяное яблоко — вот оно висит на тонкой вершине! Ловко взбирается по скользким ветвям, и страшно, и сорвать непременно хочется. Но кто-то уже зовет его издалека: «Николай! Николай! Радио у вас испортилось, что ли?» «Какое радио? Ах, да...»

Это в наушниках голос Ивана Макаровича.

Загорский словно просыпается, к нему возвращается сознание.

— Вы слышите, Николай? Приближайтесь сюда, а я брошу вам веревку.

Теперь Загорский увидел профессора. Он стоял на пороге люка, держась за скобу.

Загорский нажал кнопку. Когда он проплывал мимо ракеты, Иван Макарович кинул веревку, но конец ее пролетел в нескольких метрах от Николая. Тогда сделали еще одну попытку. Николай снова выпустил из баллончика газ, чтобы его толкнуло к ракете... Наконец, он поймал веревку. Иван Макарович легко подтянул его к люку.

— Ужасная небрежность! — отчитывал он радиста уже внутри корабля. — Не привязаться к ракете!

Ольга и Михаил смотрели на Николая как после длительной разлуки. А он, поглядывая в иллюминатор и, должно быть, не веря самому себе, спрашивал:

— Неужели я был в этой бездне?

ТАМ, ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА

Прошло еще часа два в полете. Космический корабль с гербом Советского Союза на металлической обшивке приближался к тому месту в пространстве, где начинает преобладать сила притяжения Луны. Некоторое время экипаж обсуждал случай с Николаем Загорским. Ольга встряхивала белокурыми волосами и весело поблескивала глазами. Михаил Милько смеялся, похлопывал Загорского по плечу. Один лишь Иван Макарович сидел молча. Морщины резко обозначились на его высоком лбу. Он следил за приборами и время от времени посматривал на своих спутников. «Со всем еще дети! — говорил его взгляд. — Шутят на краю пропасти!»

Время как бы остановилось, но цифры на ленте вычислительной машины показывали, что оно мчится неудержимо.

Луна начала притягивать «Комету». Надо было тормозить ее нарастающее падение. Все надели скафандры. Заработал двигатель. Металлическое тело ракеты задрожало, оглушительный водоворот звуков наполнил кабину. Поток газа вырывался из бокового сопла, и огромный космический корабль повернулся хвостом вперед. «Комета» падала на Луну. Сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее. Сила притяжения Луны захватила корабль в свои невидимые сети, и он мчался к ночному светилу с нарастающей быстротой,

Поверхность Луны уже занимала полнеба и, так же, как раньше Земля, казалась грандиозным круглым блюдом.

Снова заревел двигатель. «Комета», сдерживаемая газовым столбом, плавно, как на парашюте, опускалась на поверхность Луны.

Напряженное ожидание, торжественность господствовали в кабине. Все знали, что их судьба зависит теперь от механика, от его умения, его выдержки, его точности. Это, конечно, понимал и сам водитель ракеты Михаил Милько. Он припал к пульта управления грудью и, держа пальцы на бе-

лых кнопок, не отрывал взгляда от круглого экрана, на котором вырисовывались скалистые горы, черные ущелья, кратеры...

Корабль опускался в районе южного полюса Луны. Нежаркий полярный день — ведь это наилучшие условия для работы экспедиции!

Задание состояло в том, чтобы посадить корабль, если не на самом полюсе, то как можно ближе к нему. Так парашютисты спускаются в намеченный круг.

— Земля, Земля! Я — «Комета»! Идем на спуск, идем на спуск! — непрерывно повторял Загорский в микрофон.

Ольга глядела на отца, на Милько, и тысячи тревожных мыслей мелькали в ее голове. Вот оно — свершилось! Первые люди приближаются к поверхности спутника Земли! Приближаются... Не случится ли авария? Михаил так спокойно, так уверенно сидит за пультом... Все будет хорошо. Этот посадит! А как потом, назад, как стартовать на Землю? Ведь здесь нет ракетодома, нет эстакады...

— Последние километры! — взволнованно воскликнул Загорский в микрофон. — Через несколько минут...

Вдруг резкий толчок встряхнул ракету. Оборвался рев реактора, и Ольга инстинктивно закрыла глаза. Что-то твердое ударило ее по плечу, в голове молнией вспыхнула мысль: «Конец!» И все поглотила мгла.

Очнувшись, Ольга увидела руку, державшую перед ее носом флакон. Рука заметно дрожала. Потом послышался голос:

— Надо медицину спасти!

«О, это же Загорский, — узнала Ольга... — Он еще шутит...» Поднялась, преодолевая боль. Сильная рука Загорского поддерживает ее. Отец и Милько, как завороченные, замерли перед иллюминатором.

Загорский подвел ее к другому иллюминатору.

— Смотрите, Оля, — патетически воскликнул он — и запомните этот миг!

Ольга посмотрела и, кроме черной тучи, ничего не увидела.

— Разве на Луне есть тучи? — удивилась она.

— Успокойтесь. Туча — это работа нашего Михаила.

— Работа Михаила?

— Это он своим двигателем растревожил миллионнолетнюю пыль нашего спутника. Как вы думаете, Иван Макарович, эта туча видна там, на Земле?

— В мощные телескопы, по-видимому, видна... — задумчиво промолвил Плугарь и подошел к Загорскому я дочери. — А вы приглядитесь к этой пыли — она очень интересна. — Замечаете — она не клубится, оседает равномерно. Видите, камень падает точно так же, как пылинка.

И в самом деле: пронизанная солнечными лучами лунная пыль не клубилась, подобно земной. Мощные струи газа, которые еще несколько минут назад вырывались из реактора, взметнули вверх не только мелкую пыль, но и много камней. Теперь все это как-то торжественно оседало вниз.

— Да, атмосферы здесь нет, даже разреженной, — заметил Милько.

— Не горюйте, Михаил! — профессор положил ему руку на плечо. — Мы привезли с собой нашу, земную, советскую атмосферу!

У всех стало сразу веселее на душе.

— Да, без своей атмосферы не суйся никуда: ни на Луну, ни на Марс, ни на Венеру, — усмехнулся Загорский, весело поглядывая на Ольгу.

Пыль медленно оседала, и глазам наших путешественников открылся таинственный, загадочный пейзаж.

Милько посадил ракету на высокое плато, которое постепенно переходило в большую долину, окруженную горами. Они поднимались вокруг зубчатой стеной. От многочисленных выступов, шпилей, напоминающих развалины старинных замков, падали черные тени, и, должно быть, поэтому горный кряж казался еще выше.

— А это что — уж не дороги ли? — спросила Ольга, показывая вдаль на темные извилистые линии, пересекавшие долину по разным направлениям.

— Это трещины, — ответил Иван Макарович. — Итак, прибыли! Сейчас, товарищи, начнем работу.

Все обернулись к командиру экспедиции. Иван Макарович продолжал:

— Вы, товарищ Милько, осмотрите моторную группу и все механизмы. Особенно тщательно проверьте кислородные приборы. — Есть!

— Вы, товарищ Загорский, немедленно установите связь с Землей.

— Есть!

— А ты, Ольга, приготовь аптечку. На каждого из нас надо завести карточку — будешь записывать состояние организма и отмечать, как он реагирует на непривычную обстановку. Это очень важно. Все надо знать — температуру, пульс, кровяное давление, зрение, слух. Словом, как в хорошей поликлинике. Ясно?

— Ясно!

— Без моего разрешения из корабля не выходить. Я проверю действие космических лучей — они губительны для организма. А здесь их потоки, целые ливни, ведь их не задерживает атмосфера. Выполняйте.

Каждый член экипажа занялся порученным ему делом. Милько открыл люк в энергетический отдел. Иван Макарович достал из шкафа, вмонтированного в стенку, какие-то приборы и начал готовиться к выходу наружу. Ольга, распаковывая медикаменты, с тревогой поглядывала на отца. Вот он, тщательно приладив скафандр с толстыми свинцовыми подошвами, вошел в воздушный шлюз. Дверь за ним закрылась. Он вышел!

Загорский торжественно говорил в микрофон:

— Иван Макарович — Плугарь вышел из корабля... Он там, где испокон веков не ступала нога человека!

Радиофара была направлена на Землю. Огромный серебряный диск ее четко вырисовывался в черном небе, и радиоволны, усиленные на Розе, достигали старой планеты немногим больше чем за полторы секунды. Они пробивали верхние слои земной атмосферы, несли слова...

ИЗ ДНЕВНИКА ОЛЬГИ ПЛУГАРЬ

Отец велел вести врачебные записки. А почему бы не писать дневник? Я смогу в него записывать все: и события, и настроения, и разговоры на Луне. Ах, как жаль, что я не захватила магнитофона! Впрочем, беда не велика: Луна — царство немое, нет воздуха и звуков. Тут не запишешь на пленку щелканье соловья, даже шума ветра нет... Вот я видела в иллюминатор огромный камень, а за ним целый поток более мелких сорвались с высокой скалы (должно быть, Солнце раскалило — ну, и трескаются) — не то что грохота и грома, даже шороха не было! Беззвучно, совершенно беззвучно работает солнечная каменоломня. Я пишу, сидя возле иллюминатора. Хорошо вижу отца. Осторожно ступая, он подошел к краю горного плато, где мы приземлились, правильнее сказать — прилунились, ведь мы теперь уже на Луне! Даже не верится. Неужели это не сон, а действительность? Отец в скафандре — ну и смешно выглядит! Вот наклонился, что-то поднял, разглядывает... Пошел дальше, за грудой камней. Хотя бы не уходил далеко, все-таки опасно. Кто его знает, как оно там...

Ребята заняты каждый своим делом, изредка перебрасываются короткими фразами. Заметно, что Николай и Михаил стараются скрыть свое волнение и действовать так, как будто они на Земле. Но глаза, глаза — быстрые, блестящие, к тому же нервные движения говорят о другом. Лица усталые. И у меня тоже. Легкое головокружение. Отчего бы это? Надо браться за свою аптечку, а то отец вернется, а я еще ничего не сделала...

Продолжаю писать. Все отдыхают, сейчас и я засну.

Едва успела я развернуть свою «поликлинику», как вернулся отец. Снял скафандр, и я даже испугалась, увидев его измученное лицо.

— Ну как, товарищи? — спросил отец у нас.

— Хорошо! — воскликнул Милько. — Все в порядке.

— А слабость чувствуете? — продолжал отец. Николай вздохнул.

— Немного есть... Почему это?

— А что на это скажет медицина? — обратился отец ко мне. Он положил скафандр и уселся в кресло.

— Все ясно, — ответила я. — Перелет с непривычки...

— Эх ты, непривычка? — отец весело потрепал меня по плечу. — Знаете, в чем причина, ребята?

— А в чем? — спросил Николай.

— Ведь мы забыли покушать!

Все засмеялись. В самом деле — мы не ели почти целые сутки! Ребята поужинали перед вылетом, утром было не до завтрака... А я даже и не ужинала!

Быстро поставили раскладной столик, достали сухие, замороженные продукты, подогрели на высокочастотной сковородке. Закусили, конечно, шоколадом. Ребята шутили — поднимали стаканы гущенного молока и провозглашали тосты за процветание спутника Земли.

После обеда отец приказал отдыхать, и все улеглись на удобном широком матрасе прямо на полу. Сейчас и я лягу рядом с отцом, авторучка валится из рук...

Солнце здесь не заходит, а только опускается до линии гор, и, кажется, катится по далеким горным массивам. Какое сегодня число? Надо спросить отца...

ЗЕМЛЯНЕ

Первым открыл глаза Иван Макарович. Некоторое время, пока окончательно не проснулся, он с удивлением глядел вверх — там сияли многочисленные приборы, словно чьи-то большие, загадочные глаза. Где это он и почему свет отражался от каждого предмета — от приборов, от разных больших и маленьких никелированных ручек и кнопок, от стен, обитых желтой кожей, от кресел, — от всего, что было вокруг? Отражался и бил прямо в глаза, кладя на сетчатку разнообразные изображения. Это постепенно возбуждало мозг, и Плугарь проснулся окончательно. Да, это не сон, это действительность! Они на Луне, и надо, надо действовать.

Он сел, поглядел на Ольгу, лежавшую на боку, словно она прислушивалась к чему-то, на своих помощников, которые раскинулись в безмятежном сне. Ему было жаль их будить. Но программа исследований огромна, а запасы кислорода и продуктов ограничены, дорог каждый час.

Иван Макарович поднялся и коснулся Олиного плеча. Она сразу же проснулась.

— Вставай, — сказал он почему-то тихо. — Буди хлопцев.

Ольга протерла кулаками глаза. «Совсем еще ребенок», подумал Иван Макарович и подошел к иллюминатору. Ольга тем временем вскочила, — несколько полная в своем лыжном костюме.

— Земляки! Подъем!

Хлопцев словно пружиной подкинуло. Потягивались, — отдохнувшие, сильные.

— Это верно, что здесь мы земляки! — сказал Загорский. Ничего не скажешь, хоть на земле и родились за тысячи километров друг от друга.

— Где родились, неважно. Главное, что мы с Земли, а значит земляки, — присовокупил Милько.

— Э, нет! — возразила Ольга. — Если подходить с такой точки зрения, то правильнее сказать о нас «земляне», так же как о жителях Марса «марсиане»...

— Ну, ладно, земляки или земляне, — вмешался Плугарь, отдохнули?

— Да, Иван Макарович! — в один голос ответили Милько и Загорский.

— Вот и хорошо. Теперь, значит, за работу. Сегодня мы должны собрать и испытать наш вездеход.

— Сейчас мы вдохнем в него душу, — кивнул головой Милько и бросился открывать багажники, в которых были сложены многочисленные части и детали вездехода, — они везли его в разобранном виде. Загорский помогал товарищу, а когда ящики и пакеты были извлечены, в работу включился и Иван Макарович.

— Да мы и сами управимся! — сказал Загорский. И он говорил искренне. Юноши считали, что собрать вездеход — дело совсем легкое. Но они не учли одного: условия на Луне очень отличаются от земных... И вскоре они это почувствовали — как только начали выносить все эти ящики и пакеты из корабля на поверхность Луны. Всем пришлось одеть скафандры, обвешаться кислородными баллонами. Это, конечно, очень затрудняло и замедляло работу.

Делали так: клали ящик в воздушный шлюз и выкачивали воздух. Потом открывали люк и при помощи прочной веревки спускали груз вниз. Это было много легче, чем на Земле, ибо мускульная сила людей оставалась прежней, а вес предметов на Луне уменьшился в целых шесть раз! Тут даже профессор, человек, не привыкший к физическому труду, — мог поднять намного больше, чем тяжелоатлет на Земле! Однако снимать с ракеты, которая огромной сигарой высилась над поверхностью Луны, многочисленные детали машины, а потом собирать, монтировать их, «вдыхать душу», по выражению Михаила Милько, — дело сложное. Но работа не прекращалась ни на минуту. Если бы на Луне были жители, они увидели бы такую картину: из люка высокой ракеты, опиравшейся металлическими треногами на каменистую поверхность Луны, спускался на веревке ящик. Внизу отвязывала его и отодвигала в сторону высокая фигура с большущей круглой головой (это был Загорский). Ве-

ревка поднималась и исчезала в чреве ракеты, чтобы вскоре снова спустить ящик или какую-нибудь деталь. А когда выгрузку закончили, из люка, сперва по металлическим скобам, потом по лестнице спустились еще два большеголовых существа (Милько и профессор). Сходили по одному, осторожно, держась за верхнюю ступеньку и нащупывая ногой нижнюю, хотя могли бы просто прыгнуть.

Вскоре у основания ракеты образовалась настоящая строительная площадка. И селениты могли бы воскликнуть: «О, сыны Земли! Всегда вы что-то строите!»

Сперва Милько открыл ящики, в которых лежали стальные гусеницы. Разложили их на «земле» — две блестящие ленты. Потом стали монтировать на них скаты и раму. Управившись с ходовой частью, взялись за моторную группу и трансмиссию. Крышу кузова машины выложили кремниевыми плитками — они будут превращать солнечные лучи в ток и питать электромотор. Управление вездеходом было аналогично тому, которое имеют гусеничные тракторы: бортовые фрикционы.

Солнце коснулось ломаной линии высоких горных вершин, то скрываясь на некоторое время за острореберными шпильями, то снова брызгая лучами из-за них, а работа все еще не была закончена. Все трое устали, проголодались. Да и то сказать: надо было подогнать сотни деталей, закрепить их шпильками, хомутками, а то и просто шурупами — сколько кропотливого труда!

Иван Макарович любовался, как юноши орудуют ключами. Особенно Михаил. «Люди умственного труда, как привыкли они к физическому! — думал профессор. — Любо посмотреть!»

А когда машина была полностью собрана, Иван Макарович пожал ребятам руки, хотя сделать это как следует мешал скафандр.

— Спасибо, большое спасибо, товарищи! — говорил он через свою портативную рацию. — А теперь — отдыхать!

Но Милько сперва жестами, а затем через свой передатчик попросил разрешения испытать машину. Ивану Мака-

ровичу и самому не терпелось убедиться, как будет работать мотор, поэтому долго уговаривать его не пришлось. В знак согласия он махнул рукой.

Милько сел за рычаги. Загорский — рядом. Иван Макарович выжидательно глядел на Милько — механик возился у щитка и рычагов управления. Минута — другая... Наконец корпус машины дрогнул, и она совсем беззвучно тронулась с места.

Непривычно было видеть, как из—под гусениц взлетали пыль и мелкие камни, — видеть, а звуков не слышать!

Ничто не могло нарушить вековой тишины этой мертвой планеты.

Милько сделал большой круг и, остановившись около профессора, выключил мотор. За стеклами скафандра Плугарь видел его торжествующие глаза. Радостные, счастливые, поднимались путешественники в кабину своего космического корабля, где их уже давно ждал обед.

— Ого! — воскликнул Загорский, скинув комбинезон, — когда же это вы, Ольга, успели сбегать в местный гастроном?

— Ешьте, ешьте, — улыбалась Ольга. — Вы это заработали, одна я лодырничала.

— Это было бы настоящее счастье, — заметил Милько, — если б медицина все время лодырничала.

Так, перебрасываясь шутками, наслаждаясь звуками своих голосов, сели они обедать — одна дружная семья.

ВЕЗДЕХОД ТРОГАЕТСЯ В ПУТЬ

Пока Иван Макарович сидел, задумавшись, над картой Луны, Милько, Загорский и Ольга не сводили с него глаз. Кого из них возьмет он в первое путешествие?

А ученый совершенно не замечал их настороженного ожидания. Он определял маршрут.

«Безусловно, — размышлял Иван Макарович, — одним из наиболее неразгаданных для науки явлений на Луне являются радиальные лучи цирка Тихо. Куда же брать курс, как не туда? Вот оно — светлое сияние величавого кратера — отчетливо видно на фото. Словно застывший образ Солнца, гигантский его рисунок, созданный самой природой...»

Иван Макарович измеряет расстояние. Получается немалая цифра — около двухсот километров. А с какой скоростью они могут передвигаться по совершенно незнакомой поверхности, да еще без дорог?

— Какая скорость нашей машины? — спрашивает у Милько профессор.

— По хорошей дороге — до ста двадцати километров.

— По хорошей дороге... — повторил Плугарь. — Вы еще скажете — по асфальту. А здесь, — он показал карандашом на иллюминатор, — сколько здесь?

Милько ответил не сразу.

— Ну что ж, — начал он после минутного раздумья, — тормоза хорошие, пожалуй, на открытой местности можно ехать в среднем километров сто в час.

— А как вы считаете, Николай? — обратился профессор к Загорскому.

— Видите, Иван Макарович, условия, в которых испытывался вездеход на Земле, все-таки значительно отличались...

— Это известно.

— Я думаю, что мы не сможем дать даже ста километров. Да это, в конце концов, и не нужно. Если машина позволит нам охватить местность хотя бы в радиусе пятнадца-

ти—двадцати километров, — то и этого, я думаю, будет совершенно достаточно. Ведь на каждом шагу для нас все здесь ново.

Иван Макарович молча поглядел на Загорского, поднялся и подошел к иллюминатору.

— Нет, — сказал он тихо, как бы обращаясь к самому себе. — В науке нельзя ограничиваться малым, нельзя удовлетворяться только тем, что лежит рядом. Пятнадцать километров? — он повернулся к экипажу. — Да разве для этого стоило конструировать, строить и брать в такое путешествие вездеход? Мы и пешком бы прошли, вприпрыжку!

И он рассказал членам экипажа о своих планах. Первое кратер Тихо Браге; второе — побывать на белом пятне, полушарии, которого не видно с земли. Высчитывали расстояние, скорость... Старались предугадать и учесть любые неожиданности, которые могут встретиться в пути.

Ольга вслушивалась в этот разговор с каким-то тревожным чувством. Ее, конечно, не возьмут. Но в самом деле, стоит ли отцу так рисковать? Теперь, когда экспедиция достигла Луны, когда их ракета стоит на каменистом ее грунте, что уже само по себе является величайшим достижением науки, — нужно ли сейчас пускаться на какой бы то ни было риск?

Такого же мнения, очевидно, и Загорский. Тихо, но довольно твердо, он сказал:

— Это верно, Иван Макарович, наука не может удовлетворяться тем, что лежит рядом. И наш перелет — красноречивое тому доказательство...

Ольга видела, как поднял брови ее отец, переводя взор то на Загорского, то на Милько, которые сидели за круглым столом.

— Но разве мало, — продолжал Загорский, всматриваясь в разложенную на столе карту, — если мы исследуем только ту почву, что под нами. Эти скалы, которые обступают плато?

— Да, этого мало, товарищ Загорский! — Иван Макарович подошел и опустил руку на его сильное плечо. — Надо

всегда стремиться к большему, и даже если оно — самое тяжелое — это не испугает нас. Кто поведет машину?

— Я бы хотел прокатиться, — поднялся Милько.

— Если разрешите, я охотно, — сказал и Загорский.

Иван Макарович стоял, погруженный в мысли. Он колебался, кого же назначить водителем вездехода? Милько — механик, наверное он повел бы лучше, но мало ли что может случиться в дороге... Кто тогда поднимет ракету?

— Поедете вы, товарищ Загорский.

И опять тревога сжала сердце Ольги. В ней боролись два чувства: гордость за отца и страх за его жизнь. Девушка сквозь иллюминатор смотрела на отвесные скалы и думала: «Что там за ними? Хватит ли кислорода?» А горы стояли молчаливые, поседевшие от времени и, казалось, равнодушные ко всему на свете: к Солнцу, нагревавшему их, к холоду, от которого трескались камни, и к этим людям, прилетевшим сюда с далекой Земли...

Иван Макарович сказал;

— Нам пора!

Втроем они быстро приготовили машину, взяли баллоны с кислородом, разные инструменты и припасы, и Ольга видела, как вездеход, словно нащупывая дорогу, пополз по направлению к межгорью.

ЗАГАДКА ГОЛУБОЙ ДОЛИНЫ

Хотя Загорский и был против этой далекой экспедиции, но когда Иван Макарович поручил ему вести машину, он про себя решил, что сделает все, чтобы достичь цели. Сильные руки юноши лежали на рычагах, готовые в любой миг изменить направление движения. Сначала непривычно было вести машину, особенно на подъемах, не слыша звука. На Земле Николай привык по гудению мотора определять — легко или трудно машине, а здесь приходилось ориентироваться исключительно по приборам.

До гор, которые гигантскими шпильями высились вокруг плато, где стояла ракета, было примерно километра три. Поверхность почвы раскинулась перед машиной ровная, почти сплошь покрытая мелкими камнями и пылью. Иногда гусеницы вездехода утопали в толстом слое пыли, и тогда позади машины поднималась серая завеса, поднималась, да так и стояла — не клубясь, а медленно оседая.

Солнце щедро осыпало горы своими белыми лучами, слепило глаза путешественникам. Но Николай приловчился — сидел, подавшись вперед, решительно прокладывая путь в неизвестность. Случалось проезжать по такому щебню, что, казалось, — это шоссе, проложенное в древности.

Ивана Макаровича слегка покачивало, он смотрел на грозные, закрывавшие полнеба, горы, а видел почему-то глаза дочери, такие родные, дорогие! Она смотрит на него с тревогой, а сквозь тревогу, как свет сквозь воду, пробиваются лучи радости. На какое-то мгновение мелькает мысль: «А может, и в самом деле не следует так далеко забирать-

ся?» Но он сразу отгоняет ее, смотрит на зубчатый горный вал, который надвигается на них, и думает: «Какие богатства таит здесь природа?..»

Вездеход набирал скорость. Николай с удивлением замечал, что здесь можно легко развить скорость не то что 70—80 километров, а и 150—200. И лишь опасение, что эта холмистая, нетронутая поверхность, возможно, скрывает в себе неожиданности, сдерживало его от чрезмерно быстрой езды. На обратном пути, по своим следам, он поедет намного быстрее!

В одном месте горы расступались — их рассекало ущелье, шириной метров 50—60. Возле горы Иван Макарович приказал остановиться.

Сойдя с машины, они начали осматривать межгорье. Ущелье, разделявшее горы, очень напоминало русло высохшей реки с отвесными берегами. Иван Макарович глядел на его дно, и ему казалось, что он видит там ракушки. На машине спуститься вниз было невозможно, я Николай предложил проехать по узкому карнизу вдоль горы. Иван Макарович не возражал. Загорский сел за рычаги и, когда профессор занял место рядом, включил мотор.

Несмотря на то, что вокруг было море солнечного света, в межгорье царил полнейшая темнота. И карниз, и глубокое ущелье внизу — все было покрыто густой черной тенью. Пришлось включить фары. Бледный свет выхватывал из темноты довольно узкий проход и отвесный склон горы слева. Загорский осторожно вел машину, прижимаясь левым бортом к скале.

Вдруг Иван Макарович толкнул его в плечо и указал рукой вверх. Там, немного впереди машины, сползал со скалы огромный плоский камень. Он грозил раздавить машину, как спичечный коробок.

— Вперед! — скомандовал по радио профессор, и Николай, не раздумывая, дал скорость.

— Проскочили!

Вздых облегчения послышался под скафандрами. Но вот тень резко оборвалась, и перед глазами Плугаря и Загорского раскинулся изумительный пейзаж. Они остановились, пораженные невиданной красотой. Горы отступили в стороны, а широкая равнина голубела, переливалась самоцветами. Точно море, когда оно улыбается блестками, синее под

чистым небом. Только здесь небо над головой было черное, а долина сияла под солнцем мириадами голубых теней. В центре ее виднелось небольшое возвышение и зубчатые остатки скалы такого же точно голубого цвета.

— Что это, Иван Макарович? — спросил Загорский, поворачивая свой шлем то к профессору, то к голубой долине.

— Сейчас узнаем, — ответил Плугарь. — Сфотографируйте на цвет.

Профессор пошел вперед, и Загорскому показалось, что он идет по воде, идет по волнам и не тонет! Николай достал из багажника свой киноаппарат и начал крутить ручку.

Иван Макарович нагнулся, поднял несколько сверкающих камней, которыми была усеяна вся равнина. Положил на ладонь, и из них брызнули голубые лучи. Сапфир?

— Даже у калифов из сказок Шехерезады не было таких богатств! — восторженно сказал Загорский, приближаясь к профессору с киноаппаратом на плече. — Интересное явление природы!

— Да... Очень интересное, — задумчиво ответил Иван Макарович. — Очевидно, здесь высился огромный монолит... Вот что от него осталось, — он указал на голубой обломок расщепленной скалы, торчащей на возвышенности. — Возможно, это работа Солнца и холода, а быть может, на скалу упал метеорит... На обратном пути исследуем эту долину. Поехали!

Если б можно было заснять на киноплёнку, как вездеход пересекал долину, усеянную сапфирами, — это были бы чудесные кадры документального фильма. Гусеницы машины отбрасывали целый ливень камешков, и они сверкали в лучах Солнца, как голубая вода. На пути вездехода удивительные камни вздымали тысячи трепещущих вееров голубого сияния, — словно хотели околдовать эту машину, остановить ее железный ход. Но напрасно! Металл подминал под себя камни, унося все дальше и дальше своих беспокойных хозяев.

СЕЛЕНИТЫ

Чем дальше ехали Иван Макарович и Загорский, тем разнообразнее становились пейзажи. То вздымались красноватые горы, то расстилались покрытые серой пылью равнины. Иногда вдали что-то синело — совсем как лес, окутанный дымкой! Но лесов не было, вокруг лежали одни минералы — быть может, и такие, которые только снятся геологам.

Вездеход шел зигзагами, ему приходилось часто петлять, минуя то кучи желтого песка, то серые искрошенные камни. Но вот дорогу пересекло уже знакомое Загорскому высохшее русло. Обходя горный кряж, оно извивалось у его подножия, широким обрывистым каналом отделяя равнину.

Николай потянул к себе левый рычаг бортового фрикциона, повернул машину вдоль крутого берега, надеясь обойти преграду. Но руслу не было конца. Остановились. Загорский взошел на бугор. Отсюда он увидел, что канал не только не отходит в сторону, а, наоборот, — огромной дугой тянется с востока на запад. Как тут проедешь на север?

Профессор в раздумье стоял на крутом берегу. Нет, не легко добраться до величественного кратера Тихо Браге! Даже далекие подступы к себе он завалил скалами, избородил ущельями-каналами...

Широко ступая. Загорский подошел к профессору, и они начали переговариваться через свои рации,

— Иван Макарович, — сказал Загорский, — ничего утешительного. Это русло поворачивает на запад.

— Что ж вы предлагаете? Возвращаться ни с чем?

— Нет... Быть может, попытаемся кирками проложить спуск в канал? Здесь немного надо: мотор сильный — вытянет.

— Это идея! — поддержал профессор. — Но сперва давайте исследуем канал, найдем удобное место. Значит, сделаем небольшие обвалы берегов и переберемся?

Загорский достал из багажника веревку, размотал ее, закрепил один конец на гусенице вездехода, а другой сбросил

вниз. Ухватившись руками за веревку, ногами упираясь в отвесную стену пропасти, он легко достиг дна. Иван Макарович восхищенно наблюдал за ним. Вынув из—за пояса молоток, Загорский постучал по стене.

— Спуск совсем не трудный, Иван Макарович, — радировал Николай. — А порода крепкая — граниты и базальты. Пройду дальше.

— Идите, но не теряйте времени.

Профессор хорошо видел, как Николай шел, чуть переваливаясь с боку на бок, и время от времени подходил к стене, чтобы постучать по ней молотком. Иногда останавливался, разгребал ногами пыль и щебень, стучал молотком по дну.

Иван Макарович поглядел вдаль — вершины высоких гор белели, будто покрытые снегом. «Эх, — думал Плугарь, — если б это действительно был снег! Если б здесь была вода! Не лежало бы это русло сухим!.. О, а где же Загорский? — Профессор ступил на край впадины, глянул вниз. — Николая не видно, будто сквозь землю провалился!»

— Николай! Николай! — уже с тревогой радировал Иван Макарович, не понимая, что могло случиться.

— Я здесь! — послышалось в наушниках, и в то же мгновение Плугарь увидел внизу Загорского. Юноша отделился от стены, словно вышел из нее. — Тут такое, Иван Макарович... Туннель!

— Пещера?

— Да нет, туннель. Своды из камней правильной формы. Мне кажется... Не следы ли это селенитов, Иван Макарович? И дно русла какое-то чересчур ровное — словно шоссе.

— Может, у вас галлюцинация, Николай? Как ваше самочувствие?

— Ну что вы, Иван Макарович! Спускайтесь, и вы сами убедитесь. Да захватите с собой фонарь — там совершенно темно!

Не без опаски взялся Иван Макарович за веревку. Но спустился на диво легко — очевидно, этому способствовала

небольшая сила притяжения. Достигнув дна русла, профессор быстро подошел к Загорскому. Юноша стоял у черного отверстия в стене. Отверстие была довольно высокое — метров десять, в нем могли свободно разминуться две грузовые машины.

— Вот, поглядите, Иван Макарович!

Они включили фонари и начали ощупывать светом стены, дугообразный потолок. Так, сомнений не было: камни имели форму продолговатых шестиугольников; все это могли создать только разумные существа!

Вошли в туннель. Николай постукивал молотком по стенам — камень не осыпался. Неожиданное открытие вызвало рой мыслей и у молодого ученого, и у профессора... Жизнь на Луне? Это могли допустить лишь авторы фантастических романов. А это же действительность — они идут по туннелю! Природа создала немало дивных гротов и пещер, но это, без сомнения, не ее работа... Ровными рядами подогнаны один к одному отшлифованные камни. Так подогнать их могли только умелая рука и глаз, освещенный разумом.

— Что вы скажете, Иван Макарович?

— Скажу то, что и вы думаете: мы натолкнулись на следы селенитов; это остатки неземной самобытной цивилизации.

— Почему остатки? А что если... что если они еще живут в недрах планеты?

— Вот это уже фантастика, дружище.

Минут десять они шли молча, пользуясь одним фонарем. Большой солнечный круг плыл перед ними по полу, покрытому толстым слоем вековой пыли. Разгребли пыль и обнаружили такие же шестигранные плиты, только гораздо большего размера.

Прошло еще с полчаса, туннель чуть-чуть сворачивал то в одну, то в другую сторону, и уже трудно было определить, где они находятся: под равниной, на которой оставили вездеход, или под горами на другой стороне русла.

Вдруг на расстоянии пятнадцати-двадцати метров пол оборвался — свет фонаря свободно падал куда-то вниз. Осторожно ступая, Иван Макарович и Загорский подошли к самому краю и увидели, что в обрыв ведут ступени. Всюду, куда достигали электрические лучи, виднелись ступени, исчезающие в глубине. Они казались ступенями для гигантов — так были высоки и массивны. Наши путешественники не могли сойти по ним обычным образом, а только прыгая: каждая ступень имела приблизительно метровую высоту.

Так они и шли — Загорский спрыгивал впереди, а за ним Иван Макарович, опираясь правой рукой на его плечо, а левой — держась за карниз.

— Вот и я стану спортсменом! — пошутил профессор.

Этот подземный ход, в котором каждый сантиметр поверхности был покрыт, быть может, тысячелетней тайной, густая мгла, обступавшая их со всех сторон, подстерегающая на каждом шагу неизвестность, наконец, непривычные скафандры и безвоздушное пространство вокруг — от всего этого становилось не по себе, и профессор хотел «нормализовать» обстановку разговором.

— Наверно, селениты были не низкорослыми, — продолжал он, — если могли ходить по таким ступеням... А вообще тут не помешал бы лифт или эскалатор.

— Видно, их инженеры не додумались, — отозвался Загорский. — А правда, Иван Макарович, все это очень странно? Словно во сне?

— «Странно» — это не то слово. Что же странного в том, что жизнь так разнообразна в своих проявлениях? Здесь лучше сказать: интересно! Вот исследуем Луну, полетим на Марс, там увидим что-нибудь другое...

— Теоретически это, конечно, так, Иван Макарович. Но мы с детства привыкли ко всему земному... О, мы уже спустились!

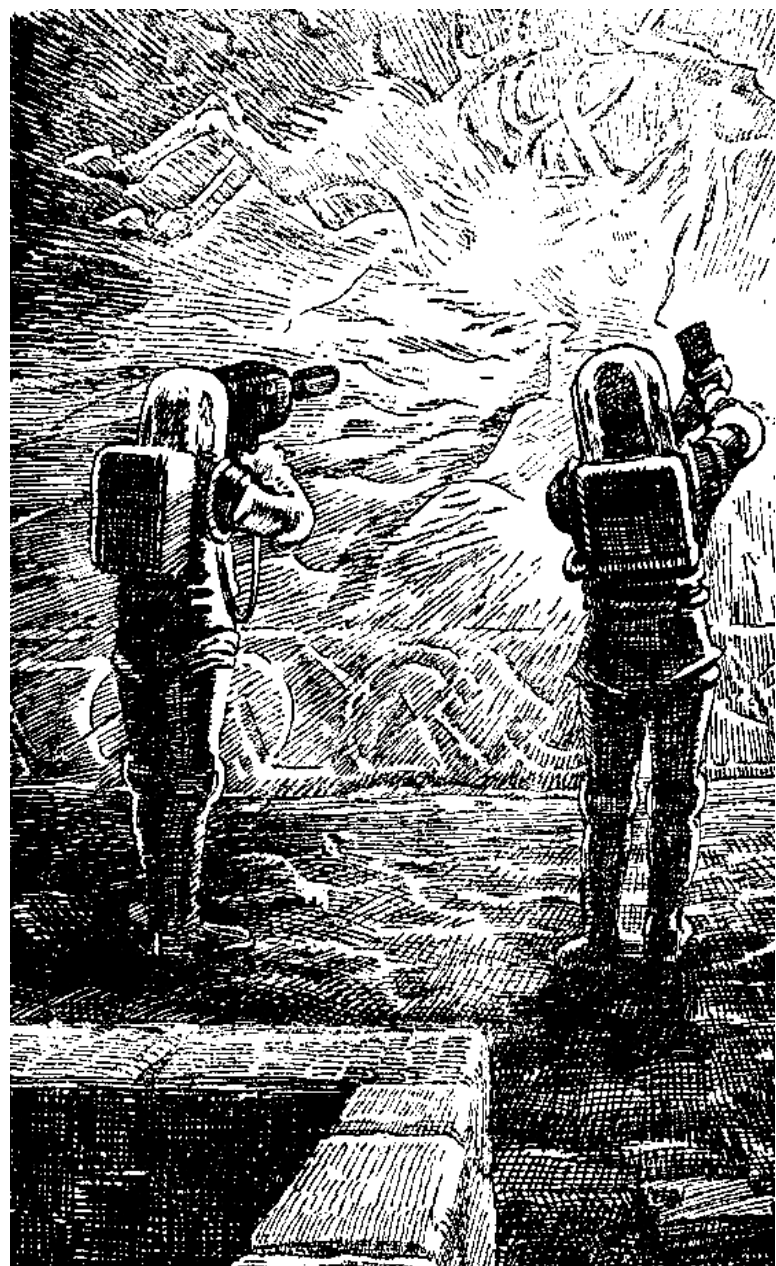
Ступеньки закончились, и они очутились в просторном зале. Высокие своды поддерживали массивные шестигранные колонны из какого-то блестящего отполированного камня. Колоннам этим не было числа, — они стояли, как

гигантский каменный лес. Снизу толще, вверху тоньше — может быть, они и изображали собою лес? Скользя лучами фонарей по своду, Загорский и Плугарь увидели на нем воспроизведенное небо! На темно-голубом фоне вдруг вспыхивали в лучах фонарей знакомые созвездия, выложенные из какого-то драгоценного камня, вспыхивали и гасли, чуть только луч света скользил дальше.

Иван Макарович и Николай пробирались между колоннами, надеясь, наконец, добраться до самого центра этого удивительного сооружения. Учащенно бились их сердца. Будто дыхание неведомой истории проникало под скафандры. Вдали между колоннами блеснул свет. Можно было идти уже с потушенными фонарями. Колонны расступились, Загорский и Иван Макарович остановились, как вкопанные. Прямо перед ними зияла огромная пропасть, напоминавшая опрокинутый купол неба. Сверху, сквозь узкое отверстие сюда проникали солнечные лучи, и, падая на вогнутую сферическую поверхность «чаши», высекали мириады голубых огней. А внизу — с самого дна подымалось багряное сияние. Там из какого-то дивного камня были выложены гигантские огненные языки. Казалось, тепло и свет вырываются из самой сердцевины этой остывшей планеты. А над головами вырисовывались выложенные из мозаики созвездия, серебрился какой-то огромный диск. (Николай догадался, что это изображение Земли).

Неутомимые в поисках неизвестного, сыны Земли стояли, ошеломленные произведением чьих-то умелых рук. Но что же все это означает? Хотя подземелье наполовину и было освещено разноцветными лучами, которые, отражаясь в камнях, порождали необычайный световой эффект. Загорский нажал кнопку фонаря. Вспыхнули новые мириады огней, зашевелились, кинувшись во все стороны, черные тени, и, казалось, что это пробежали какие-то живые существа. Словно догоняя их, Николай направил свет к подножию колонн, окружавших «чашу». Возглас изумления вырвался у него из груди:

— Посмотрите! Селениты!

Иван Макарович обернулся в ту сторону, где лег светлый круг. Над самым краем бездны, словно подползая к нему, лежали какие-то длинные существа, — как будто грелись у холодного огня, тлеющего там, внизу...

— Да, да... Это, наверное, селениты... — радировал профессор, еле сдерживая волнение. Мороз пробежал у него по спине.

Посветили фонарями еще раз — неподвижные существа виднелись везде, по всему краю бездны, и словно не могли отвести взгляд от сияния. Профессор подошел ближе, и ему показалось, что это кучки пепла или какой-то пыли, сохранившие форму живых существ. В самом деле, это были истлевшие останки селенитов. Когда профессор коснулся одной такой фигуры, она рассыпалась. Остался лишь скелет. Он был очень похож на скелет человека, но поражал своими размерами — длина его достигала семи-восьми метров.

— Недаром они и строили такие лестницы! — сказал Загорский, меряя шагами длину скелета. — Семь с половиной метров!

— Очевидно, сила притяжения влияет на рост вертикальных живых организмов, — сказал профессор. — Вон там дальше еще большие лежат.

Они пошли между колоннами вокруг бездны, и везде в причудливом свете, который отражался от камней, видели истлевшие фигуры. Селениты спали вечным сном, и ничто здесь не тревожило их покоя: ни зной долгих дней, ни холод ночей, ни дожди, ни ветры, которых они, конечно, и при жизни не знали.

В глубокой задумчивости брели наши путешественники. Кроме величайшего научного интереса, это созерцание мертвого храма вызвало и обычное человеческое чувство — жалость к этим удивительным существам.

Устав, Плугарь и Загорский сели на пол, прислонившись спиной к колоннам. И как только погасили фонари, густые сумерки окутали все. Прошло несколько минут, и глаза их качали замечать блеск созвездий над головой и тлеющее сияние, лившееся снизу.

— Что вы думаете обо всем этом, Иван Макарович? — не выдержал Загорский.

Профессор ответил не сразу. Конечно, археологические исследования раскроют историю материальной культуры Луны, назначение сооружений, а возможно, и обычаи селенитов. Но уже по предварительному осмотру ясно, что это грандиозное подземелье — храм. Жизнь на планете погибала из—за утраты атмосферы и вечного холода, сковывавшего ее. По-видимому, селениты искали спасения в теле планеты, где, без сомнения, еще и сейчас есть собственное тепло. Быть может, это багровое сияние на дне и является символом бога тепла, бога жизни? Все строение направлено вниз, вглубь. Это отчетливо заметно в архитектуре храма: низкие своды, большое воронкообразное углубление. Таким образом, все свои надежды, все чаяния селениты черпали не в небе, которое становилось все холоднее, а в недрах своей планеты. Взгляды их были обращены не вверх, не в безграничные просторы неба, а в глубину Луны, где аккумулировалось тепло.

— Обратите внимание на их позы, Николай. Все они лежат ниц, заглядывая на дно магической чаши. Но ничто их не спасло...

— Эх, если б они продержались до нашего приезда! Мы бы помогли им!

— Надо все это заснять на киноплёнку, Николай.

— Но аппарат ведь в машине!

Только теперь они вспомнили о вездеходе, оставленном на залитой Солнцем равнине, о своем доме на Луне — сигароподобной ракете, которая возвышается за горами. Как там Ольга и Милько?

— Я схожу за аппаратом, Иван Макарович.

— Идите, — как-то неохотно согласился профессор. — Да не задерживайтесь.

— Сколько времени мы шли сюда? — соображал Николай, глядя на светящиеся часы на фонаре. — Кажется, часа полтора. Ну, вот... а теперь я быстрее, за час управлюсь.

— Хорошо!

Николай встал и поспешно ушел. Несколько минут Иван Макарович видел, как перескакивал с колонны на колонну свет его фонаря.

«Камни, кругом одни камни, — подумал профессор. — Нет никаких следов металла. Это каменная цивилизация...» Потом почему-то вспомнился родной город, сочные луга за Днепром и прозрачно-синие волны реки. Захотелось пить. Но вот, словно кадр из кинофильма, перед глазами заколыхалась яхта, и Плугарь увидел на фоне белого паруса бронзовую фигуру своей дочери. Он стоит, облокотившись на балюстраду набережной, яхта летит, как птица, Ольга машет ему рукой, зовет, но слов не слышно. Он бежит вдоль набережной, хочет не отстать от яхты, но усталость подкашивает ноги, он падает и... просыпается.

Когда Иван Макарович поглядел на часы, сон его как рукой сняло: минуло два часа, а Николай еще не вернулся. Может, он где-нибудь поблизости? Заблудился?

— Николай! Николай! — позвал Плугарь в микрофон. — Я здесь!

Короткие радиоволны неслись между колоннами, устремлялись в каменные проходы, под своды и замирали где-то внизу. А ответа не было, наушники молчали.

— Николай! Николай!

Наушники молчали.

ПРЕРВАННЫЙ РАЗГОВОР

Ольга и Милько смотрели в иллюминатор до тех пор, пока вездеход не скрылся с глаз. А потом они поглядели друг на друга и... вздохнули. Это рассмешило девушку.

— Вот и вздохи начались! — сказала она, поглядывая на Михаила.

— Это первые вздохи на Луне, — серьезно ответил юноша.

— Вы остроумный, я и не знала!

Михаил вдруг нахмурился. Ольга не удивилась. Еще там, на Земле, она слыхала, что инженер Милько — нелюдим, замкнут. Никогда его не видели в обществе девушек, он имел дело лишь с механизмами. Вот и сейчас, как бы раскаиваясь, что позволил себе пошутить с девушкой, он присел к столу и начал писать. Ольга уселась напротив, подперла ладонью щеку и некоторое время молча рассматривала густые брови Михаила, все его лицо, суженное книзу.

— Скажите, что вы пишете?

Милько поднял голову, взгляды их встретились.

— Это я для машины... задание. Нужно сделать расчет старта, вернее, проверить. Видите ли, очень важно точно определить начальную скорость. Надо учесть местные условия...

— Я уже сама думала: как мы вылетим отсюда? Ведь здесь нет ракетодома!

— Зато нет и такой большой силы притяжения, как на Земле. Она в шесть раз меньше. Для того, чтобы оставить Луну, нужна скорость всего два с половиной километра в секунду.

— Так... — задумчиво протянула Ольга. — А все-таки опасно.

Милько ничего не ответил — продолжал свои расчеты. Ольга смотрела на его крепкую руку, орудовавшую карандашом, и думала о выдержке этого скупого на слова юноши.

Он не такой красивый внешне, как Загорский, но что—то есть в нем интересное.

— Мечтаете ли вы когда-нибудь, Михаил? — неожиданно спросила Ольга.

Милько поднял голову и сказал просто:

— Мечтаю.

Ольга не ожидала такого ответа, глаза ее заблестели от любопытства.

— Мечтаете? Да неужели? Вы такой... — Она не договорила.

— Какой?

— А вы не обидитесь?

— На откровенность не обижаются. Ну, какой же я?..

— Ну, такой... сухарь! — выпалила девушка, и румянец залил ее веснушчатые щеки.

Милько добродушно засмеялся:

— Вот как! Сухарь? Здорово! А я считал себя больше мечтателем, чем материалистом...

— В самом деле? А о чем же вы мечтали?

— Вот, например, мечтал об этом полете на Луну...

— Я знаю, что не только мечтали.

— Конечно. Я не Манилов. Мечты нужно подкреплять работой.

— Ну, хорошо, эта ваша мечта осуществилась. А теперь?

— Теперь мечтаю о полете на Марс... Знаете, Ольга...

Михаил не договорил. В кабине вдруг сделалось темно, будто непроницаемая туча заслонила Солнце. Они кинулись к иллюминатору. И действительно — ракету окутала черная завеса пыли. Сквозь толщу ее не могли пробиться солнечные лучи.

— Что это такое? — тревожно спросила Ольга.

— Не знаю, — ответил Михаил.

— Быть может, это взрыв вулкана?

— Не похоже. Во-первых, поблизости нет кратера, во-вторых, — мы бы почувствовали толчки.

— А может, это метеорит?

— Нет, от такого удара задрожала бы поверхность...

Долго смотрели они, как медленно оседала пыль и камни, поднятые с поверхности Луны неведомой силой. Ольга сделала предположение, что это вернулся вездеход, но Михаил объяснил ей, что вездеход не поднял бы столько пыли и так высоко. Кроме того, прошло уже немало времени, а никто не поднимался в ракету. Завеса постепенно оседала, уже сквозь нее пробивались солнечные лучи, а причина этого явления оставалась неразгаданной.

— Ну, точно так, как при посадке было! — сказала Ольга.

— Очень похоже, очень похоже, — согласился Милько и начал надевать скафандр. Ольга хотела было не пустить его, но он твердо сказал, что должен выйти и посмотреть.

Минут через пятнадцать он возвратился. Его лицо было таким же озабоченным, как и до этого.

— Ничего не понимаю! Надо связаться с нашими. Попробуем?

Ольга охотно согласилась. Они сели перед рацией.

— Я — Комета! Я — Комета! — говорила Ольга в микрофон. — Докладываем: неожиданно поднялась стена пыли, неожиданно поднялась стена пыли...

Несколько раз передавала она и переходила на прием. Но вездеход молчал.

Тогда принялся передавать Милько, но результат был тот же. Чтобы не тревожить девушку, Милько объяснил это тем, что они все-таки не радисты и, значит, не умеют как следует работать на рации. А у самого беспокойно было на душе: почему поднялась такая пыль? Почему не отвечает вездеход?

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Ольга писала в своем дневнике, когда послышалось щелканье у входного люка ракеты. Настороженно подняла голову, тронула за плечо Милько:

— Слышите?

Михаил прислушался. Действительно, что-то словно скреблось по металлу. Не возвратились ли Иван Макарович и Загорский?

То же, наверное, подумала и Ольга, потому что подошла к иллюминатору. Михаил посмотрел в другой. Вездехода не было. Но возле люка кто-то царапался.

— Наши так быстро не могли вернуться, — прошептала Ольга. — Прошло всего три часа... — Лицо у нее было встревоженное и даже испуганное. Она сжала Михаилу локоть. — А что... что если это пришли селениты?

— Глупости!

— А что вы думаете? Все может быть... Возможно, селениты — анаэробные существа.

Милько быстро подошел к рации и заговорил в микрофон:

— Что случилось? Вы не можете открыть люк, Иван Макарович? Или это ты, Коля?

Ответа не было. Но царапанье и щелканье о металл слышалось довольно отчетливо.

— Это они ломаются, селениты! — побледнела Ольга. — Ты смеешься, а мне страшно...

— Без глупостей, Оля! — строго посмотрел на нее Милько. Возьмите себя в руки. Сейчас мы узнаем, что там такое... — и он начал надевать скафандр.

Ольга молча припала к иллюминатору.

— Ничего сверхъестественного в природе не бывает, — продолжал Михаил. — Анаэробные существа, кварцевые чудовища!.. Все это выдумки фантастов, понятно? А если вы боитесь, то... спрячьтесь в коридорчик! Ей богу, там вас и селениты не найдут! — Он засмеялся, показав свои белые влажные зубы.

Ольга посмотрела на него тревожными глазами. В этом коротком взгляде были и страх, и надежда, и доверие. Еще одно слово Михаила, и она бы улыбнулась. Но юноша уже надевал шлем. Тогда Ольга повернулась и быстро пошла к люку, ведущему в «коридорчик» — шахту, в которой находились вспомогательные установки. Плотнo закрыв за собой дверцу, села на металлические поручни. Ей стало стыдно своего страха. Ну, конечно, Милько прав! Селениты... Планета же мертва! Хотела уже выбраться из своего укрытия, но, услышав в кабине шаги, удержалась. Напрягла слух. Сейчас ей хотелось, чтоб это на самом деле были селениты, — таинственные, но добродушные существа... Пусть бы тогда Милько со своим рационализмом...

Послышались голоса. Кроме Михаила, в кабине было еще двое; один заговорил на чистом английском языке, у другого слышался еле заметный немецкий акцент. Все оказалось очень просто: прибыла еще одна ракета с Земли, члены ее экипажа пришли познакомиться с советскими астронавтами и установить «научный контакт». Вместо скрипучих голосов селенитских чудовищ, Ольга слышала английскую речь. Михаил, правда, немилосердно коверкал слова, но все же поддерживал разговор.

Экспедиция западных коллег подготовлена и снаряжена не правительством какого-нибудь государства, а мощной урановой монополией, которая захватила под свой контроль почти все месторождения этого элемента в западном мире. На Луну прибыла, как заявили двое, «оперативная группа геологов и физиков—атомников». Возглавляет экспедицию сам босс; так что все поставлено в широких масштабах.

Гости рассказали о своей ракете, поинтересовались конструкцией советской, расспрашивая подробно о работе атомного двигателя, радиолокаторов, системе управления. Их также интересовали запасы жидкого кислорода, воды. Милько отвечал общими фразами, говорил не о самой конструкции корабля, а только о ее принципах, о чем писалось в прессе. Что же касается запасов, сказал:

— Нам хватит.

«Молодец, Миша! — подумала Ольга. — Дипломат!» Гости хвалили оборудование своей ракеты, особенно физическую лабораторию, пригодную для расщепления ядер целого ряда элементов и изготовления «портативных атомов». Ольга уловила в их словах скрытое желание запугать Милько. «Что им нужно? — подумала она. — Разве мы мешаем им вести исследовательскую работу? Прилетели, ну и работайте себе на здоровье! А то и тут с атомками носятся...»

— Мы хотели поднять вопрос о вашей военной базе, — сказал один из гостей.

— Какой базе? — искренне удивился Милько.

— Не стройте из себя наивного, коллега! Мы прекрасно знаем, что вы рвались сюда сквозь ледяной простор не для прогулки... Поглядите — вот Земля! Какая прекрасная мишень! Она поворачивается к Луне всеми сторонами, все точки цивилизованного мира видны, как на ладони. Устанавливай атомную катапульту и контролируй любую страну! — Он щелкнул пальцами, словно хлыстом. — Кто владеет Луной — тот владеет Землей!

— Вот оно что... — произнес Милько. — А мы, признаться, и не думали об этой стороне дела...

— Вы нас опередили, но позвольте вам напомнить: вы посадили ракету на нашу территорию. Да, да, северная часть видимого полушария Луны давно приобретена нашей монополией, и босс...

— Я не могу вести такого рода переговоры, — улыбнулся Милько... — Просто некомпетентен... Мы совершенно не предвидели, что кто-то может заявить права собственности на территорию Луны. Да еще авансом! Излишне, пожалуй, напоминать вам, что наша экспедиция имеет сугубо научные задания, выполнением которых мы хотим внести свой скромный вклад в сокровищницу человеческих знаний.

— Хорошо, господин Милько, мы встретимся с вашим командиром. Но вы совершенно напрасно повторяете нам то, что утверждает ваша пропаганда...

Разговор зашел о цивилизации, культуре, прогрессе, благосостоянии... О, они уже наслушались подобных тирад!

Но такое ли уж прекрасное благосостояние у коллеги Милько — известного инженера? Какой особняк он имеет в Москве? Сколько машин насчитывает его личный гараж? Быть может, он имеет автожир? И, наконец, объемиста ли его чековая книжка?

Все это было сказано вкрадчивым голосом, с легкой, добродушной иронией.

«Какая страшная ограниченность! — подумала Ольга. — Ну и задала бы я им!» А Милько, видимо, сдерживаясь, сказал:

— Нам не о чем говорить, господа.

— О, мы только начинаем разговор!

И дальше Ольга услышала такое, от чего озноб пошел по телу. «Гости» предлагали Милько «порвать с коммунистами», то есть изменить Родине и перейти на службу к ним! Он станет миллионером, так как ему будет полностью выплачена стоимость космического корабля, ну, и гонорар за работу на них. От босса фирмы они имеют полномочия...

— Предъявите! Какие полномочия?

— Мы можем принести подписанный чек!

Милько криво усмехнулся:

— На сколько?

— На... на пятьсот тысяч!

— Маловато! Жаль, что сейчас его у вас нет при себе. —

В черных глазах Михаила запрыгали насмешливые искорки. — Пустой разговор, господа.

Гости были довольны своим визитом. Смотрели на Милько, как на засватанного. Они сожалеют, что не могут сразу вручить чек. Но за этим дело не станет... Скоро принесут.

Это они говорили уже из скафандров. Заперев за ними люк, Михаил помог Ольге выбраться.

— Слыхали, какие остолопы? — засмеялся он, блестя белыми зубами.

— А зачем вам было комедию разыгрывать?

— Их двое, да еще, возможно, и вооружены!.. Ну и остолопы!

— Надо наших предупредить.

Ольга снова села за рацию:

— Я — Комета! Я — Комета!

Связь установить не удалось. Ольга попыталась усилить питание — раздался треск, лампы погасли. Милько поставил запасные. Но снова никакого результата. Ольга колдовала возле рычажков, пока и эти лампы не перегорели. Повернула растерянное лицо к Михаилу:

— Я пойду навстречу вездеходу — предупрежу. Ведь правда, они будут возвращаться тем же путем?

— Надо думать, что да. Можно предупредить их запиской...

— Верно! — обрадовалась Ольга. — Сложу кучу камней, а сверху — записку.

Она присела к столику, начала писать.

— Напиши еще такую: «Опасная зона. Смертельно».

Он и не заметил, как перешел на «ты».

— Зачем?

— Это для «гостей». Положишь на их следах метров за пятьдесят от нас. Побоятся приносить чек.

— Здорово! Идея!

Она старательно выводила буквы...

СЛЕДЫ В ПЫЛИ

Встревоженный, сидел профессор Плугарь у громадной колонны подземного храма. Где-то в глубине «магической чаши», как он назвал конусовидную выемку, чуть светились холодные камни. Вот так в нем самом искрилась тревога. «Что случилось с Николаем? Где он задержался?» — жгла мысль. Появились различные догадки, конечно, грустные. Все могло случиться. Юноша мог упасть и повредить кислородный баллон... Или рация... тоже могла разбиться...

Иван Макарович поднялся, включил фонарь и только теперь обратил внимание на следы в пыли. Они ведь могут привести его туда, где, быть может, лежит сейчас Загорский!

Профессор быстро пошел по следам. Сперва ему трудно было отличать отпечатки ног Николая от своих, следы были спутаны. Ведь они вдвоем обошли храм, рассматривая истлевших селенитов. Шли только вдвоем, а сколько отпечатков в этой многовековой пыли! Следами усыпан весь пол вокруг «чаши», и Иван Макарович с удивлением заметил, что пришел снова на то же самое место, где только что сидел. «Эге, — подумал он, — начинаю плутать... Это нехорошо. И зачем я пошел вокруг чаши? Надо искать отверстие в туннель, а главное — спокойствие, спокойствие!»

В тонком искусстве следопыта Иван Макарович, безусловно, не был профессором. Ему пришлось одновременно овладевать этой наукой и применять ее на практике. Вспомнив довольно-таки запутанную кривую своего движения от входа в туннель, Иван Макарович, пробираясь между колоннами, все же дошел туда. Посветив фонарем, он увидел при входе в туннель четыре путаных следа. «Два — это мы шли сюда, — соображал Иван Макарович, — третий — это Загорский шел к выходу за аппаратом, а четвертый... Значит, он вернулся!» Да, сомнений не было: Загорский вернулся. Иван Макарович пошел по его следам. Сперва широкие шаги Николая вели к колоннаде. Но здесь они почему-то сворачивали не вправо, а влево...

Пройдя минут пять, профессор и не заметил, как попал в какой-то другой туннель. Собственно, это была широкая подземная улица. Она вела то прямо, то поворачивала под тупым углом. Иван Макарович ступал осторожно, как по тонкому льду. Следы Загорского вели все дальше и дальше. Теперь профессор уже не сомневался, что найдет юношу. Четкие следы в пыли вели безошибочно и тревога начала понемногу рассеиваться. Но все же какое-то неприятное чувство одиночества, быть может, даже страха ни на мгновение не покидало Ивана Макаровича. Подумать только — на таком расстоянии от Земли (почти четыреста тысяч километров) еще забраться в залитые темнотой недра Луны! А такое путешествие на планету, экскурсия по ней — не по плечу одному человеку. Здесь не выдержат самые крепкие нервы!

В этих подземных анфиладах темнота была так густа, так непроницаема, что сноп электрического света, падающий из фонаря, казался настоящим чудом.

«А что, если фонарь испортится? — неожиданно всплыла мысль. — Что тогда?» Иван Макарович инстинктивно сжал ребристую поверхность футляра. На мгновение ему сделалось жутко, но только на мгновение. Усилием воли он отогнал от себя мрачные мысли. «Ну, что за глупости! — подбадривал он себя. — Ведь где-то здесь Загорский.» И он снова начал звать Николая в микрофон.

Но вот следы в пыли вывели профессора на большую площадь. Да, это, в самом деле, была просторная площадь. Лучи света от фонаря едва достигали противоположной стены. В нескольких местах зияли широкие туннельные входы, а среди них — меньшие, словно двери. Следы Загорского вели к одному из таких маленьких входов, и тут Иван Макарович увидел Николая. Юноша стоял, рассматривая что-то на стене, и оглянулся лишь тогда, когда увидел свет фонаря профессора.

— Иван Макарович! — послышалось в профессорских наушниках. — Да это же... это подземный... глубинный город! Я нашел вот на стене... — он посветил фона-

рем — посмотрите письма, а может быть, это их живопись...

— Товарищ Загорский! — строго произнес в микрофон Плугарь. — Это вы так выполняете поручения начальника экспедиции? Почему вы не вернулись сразу ко мне, как я вам приказал, а пошли совершенно в другую сторону?

— Да я, Иван Макарович, думал — посмотрю хоть одним глазом и немедленно... — оправдывался Николай.

— Даже малейшая недисциплинированность, товарищ Загорский, недопустима! Запомните это!

Они стояли друг против друга, опустив фонари вниз, и вечная тьма селенитского жилища окутывала их фигуры. Загорский почувствовал, как он краснеет от стыда.

— Даю слово... — пробормотал он, — обещаю...

— Ну, хорошо... — уже немного спокойнее сказал профессор. — А теперь давайте познакомимся с глубинным, как вы говорите, городом. Быть может, это была столица селенитов?..

— Вы вот только поглядите... — Загорский осветил стену.

— Да. Но почему вы не отвечали, когда я вас вызывал?

— Я ничего не слышал.

— Интересно... Это надо проверить. Подождите здесь.

Иван Макарович вышел на площадь (их разделяла стена) и начал говорить Николаю. Но ответа не услышал. Николай также не слышал его речи. Они быстро установили, что порода, залегающая вокруг, не только не пропускает, но и не экранизирует радиоволны, то есть не отражает их. Она их поглощает. Николай представил себе, как радиоволны проникают в верхние слои этой неизвестной породы и тотчас же начинают терять свою упругость, постепенно угасают и совершенно замирают в лабиринте незнакомых атомов, бесильные пробить их электронные оболочки.

— Интересно, — совсем не экранирует! Ничуть! — воскликнул юноша.

— Отбейте кусок, — попросил Иван Макарович. Загорскому с большим трудом удалось отколоть небольшой

осколок породы. Он чуть не сломал и сильно затупил свой топорик.

— Теперь продолжим осмотр подземного поселения, — сказал профессор, шагая дальше.

«Поселения... — подумал Загорский, идя рядом. — Это верно, — поселение, а не город. С одной стороны, всякий город и является поселением, но с другой — здесь нет ничего похожего на наши города». Он имел в виду дома с сияющими окнами, железные дороги, сады, скверы...

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Как раз в то время, когда в ракете находились непрощенные гости и Ольга сидела в «коридорчике», Иван Макарович и Загорский бродили по улицам огромного глубинного поселения селенитов, прорезывая темноту снопами электрического света своих фонарей. С улиц, которые, скрещиваясь, разбегались в разные стороны, они входили в жилые и разные другие помещения, наталкивались на остатки истлевших жителей, на разные вещи, назначение которых было им неизвестно.

Тысячи загадок окружали наших путешественников. Как селениты смогли построить такое грандиозное подземелье? Может быть, они использовали естественные пещеры? Ни в постройках, ни в разнообразных вещах профессор пока что не нашел ни малейшего следа металлов. Камень и камень! Есть также терракота — обожженная глина. Попадаете стекло — в инкрустациях на овальных потолках, в форме больших шаров, установленных на каменных подставках на улицах и в жилищах. Когда на эти шары падает свет фонаря, они ярко вспыхивают, а потом медленно гаснут, побеждаемые в борьбе со сплошной темнотой.

Имели ли селениты зрение? Наверное, имели, иначе не было бы цветных изображений, сделанных из разнообразнейших минералов и вмонтированных в стены и потолки. Значит, селениты как-то освещали свой город? Но как? Об электричестве нечего и говорить: они, конечно, и не подозревали о нем, а факелы или другие какие-нибудь светильники поглотили бы весь кислород...

А вода? А воздух? Как была устроена их циркуляция?

Какова была общественная организация селенитов? Чем она похожа была на наши земные общества? Быть может, здесь было общество, подобное тем, какие взлелеяли в своих мечтах Томазо Компанелла и Томас Мор? Быть может, здесь была родовая община? Или, может, рабовладельческая монархия? Плугарь и Загорский видели множество статуй,

изображавших исполинских женщин; образы селениток виднелись то на панно из мозаики, то на барельефах. Может, здесь был матриархат?

— Представляете, Николай, — обратился профессор к Загорскому, — сколько здесь будет работы для наших археологов, историков, лингвистов, инженеров, архитекторов?

— А что же здесь делать лингвистам? — удивился юноша.

— Как что? Вот, посмотрите сюда, — светом фонаря профессор пощупал стену большого зала, в котором они стояли. — Обратите внимание на эти сложные геометрические фигуры. Зачем они выбиты на камне? Видите, они расположены в определенной системе, и среди них можно различить треугольники, четырехугольники, ромбы, шестиугольники...

— Орнамент.

— А мне кажется, что это селенитские письма. И лингвисты их расшифруют точно так же, как расшифровали вавилонскую клинопись.

— Интересно!

— И интересно, и важно для изучения материальной и духовной культуры на Луне.

— Как вы думаете, Иван Макарович, сколько времени прошло с тех пор, как рука селенита выбила эти знаки?

— Думаю, что много... — размышляя, ответил профессор. Он водил фонарем по стенам, выступам, карнизам. Фигура Загорского в скафандре то появлялась в сиянье лучей, то исчезала в темноте. — Быть может, даже больше, чем мы предполагаем. Селениты жили и работали здесь уже, по-видимому, тогда, когда по Земле бродили ихтиозавры. Их мозг порождал мысли уже в то время, когда на Земле не только не было человека, но даже его предков. Возможно, что это — древнейшая культура во всей нашей солнечной системе, если только к этому неимоверно далекому, насчитывающему миллиарды лет, времени, можно применить термин «древнейшее». Мы сейчас путешествуем в далекое прошлое, друг!

— Почему вы так думаете, Иван Макарович? — спросил Николай, фотографируя барельеф, который попал в круг света.

— Учитывая то, что масса Луны раз в восемьдесят меньше массы Земли, а значит, что она остыла раньше, можно допустить, что и условия для возникновения жизни здесь создались намного раньше. И когда с потерей воды и атмосферы жизнь тут постепенно угасла, то на Земле она лишь начинала расцветать...

Разговаривая, Плугарь и Загорский заходили во все новые и новые помещения. В одном большом круглом зале они задержались дольше, чем в других. Здесь, куда ни глянь, — под электрическими лучами вспыхивали, словно оживая, изображения из разноцветных камешков. Иван Макарович подсвечивал обоими фонарями, а Загорский пустил в ход киноаппарат.

Неизвестно, какое назначение имел этот просторный зал. Быть может, здесь жил ученый-селенит, возможно, помещалась школа, музей или какое-нибудь другое просветительное учреждение?.. Но все стены этого круглого зала были покрыты картинами из цветных минералов. Картины были обведены рамками из разнообразных геометрических фигур, которые профессор Плугарь назвал селенитскими письменами.

Вот подряд несколько пейзажей Луны. Художник-селенит довольно мастерски изобразил действующий вулкан: из кратера вырывается лава и огненным полком устремляется к синему лесу. Здесь же извивается какая-то черная лента — очевидно, река.

— Значит, здесь было все — и леса, и реки, — говорил Иван Макарович. — Экономьте пленку!

Плугарь передвигает освещающий круг фонаря, и перед ними вырисовывается безграничная равнина, покрытая какой-то растительностью, в небе — туча, пронизанная стрелой молнии, и косые струйки дождя.

— Для обитателей подземного поселения это уже, должно быть, казалось сказкой... — задумчиво продолжал

профессор. Ибо когда они окопались здесь, таких атмосферных явлений на Луне уже давно не существовало.

На другой картине они увидели огромного зверя, перепрыгивавшего через реку. Он походил на оленя, но громадные ветвистые рога были у него не только на голове, но и на всей спине.

Долго стояли Плугарь и Загорский перед одной загадочной мозаикой. На черном фоне было изображено раскаленное светило — очевидно, Солнце, на котором произошел грандиозный взрыв. Хорошо было показано, как оттуда разлетаются в разные стороны золотистые сгустки вещества, и вот уже идут по своим орбитам планеты. На некоторых из них, видно, в свою очередь произошла взрывы, и от них тоже оторвались сгустки — уже намного меньших размеров.

— Так это же изображена селенитская теория происхождения солнечной системы! — воскликнул профессор. — Интересно, интересно!..

— В чем же она заключается, эта теория? — спросил Загорский.

— Когда будут расшифрованы селенитские письма, тогда мы получим о ней полное представление. А сейчас можно сказать одно: селениты-космогонисты, очевидно, считали, что планеты созданы из вещества Солнца и что это вещество было выброшено из него благодаря взрыву, — то есть в результате внутренних процессов. Точно так же возникли и спутники планет. Теория довольно-таки любопытная... Подобные, хотя и не совсем такие, предположения допускали и земные астрономы. Но здесь мы имеем стройную, очевидно, обстоятельно разработанную теорию.

Иван Макарович повел фонарем и вдруг свет выхватил из тьмы голову селенита. Нашим путешественникам на мгновение показалось, что селенит иронически усмехается. Осветили всю его фигуру, — он стоял на коленях спиной к стене под изображением космогонической теории. Отдельные детали его большого тела — лицо, руки, — можно было вообразить лишь при некоторой доли фантазии. Это была, казалось, тень некогда живого существа.

— Может быть, это и есть автор космогонической теории? спросил Загорский.

— Возможно... Видите — он истлел, а мысль его жива!

Светом нащупав выход, Плугарь и Загорский оставили круглый зал. Настроение у них было хорошее: может быть, благодаря удачным открытиям, может быть, от сознания, что селениты жили не как кроты, что это были существа, способные к абстрактному мышлению. Одно только горько поражало сынов Земли: и на изображениях, и в натуре они видели селенитов в одинаковых позах: либо стоящими на коленях, либо лежащими ниц.

«Что за темная сила не давала им выпрямиться? — думал Плугарь. — Видимо, было нечто такое, что сковывало их прогресс, иначе они не погибли бы. Либо спасли бы свою планету, либо переправились бы на Землю. Ясно, что это общественные отношения и соответствующая идеология...»

— О, а это что? — Николай осветил угол. — Посмотрите, Иван Макарович!

Профессор подошел, наклонился и в ярком свете фонаря распознал целую колонию грибов.

— Оказывается, здесь мы можем пополнить запас провианта, — пошутил он, — Как же они выросли здесь без воздуха и без воды?

Эта, казалось бы, незначительная находка глубоко поразила Плугаря. Какая неодолимая, какая могучая сила жизни! Нет почвы — цепляется корнями за камень, нечем дышать, — а все-таки произрастает. Никакие слепые силы не могут убить ее! Не могут! Жизнь — бессмертна!

После того как Загорский сфотографировал стойких представителей погибшей флоры Луны, Иван Макарович сорвал несколько штук и бережно уложил в сумку.

Дальше пошли какими-то крутыми спусками, узкими галереями, широкими площадями. То поднимались по ступенькам вверх, то прыгали, вниз, то, не раздумывая, спускались в какие-то колодцы-шахты. И всюду были помещения — словно соты, и очевидно, в несколько этажей.

Было тепло; Иван Макарович думал, что тепло исходит от планеты, а Загорский считал, что они согрелись от ходьбы, несмотря на то, что она почти не утомила их. Заблудиться они не боялись: за ними тянулся отлично видимый при свете след в пыли. Сумки их уже были наполнены различными образцами причудливых предметов из камня, изделий из стекла и терракоты. Но желание увидеть, узнать еще больше, эта неутолимая жажда, которой, к счастью, одержимо человечество, гнала и гнала их вперед. Они хотели еще найти следы металлов. Шли, переговариваясь через свои рации, освещая путь снопами электрического сияния.

На одном большом перекрестке остановились. Посредине здесь чернело круглое отверстие, в которое чуть было не свалился профессор Плугарь. Посветив вверх он увидел подобное же отверстие и в потолке — похоже было, что это какой-то сквозной колодец. И сверху и внизу возле отверстий было по несколько больших шаров, которые сразу ярко вспыхнули, когда на них упал свет фонарей. Глазам наших путешественников представилась великолепная картина: перед отверстием, ведущим вниз, спинами к нему, лицами к улице, возвышались четыре огромных скульптуры из какого-то светлого камня, очень напоминавшего мрамор. Каменные фигуры в протянутых руках держали точно такие же прозрачные шары, какие были установлены возле отверстий.

— О, это надо обязательно сфотографировать! — восхищенно сказал Загорский. — Возьмите мой фонарь... Иван Макарович. Светите. Видите: свет будто усиливается?

И в самом деле, стало светло, как днем, как на поверхности: шары отражали свет друг от друга, и образовалась целая сеть лучей. Увидя какой-то каменный столбик, Николай стал на него и начал крутить ручку киноаппарата. Нацеливая объектив то в одну, то в другую сторону, он потерял равновесие и, соскакивая с возвышения, толкнул Ивана Макаровича.

— Что вы сделали! — воскликнул профессор. Николай подумал, что причинил ему боль, но тут же увидел какие-то

отблески в отверстиях и с ужасом понял: упали фонари. От неожиданного толчка Иван Макарович уронил их.

Испуганными глазами смотрели Плугарь и Загорский в бесконечно глубокий колодец, где, словно два светлячка, мелькали фонари. То и дело в глубине вспыхивало сияние: должно быть, отражали свет стеклянные шары, установленные на перекрестках в нижних ярусах этого удивительного города. Наконец все внизу погасло — фонари либо разбились, либо утонули в пыли. Здесь же, где неподвижно стояли Плугарь и Загорский, было еще светло.

— Смотрите, смотрите, Иван Макарович! — Эти шары еще светятся... — в нервном возбуждении воскликнул Николай. — Они, наверное, способны сохранять, удерживать световую энергию. Бежим, Иван Макарович, может, еще успеем...

Профессор Плугарь молчал. Темнота быстро накладывала тени на его лицо, он сжал руку Николаю, словно желая передать юноше свое мужество. Юпитеры — и те, возле отверстия вверху, и те, что держали в руках каменные женщины, угасали с каждой секундой.

Тьма, густая, непроницаемая тьма надвигалась со всех сторон. Черным зловещим крылом закрыла она даль туннелей, окутала скульптуры... И вдруг Николаю показалось, что он ослеп: не видно было совсем ничего.

Кромешная тьма!

— Что же теперь будет, Иван Макарович? — спросил он в отчаянии.

— Самое главное — выдержка, товарищ Загорский, выдержка и спокойствие. Мы попали в тяжелое положение: вот и давайте подумаем, как нам из него выйти... Сперва необходимо восстановить в памяти весь путь, а потом двигаться. Когда доберемся до храма — там уже рукой подать.

Иван Макарович говорил, преодолевая тревогу, которая и его охватывала смертным холодом. Он знал, что ситуацию упреками не изменишь, и все же упрекал себя за то, что так далеко забрался в этот лабиринт. Почему было не вернуть-

ся? Ведь все равно за один раз город не исследуешь! Важно было установить самый факт его существования...

— Вы, Николай, кажется, шахматист?

— А что?

— Вы, конечно, знаете целые партии на память, сможете восстановить последовательность ходов...

— Это так, Иван Макарович, но в шахматах все внимание устремлено на ходы, а здесь...

— Припоминайте!

— Когда вы нашли меня, мы пошли прямо, потом на перекрестке повернули влево; входили в помещения, позже снова повернули, кажется, уже вправо, потом спустились в нижний ярус, потом опять шли по улице...

Да, они прошли очень много — целые километры подземных путей, и вглубь опустились не меньше, чем на километр. Кислорода у них было еще на час-два — запас его остался на вездеходе.

«Если не удастся выбраться, — подумал Плугарь, — то Милько с Ольгой все—таки вернутся на Землю... А потом нас найдут. И хорошо, что мы здесь побывали., Это же человечество посмотрело на все, что имеется на Луне, нашими глазами».

— А когда мы пришли в круглый зал? — спросил Николай.

— Знаете что, Николай, давайте начнем припоминать с этого конца. Первые метров пятьдесят я хорошо видел в последнее мгновение. Пойдем наощупь, а потом снова припомним...

Держась за руки, они двинулись. Беспросветная мгла плотно облегала их со всех сторон, И Николай, и Иван Макарович то закрывали, то открывали глаза. Были моменты, когда перед ними всплывали какие-то невыразительные пятна — это еще работала сетчатка. А потом тьма залила все.

ПУТЕШЕСТВИЕ ОЛЬГИ

Надев скафандр, Ольга спустилась с ракеты. Девушка была так встревожена, что не обратила абсолютно никакого внимания на то, что она впервые ступила на поверхность Луны! Она была озабочена одним: как уберечь экспедицию от опасности?

Кислородный прибор работал безупречно, и Ольга даже не чувствовала, что она — в безвоздушном пространстве. Увидя в седой пыли следы, ведущие в противоположную от вездехода сторону, Ольга добралась до самого края плато, на котором высилась их ракета. Следы вели вниз, а дальше терялись за холмами. Здесь, на краю горного пятачка, Ольга решила установить грозное предупреждение. Сгребла ногой кучку пыли, сунула в нее белый листок. На русском и английском языках на нем было написано:

«Опасная зона. Смертельно!»

«Пусть ломают себе головы чортовы гангстеры! — думала Ольга. — Для них это будет настоящий сюрприз! А теперь скорее предупредить отца и Николая...»

И она легко, энергично шагая, вернулась к ракете и пошла дальше по следу вездехода.

Все складывалось хорошо; Ольга пройдет до тех гор, а может, и дальше — ведь идти совсем легко! — там оставит три белых листка и — назад. Будут ехать отец с Николаем, — увидят. «Ну-ка, — скажет отец, — останови машину. Что там такое?» Прочитают, и тогда...

Романтика приключений охватила все существо Ольги. Девушка с восторгом взглянула на черное бархатное небо, усеянное звездами. Они сверкали вместе с Солнцем, подавая весть из далеких-далеких миров. Маяки среди безграничной темноты, неутомимые горячие маяки — они пронизывают всю вселенную своими золотыми лучами, обогревая бесчисленные планеты, сея на них жизнь... Почему же всем людям не жить мирно и по справедливости? А то и здесь, на Луне, хотят иметь военные базы...

Ольга окинула взглядом молчаливые лунные горы. Нет на них ни травинки, ни деревца. Быть может, некогда их опалил огонь войны? В разгоряченном воображении девушки встали картины гибельных взрывов — языки огня, ослепительные вспышки атомных бомб... Потом вспомнила отца и Загорского. Где они? Не случилось ли с ними чего-нибудь? Хоть бы ее записки...

Вдруг Ольге послышался чужой голос:

— Алло, коллега!

Оглянувшись и обмерла: за ней спешили две фигуры — одна высокая, другая приземистая. Сомнений не было — это они!

— Подождите, коллега!

Расстояние между ними сокращалось. Размахивая руками, двое не шли, а широкими прыжками приближались к Ольге. Какое-то мгновение девушка растерянно переминалась с ноги на ногу. Что ей делать? Удрать? Куда?

— Что вам нужно? — спросила Ольга по-английски.

Те остановились, как вкопанные. Они, наверно, меньше были бы удивлены, если бы черное небо Луны вдруг прорезали огненные залпы «Катюши». Девушка! Откуда она? Каков же тогда состав экспедиции? И что у них за оружие, если установили опасную зону?

— Это обман! — воскликнул высокий.

— Да, — развел руками приземистый. — В их экипаже не было девушек!

Они стояли, не отрывая глаз от Ольги. Она им бросила:

— Вы ошиблись!

— Ну, так отчего же вы бежите? Подождите. Разве мы не имеем права здесь ходить? Это тоже опасная зона? И почему бы нам не познакомиться с вами?

Они направились к ней. Что делать? Путь к ракете отрезан, а идти в горы... Вся надежда на кислород, может, у них меньше, тогда скорее возвратятся. И Ольга бросилась бежать. Мчалась по следу вездехода, делая большие шаги молодыми крепкими ногами.

И когда она оглянулась, то заметила, что расстояние между ними увеличилось.

Вот уже и горы начинаются... В ущелье — тень, будто черный туннель. В тени Ольга налетела на расколотые камни, и свинцовые ее подошвы скользнули, как по льду. Выскочила из тени, в глаза брызнуло синее и голубое сияние — светилась долина, покрытая самоцветами. Посредине ее, на холме, голубым пламенем пылал острозубый обломок скалы из самоцветов.

Ольга оглянулась — заметила, что «коллеги» наклоняются над камнями, — споткнулась, упала и с ужасом почувствовала, что проваливается в какой-то колодец...

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВЕТ!

Иван Макарович и Загорский пробирались вперед, осторожно ступая, и все же натыкались на стены, на какие-то неожиданные каменные выступы, колонны, статуи. Правой рукой Николай поддерживал Ивана Макаровича под локоть, чтобы не потерять направление. На ремне через плечо висел киноаппарат.

— Если бы хоть палка была, — сокрушенно произнес он, — и то легче было бы нащупывать дорогу.

— Последние селениты, очевидно, имели представление о древесине только по раскопкам. Так, как мы об ихтиозаврах.

Некоторое время они шли молча, но это было еще тяжелее. В голове всплывали безотрадные мысли, печаль сжимала сердце. Иван Макарович подумал о египетском лабиринте, ему почему-то мерещились пылающие факелы — вот бы поднять их над головой.

А Николай думал о кислороде. Сколько его еще осталось в баллонах? Может, совсем немного? Шкалу не разглядишь, а он может закончиться в любую минуту. Тогда... Как все-таки глупо лежать мертвым, хотя бы и в недрах Луны!

— Сколько времени мы уже идем? — спросил Николай.

— Мне кажется, не долго. А впрочем, кто его знает...

И в самом деле, ощущение времени исчезло. Порой казалось, что они не идут, а только топчутся на месте, не в силах преодолеть темноту.

Николай выпустил руку Ивана Макаровича.

— Что вы делаете? — спросил профессор.

— Хочу снять с плеча киноаппарат,

— Зачем?

— Брошу.

— Бросите?

— А что же... все равно не нужен...

Голос Николая, звучавший в наушниках Ивана Макаровича, казался каким-то чужим. В нем слышалось отчаяние, разочарование, обреченность.

— Вы что... потеряли надежду, Николай? — Эти слова профессор произнес ласково, с болью. Он боялся услышать утвердительный ответ.

— Знаете, Иван Макарович... Если бы у нас было еще хоть по одному баллону кислорода! А так — что же... Ну, пройдем еще с километр, и окончится.

— Вы думаете?

— А как же иначе! Километр — часа четыре. От силы — три. Вот считайте.

Пока не упоминали о кислороде, словно и дышалось легче. А как только зашла о нем речь, — оба почувствовали, что его уже не хватает. Некоторое время двигались молча.

— И все же, юноша, надежду терять не надо, — заговорил профессор. — Как там, у Леси Украинки: «Без надежды я все же надеюсь!» Пока горит огонек надежды — не все потеряно. А вспомните Ленина! И тюрьмы, и ссылки, и покушения на жизнь — ничто не могло его сломить. Вера в победу горела пламенем у него в груди! Нет, нет и еще раз нет! Мы выйдем отсюда, слышишь, Николай! Должны выйти!

— Вы уверены в этом, Иван Макарович? — спросил Николай, и сквозь тревогу в его голосе пробился лучик надежды. — Неужели это возможно?

— Если бы я сомневался, то не сделал бы и шагу! Не стал бы наткаться на эти селенитские стены.

Загорский тяжело вздохнул — будто ветер дунул в уши профессора. «Все-таки аппарата не бросил», — подумал Иван Макарович, чувствуя, как крепкая рука Николая держит его за локоть.

Шли молча. Только тогда, когда ошупью обнаруживали перекресток, — перебрасывались несколькими фразами, советуясь о направлении. Припоминали, откуда они шли сюда, старались даже нащупать свои следы в пыли, но приходилось рассчитывать только на память. Она подсказывала им путь. А на одной развилке они поспорили: Николай утверждал, что надо идти влево, а профессор настаивал — вправо.

— Мне кажется, Иван Макарович, — говорил Загорский, — что когда мы проходили здесь, то сворачивали вправо, значит, сейчас нам — влево.

— Давайте еще раз ощупаем угол. Вот статуя селенитки с шаром в руках... Так?

— Верно.

— Значит, нам вправо. Я еще тогда обратил внимание на статую.

— А мне кажется...

— Пусть вам не кажется, товарищ Загорский. Это место я хорошо помню. Вы же знаете, что я любитель скульптуры. Пойдемте сюда!

Иван Макарович повернул вправо, Николай пошел нехотя. Профессор был встревожен тем, что память Николая начинала ослабевать. А Николай молчал, словно немой. Наушники доносили к профессору его тяжелое дыхание и сокрушенные вздохи.

Вдруг пальцы Загорского до боли сжали локоть профессора.

— Иван Макарович! — послышался его взволнованный шепот. — Видите? Видите?

— Что?

— Там селениты! Вот они перебежали туннель и остановились под стенами... Один, два, три... Их много... Остановитесь, Иван Макарович!

— Успокойся, Коля, у тебя галлюцинация... — Профессор взял его под руку.

— Галлюцинация... Вы и тогда говорили то же самое, когда я нашел в канаве вход в туннель... Селенитов прикрывает тьма, но я их отлично вижу. Очень высокие... А глаза, замечаете блеск их глаз? Если они... Что же нам делать?

Профессор встревожился. Боялся, что Николай под впечатлением выкинет какую-нибудь непоправимую глупость — убежит и окончательно заблудится, да еще упадет в колодец... Что же делать?

И он быстро сориентировался.

Чтобы успокоить юношу, не стал говорить ему о галлюцинации, не стал разубеждать его; это было бы напрасно, конечно...

— Вот видишь, Николай, — сказал он тихо. — Они уже ушли.

— И правда! — обрадовался юноша, — ушли!

— Теперь мы пройдем спокойно.

Иногда Загорский вздрагивал, но все же шел твердо. Плугарь старался развлечь его разговорами. Напомнил, как диспетчер ракетодрома выписывал маршрутный листок, как водители земных ракет потешались над ним, но он все — таки оформил путевку — точно такую же, как и тем, что летят во Владивосток, в Пекин или Ханой. В графе «Наименование транспорта» поставил: «Космическая ракета», «маршрут» — «Земля — Роза — Луна — Роза — Земля». «Да кто ж там спросит? — шутили механики. — Может, не выдадут горючего?» Но диспетчер был непоколебим: «Ракета без путевки — это все равно, что человек без паспорта. На космических трассах тоже нужен порядок!» Ну, ребята ему и гово...

Иван Макарович запнулся на полуслове.

— Николай, ты видишь... светлеет! — воскликнул он, а сам подумал: «Может, и у меня галлюцинация?»

— И мне кажется — светлеет, Иван Макарович! Я уже вижу следы, мы правильно идем!

Бесконечный туннель заливало светом. Свет излучали шары, установленные здесь на каждом повороте — их держали в вытянутых руках каменные статуи. Вот падают тени, вот четко виднеются следы. Нет, это не мираж... Это действительность!

Николай вопросительно взглянул на профессора, но тот и сам ничего не понимал. Видел, что стало еще светлее, — ну, точно, как наверху, — а отчего — не знал.

Подземный город словно ожил. Теперь, при ярком освещении, он казался совсем другим. Сколько вокруг чудесного, необычайного! Но, может быть, этот свет так же неожиданно погаснет, как и появился?

— Как у вас с кислородом? — спросил Иван Макарович.

Николай поглядел сначала на его прибор, затем на свой:

— У вас на полчаса, а у меня на десять минут.

— Идите скорее, зарядитесь на машине.

— Я вас не оставлю, — сказал Николай.

— Товарищ Загорский! Приказываю — идите скорее, немедленно, без разговоров!

Это было сказано таким тоном, что Загорский не посмел перечить. Рванувшись с места, он не пошел, а побежал саженными прыжками. А профессор шел изумленный, сам себе не веря. Он видел: ожила осветительная сеть города, лучи передаются от шара к шару. Но где источник света? Какая сила заставила его действовать? Хотелось вернуться, пойти в глубину, чтобы разгадать тайну, но теперь Иван Макарович не давал воли своим желаниям. Кислород кончается, надо торопиться.

Он пошел быстро, не обращая внимания на орнаменты, покрывавшие стены, на множество всяких предметов, валявшихся на улицах и в помещениях. Мертвые, истлевшие селениты, попадавшие ему на пути, словно провожали его задумчивыми взглядами.

Ему показалось, что он слышит голос Ольги: «Это я, дочь Земли, нашла и открыла эту шахту...» Неужели и у него начинаются галлюцинации? Ускорил шаги.

Кончился город, Плугарь вошел в храм. Здесь господствовала тьма, лишь внизу — в глубине «чаши» тлело холодное, никогда не угасающее пламя.

Не останавливаясь, Иван Макарович прошел мимо массивной колоннады и свернул в туннель, ведущий к выходу. Туннель был освещен, и старому профессору удобнее было преодолевать его огромные ступени.

— Наконец — выход!

Иван Макарович вздохнул с облегчением, когда ступил в русло реки. Тут, по крайней мере, не страшна темнота — сияет лунный день: пылает обрамленное короной Солнце, сверкают далекие звезды.

Загорский уже стоял на краю ущелья, держа в руках канат.

— Не мешкайте, Иван Макарович, — крикнул он, — размахивая руками. — Беритесь — помогу!

Хотя и не очень ловко, но с помощью Николая Плугарь легко выбрался наверх. Когда они подошли к вездеходу, у профессора оставалось кислорода на две-три минуты, Николай быстро заменил ему баллон и только тогда рассказал, что он сам вскарабкался наверх и бежал к машине, уже совсем не дыша; кислород окончился еще на дне русла.

— Ну, хорошо, — перебил его профессор. — Едем к «Комете». Надо немедленно передать на Землю о нашем открытии, да и отдых необходим.

Николай подумал, что профессор намекает на него.

— Знаете ли, Иван Макарович, я и сам не понимаю, почему все это со мной произошло... Ну, вот — померещилось...

— Ничего страшного, Николай. — Плугарь положил ему руку на плечо. — В таких условиях с каждым может случиться. Ну, поехали!

Когда заработал мотор, — а это можно было заметить лишь по приборам и дрожанию машины, — они решили не ехать по старому следу,

— Берите вон... туда! — указал профессор на другое межгорье. — Попробуем найти новый проход к нашему плато.

Загорский положил руки на рычаги, и вездеход тронулся...

СОЛНЕЧНЫЙ КОЛОДЕЦ

Все-таки Ольга была спортсменкой. Руками она ухватилась за края каменного колодца, коленями уперлась в его стенки, задержала падение и, не теряя ни секунды, начала осторожно подтягиваться. Когда голова ее высунулась на поверхность, вдали девушка заметила своих «соседей»: не обращая на нее внимания, они рассматривали самоцветы. Видно, драгоценные камни заинтересовали их не на шутку. Ольга видела, как они старательно отбирали самые крупные и наполняли свои сумки.

«Надо будет и себе взять, — на память» — подумала девушка.

Выбралась на поверхность, легла ничком и заглянула в колодец. У нее перехватило дыхание: отполированной залитой солнечным светом трубе конца-краю не было. Казалось, что этот проем ведет в самый центр планеты. Глубоко-глубоко там что-то светится, словно солнце. Что ж это такое? И вообще это произведение природы, или, может... может, инженерное сооружение! Ольге очень хотелось, чтобы это было инженерное сооружение. В своем воображении она всегда населяла небесные тела живыми, разумными существами. И когда кто-нибудь утверждал, что ядовитые атмосферы на планетах-гигантах говорят за то, что жизнь там отсутствует, Ольга воспринимала это как личное оскорбление.

Несколько минут она смотрела в проем. Сомнений не было — этот колодец просверлили селениты. Может быть, некогда они брали из него воду?

Наклонив голову, шаловливо произнесла в микрофон:

— Это я, дочь Земли, нашла и открыла эту шахту!

Взяла небольшой камешек и не бросила, а легонько опустила его в колодец. Он пролетел метра три и... остановился. Словно повис! Кинула еще — такой же эффект. И Ольга догадалась — колодец закрыт каким-то прозрачным диском. Он и задерживал камешки. Что все это означает? Может быть, там, в глубине, живут селениты?

Заглядывая в бездонный сверкающий колодец, Ольга думала о селенитских городах, которые соединяются с поверхностью такими вот шурфами. Хотелось увидеть хоть одно живое существо — похожее или не похожее на человека, но наделенное разумом и... не хищное. Ольга, сама того не сознавая, приписывала несуществующим селенитам только то хорошее, что есть в людях: разум, доброту, чувство справедливости, искренность, откровенность и многие другие прекрасные черты. Это были те же земные люди, только без присущих им недостатков. Эх, как бы хорошо на свете жилось!..

Но сколько она ни смотрела в цилиндр, ведущий в глубь планеты, а селениты не появлялись. Не замечала даже малейших признаков их присутствия. Посмеялась сама над собой: какая она еще девчонка! Да это же, наверно, природа сделала колодец, а солнце отшлифовало за тысячи лет... Вздохнула. Поднялась и, совсем не боясь «коллег», которые бродили по долине богатства, пошла дальше — по следу вездехода.

Перед глазами расстилалась песчаная равнина, тут и там на ней вздымались красноватые горы. На песчаном холме, где гусеницы машины проделали глубокий след, Ольга оставила предостерегающую записку. Метров через пятьдесят еще две. Теперь надо было пойти в обход долины и как можно скорее вернуться домой, чтобы хватило воздуха.

Взобравшись на большую гору, похожую на кучу зерна, Ольга огляделась вокруг и вскрикнула от удивления: слева, на расстоянии, быть может, какого-нибудь километра или полутора, быстро мчался вездеход. Странно было видеть эту подвижную черную точку среди мертвого пейзажа.

Кинулась наперерез. Споткнулась и упала. Вскочила — и снова бежать. Вездеход уже проехал мимо, он то показывался из-за холмов, то скрывался за ними — как челн среди окаменевших волн.

Ольга пробежала километра два-три и остановилась, тяжело дыша. Хоть и легко бегается на Луне, но усталость дает себя знать. Да еще этот скафандр...

— Николай! Папа! Куда же вы? — в отчаянии закричала она в микрофон. — Подождите!

Усталая, удрученная неудачей, она тупо глядела вниз, механически отыскивая следы машины. Вдруг в ее наушниках зазвучал такой родной отцовский голос:

— Оля! Оля!

ЗЕМЛЯ ЗОВЕТ

Запаса кислорода и воды на «Комете» было еще дней на девять-десять. Иван Макарович решил использовать эти дни для интенсивной научной работы. Отдаляться от ракеты на большое расстояние было рискованно, и он проводил исследования поверхности Луны поблизости. Он поставил задачу: проникнуть в мир минералов — собрать как можно больше образцов — и приоткрыть завесу над тайной образования лунного рельефа.

Работали все — Иван Макарович, Загорский, Ольга. Один лишь Михайло Милько «бил баклуши» в ракете.

Загорский часов около десяти просидел, ремонтируя радиостанцию, а потом сопровождал профессора в горы. Искал там какой-то минерал, которым собирался заменить недостающую лампу.

Коллекция минералов увеличивалась. И каждый раз, внимательно изучая какой-нибудь камешек, Иван Макарович восклицал;

— И это старый знакомый!

Ольга не знала; то ли с удовлетворением отмечает этот факт отец, то ли с досадой. Она слышала в его голосе и то и другое: А. может, так оно и было? Быть может, профессору приятно было найти подтверждение одинакового происхождения Земли и Луны и вместе с тем хотелось отыскать что-то совсем новое, неизвестное на Земле?

«Соседи» пока что не беспокоили их, но кто знает, что у них на уме? Ивана Макаровича очень тревожила потеря связи с Землей.

— Работайте, работайте, Николай, — говорил он Загорскому, когда тот покидал свою умолкнувшую рацию и молча становился перед иллюминатором. — Связь нам нужна, как воздух!

И Николай снова брался за дело. Проходили часы утомительного ожидания... Но вот что-то зашипело, зашумело и в кабину ворвались звуки!

Все были так ошеломлены, что никто не промолвил ни слова. Ольга отвернулась от иллюминатора и глядела на приемник. Михаил не отводил глаз от затылка Загорского, Иван Макарович положил на стол какой-то кристалл, который только что рассматривал, и задумчиво подпер рукой подбородок.

А из репродуктора лилась музыка — виолончель тосковала о чем-то дорогом, желанном и несбыточном...

— Да это же «Мечты» Шумана, — тихо сказала Ольга, когда музыка умолкла. — Хотелось бы мне знать, была ли музыка у селенитов?

— Вот придут сюда археологи, историки — узнают все, заметил Загорский.

— Я хочу увидеть подземный город, — произнес Михаил. — А то скажут: побывал на Луне, а города и не видел. Как вы его назвали?

— Пока что никак, — ответил профессор.

— Это уж нелогично. Надо назвать обязательно.

— И в самом деле, папа! — тряхнула волосами Ольга. — Если бы я побывала в нем, сразу бы назвала...

— Назовите его, Иван Макарович, Ольгополем или Ольгоградом.

— Пусть лучше будет Михайловка или Мишковичи! — засмеялась Ольга.

Загорский повернул голову:

— Это город смерти, товарищи, город вечного молчания.

— Но ведь жизнь в нем задержалась дольше, чем где бы то ни было, — возразил профессор. — Это — пристанище жизни!

— Бухта жизни! — воскликнула Ольга.

— Лабиринт жизни! — сказал Михаил.

Заглушая шум приемника, Николай произнес:

— Вот пойдете — увидите, что там за жизнь. Это — город агонии.

— Почему это у вас такие мрачные мысли? — спросила Ольга.

Николай не ответил. Вертел ручки приемника, и шумы Земли заполняли кабину. Наконец, сквозь них, как сквозь пургу, прорвался далекий голос:

— Комета, Комета, я — Земля, я — Земля!..

Сколько тревоги было в этом голосе! Земля, родная Отчизна сзывала своих сыновей, словно чайка птенцов. Они слышали ее голос, а ответить не могли.

ПИК ОТЧИЗНЫ

Если смотреть на Луну в телескоп, ее сияющий диск очень напоминает торт. На нем как бы застыли беспорядочно брошенные кусочки крема. Иное дело — стоять на этих самых «кусочках». Это — огромные горы — большей частью крутые, отвесные. Каждый раз; когда наши путешественники глядели на них, воображение рисовало им леса, снежные шапки и шлейфы облаков. Но ни лесов, ни снега, ни облаков здесь не было. Голые, суровые, молчаливые горы вздымались к самым звездам.

Плугарь и Загорский поднимались на одну из самых высоких вершин. Идти было легко, совсем не то, что на Земле. Здесь, их тела весили по 12—14 килограммов, а мускульная сила оставалась прежней.

Сильный, ловкий Николай шел впереди, карабкаясь на выступы, перепрыгивая через расщелины. За ним — Иван Макарович. Их соединяла альпинистская веревка, концы которой были прикреплены к поясам.

— Вот и я альпинистом стану! — шутил профессор. Чем выше они поднимались, тем шире открывался горизонт. Сколько ни охватишь взглядом, всюду горы и горы, словно залегли какие-то удивительные страшилища. Необыкновенный вид придавали горам черные резкие тени, испещрявшие весь массив.

— Держитесь, Иван Макарович! — обернулся Николай. За стеклами скафандра блестели его глаза, — Штурмуем самую вершину!

Вершина была очень крутая, а кое-где — прямо отвесная. Пришлись много раз обойти ее вокруг, чтобы отыскать более или менее удобный подъезд. Николай топориком прободал крепость верхних слоев, и они часто осыпались под его ударами.

Наконец, подъем закончен! Николай поднял топорик и потряс им над головой, словно салютуя. Потом вынул из сумки красное полотнище флага, прикрепил его к топорiku и водрузил между камнями вершины. Флаг обвис, и складки

его застыли. Казалось, он был высечен из какого-то ярко-красного камня.

— Отныне — это пик Отчизны, — сказал Иван Макарович, глядя на флаг, цветком пламенеющий над суровыми камнями.

— Пик Отчизны... — произнес Николай, оглядывая горизонт. — Но как высоко!

Вдали, как на рельефной карте, виднелся огромный цирк: горное кольцо обрамляло сопку — кратер.

— Может, это Курций? — спросил Загорский. — Или Лейбниц?

— Наверно, Курций... Наша ракета стоит на плато между цирками Ньютона, Лейбница и Курция. Последний расположен на семидесятой параллели... Не исключена возможность, что это он и есть.

— Да, рельеф оригинальный, что и говорить. Вы сторонник какой теории — вулканической или метеорной?

— Видите ли, Николай, к окончательному выводу можно будет прийти только после археологических экспедиций, которые детально обследует цирки и кратеры. По тем данным, которые собрали мы с вами, я думаю, можно сделать предварительный вывод о вулканическом происхождении преобладающего большинства цирков.

— Но ведь они имеют в диаметре до сотни километров!

— Некоторые достигают и трехсот!

— Я и говорю, Иван Макарович, невозможно вообразить себе такие огромные вулканы!

— А метеоры такие можно вообразить? Каким он должен быть, чтобы выбить впадину диаметром в сотни километров?

— Даже на Земле есть довольно большие кратеры...

— Вы имеете в виду Аризонский метеорит?

— Да, Иван Макарович.

— Действительно, он огромный, но диаметр кратера, который он выбил в земной коре, составляет всего-навсего тысячу двести семь метров! И потом обратите внимание: там метеорит сделал впадину глубиной в 174 метра, но не

образовал вокруг горное кольцо. А здесь вокруг кратера настоящие горы, да еще и на громадном расстоянии от него...

— Как же объяснить их происхождение?

— Прежде всего, надо определить эпоху их возникновения. Это можно будет сделать, изучив залежи свинца, который получается в результате распада радия. В настоящее время я склонен допустить, что большие цирки возникли здесь в эпоху застывания коры Луны. Кора тогда была такая, что извержение вулкана могло образовать на ней кольцевидную волну, которая откатывалась от центра извержения на десятки и сотни километров. Откатывалась и застывала. Иногда взрывы были так сильны, что вязкость коры не могла затормозить волн, и они распадались.

— А белые полосы, идущие радиально от многих кратеров?

— Таких образований, как вокруг кратеров Тихо, Кеплерника и Кеплера, не так уж и много. Мысль об их вулканическом происхождении возникла еще в девятнадцатом столетии. Теперь мы с вами убедились, что светлые полосы — сияние вокруг кратеров — на самом деле не что иное, как вулканический пепел.

— С этим я согласен; мне только не ясно, как пепел мог залечь на таких громадных расстояниях. Светлые полосы, идущие от Тихо, пересекают почти весь диск Луны.

— Что касается этого, то можно допустить, что светлые полосы — следы сравнительно поздних извержений. Эти извержения произошли, конечно, еще тогда, когда на Земле не только не было телескопов, но не существовало даже самих людей. Может быть, именно благодаря разогреванию коры расплавленной магмой Луна в то время уже потеряла атмосферу, и селениты погибли. Воздушная оболочка, конечно, затормозила бы движение изверженных газов, атмосферные течения завихрили бы пепел, а спустя некоторое время и совсем бы его развеяли или размыли... Ну, а раз воздуха не было, то он и лег такими радиальными линиями. Тысячелетия проходили одно за другим, а здесь — ни до-

жда, ни ветра... Такою представляется мне в общих чертах история этих образований.

— Вы считаете, что атмосферу Луна потеряла потому, что разогрелась кора?

— Не иначе. Расчеты показывают, что Луна может удерживать газовую оболочку. Только высокая температура явилась причиной ее потери. Моря расплавленной лавы...

— Посмотрите! — воскликнул Загорский, указывая на далекую долину.

Там то и дело вздымалась пыль — словно кто—то беспорядочно бомбардировал равнину. Разрывы приближались в сторону плато, на котором находилась «Комета». Что, если попадет? Плугарь и Загорский окаменели. Рвануло на склоне горы, дальше и дальше... Взгляд ловил острые высокие фонтаны пыли, грудь вздрагивала. Опасность была так очевидна, так страшна, что останавливалось дыхание. Все ближе к ракете, ближе... Пронесло!

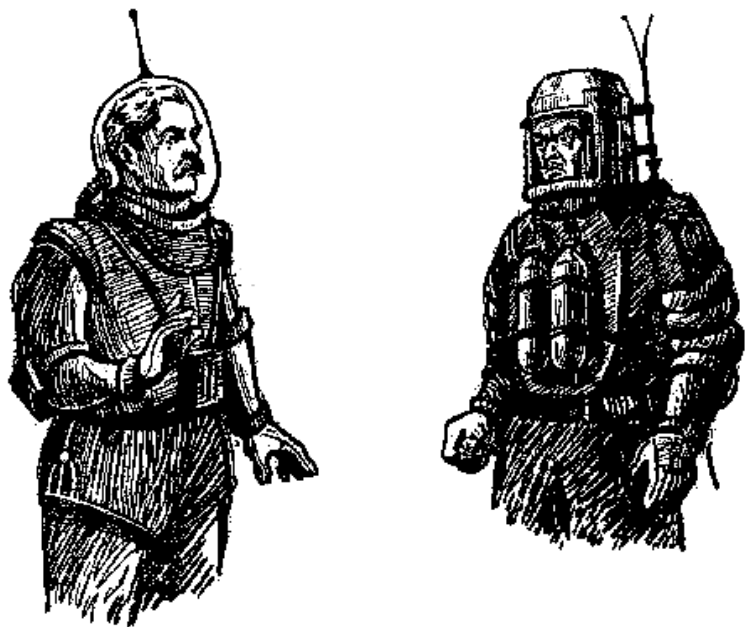
Пот градом катился по лицу Плугаря, но профессор посмотрел на Загорского, на киноаппарат, висящий через плечо, и, скрывая волнение, спросил:

— Разве вы не снимали? Какое это чудесное явление — метеорный рой бомбардирует Луну!

— Да я... Я боялся за «Комету»!

— В другой раз не зевайте, — уже более ровным голосом продолжал профессор. — Если представится случай — обязательно сфотографируйте столкновение метеоритов с Луной.

Промчался метеорный дождь — и снова — неподвижность. Словно и «Комета» оцепенела среди мертвого пейзажа...

УЛЬТИМАТУМ ДИКА

На экране локатора появилась фигура. Она топталась возле Олиной записки, подавая руками какие-то сигналы.

— Зовет, — сказал Иван Макарович, отклонившись от экрана. — Видно, настало время переговоров.

Профессор начал одеваться. Все вопрошающе смотрели на него. Милько не вытерпел:

— Неужели вы пойдете, Иван Макарович? Да плюньте...

Ольга молчала. Она хорошо знала, что когда отец что-либо решил, отговорить его невозможно.

Иван Макарович молча надел скафандр и вышел.

Ольга подошла к Загорскому и посмотрела через его плечо на экран. Вот фигура отца приближается к незнакомцу. Сошлись, остановились. О чем они говорят?

Если бы локатор мог передавать не только отражения, а и звуки, в «Комете» услышали бы такой разговор:

— Я есть директор и представитель фирмы «Атомиквельт», отрекомендовался по радио чужой скафандр. — Я есть командир экспедиции Дик. Надеюсь — вы есть Плугарь?

— Да, — ответил Иван Макарович,

— Нам надо установить добрососедские отношения, — продолжал Дик, речь которого становилась все чище. — Я уже посылал к вам. Но, к сожалению, ваш механик...

— Отказался изменить Родине...

— Зачем такие выражения, мистер Плугарь? Чтобы в дальнейшем не было никаких эксцессов, давайте установим зоны деятельности.

— То есть?

— Как долго вы здесь пробудете?

— Мы здесь пробудем до тех пор, пока этого будут требовать интересы науки, пока не выполним свой программы научных исследований.

— Чудесно! А не считаете ли вы, профессор, что для науки большой загадкой является другое полушарие Луны, — то, которого никогда не бывает видно с Земли.

— Охватим и то полушарие, всему свой черед.

— А не видите ли вы, что нам на этом полушарии тесно? Я предлагаю вам — именно в интересах науки — перебазироваться на другую сторону...

— Это что — ультиматум?

— Оставим громкие слова, профессор! Мой добрососедский совет можете расценивать, как хотите. Вы же сами сказали: ваша

цель — наука. Вот и перебирайтесь на то полушарие. Для наблюдений за звездами там идеальные условия. Не будет мешать диск Земли...

— Мы сами знаем, где нам лучше работать.

— Ага, не хотите? Под ширмой науки вы здесь закладываете военную базу! Мы этого не потерпим. Тем более, что эта территория принадлежит нашей фирме.

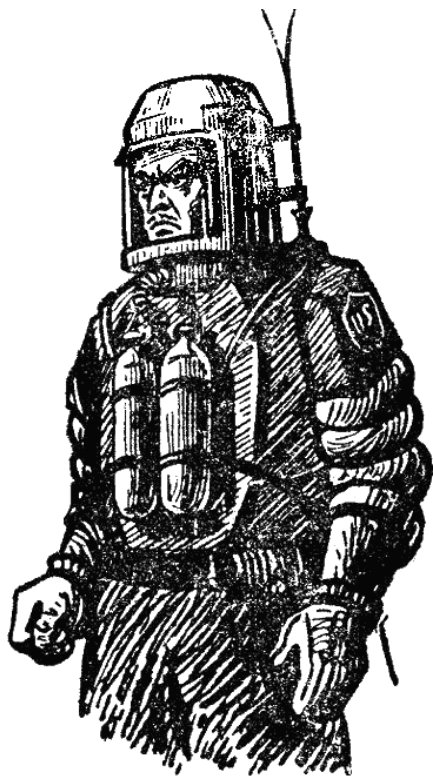
— Не в наследство ли получили?

— Я говорю официально: эта территория и все, что на ней, под ней и над нею — все это собственность нашей фирмы. У нас имеются документы!

— Как же вы приобрели эту «собственность»?

— Купили у другой фирмы.

— А та где взяла?

— Где? — Дик замялся.

— Да... просто открыла продажу территории Луны... Но это, в конце концов, нас не касается. Мы купили — вот главное!

— Если вас не касается, то нас — тем более! Может быть, ваши фирмы оптом и в розницу продают звезды Млечного пути, может, вы приобрели кольца Сатурна или Большой Воз? Это ваши внутренние дела.

— Значит, не признаете?

— Не признаем,

— Ну, хорошо. Я не сомневаюсь, что международный трибунал защитит интересы фирмы. Кстати, что означает эта надпись? — генерал носком сапога указал на записку Ольги.

— Вы же грамотный?

— Что это — угроза использовать атомный реактор? И это называется «атомная энергия в мирных целях»? Мы уже зафотографировали этот документ, о нем узнает весь мир!

— Вы многословны. У нас мало времени.

— Значит, отклоняете наше предложение о перебазировании?

— Самым решительным образом.

— Вы, очевидно, недооцениваете положения, профессор! Я вам помогу в этом. Наш полет подготовила атомная фирма, а не Академия наук, как у вас. Вскоре прибудет еще одна ракета. Это будет не только демонстрация могущества...

— Мы не боимся угроз, — перебил его Иван Макарович.

— Вас привлекают стратегические залежи?

— Мир, труд, наука, — вот что нас привлекает!

— Залежи нового радиоактивного элемента, который мы назвали «Селенит-1», открыли мы и не уступим никому! — повысил голос Дик. — В то время как мы с вами здесь вежливо разговариваем, наши лаборанты проводят над ними испытания. И кто поручится...

— Вы все сказали?

Плугарь повернулся и ровным шагом, не торопясь, направился к ракете,

КАТАСТРОФА

— Значит, продолжим свою работу, товарищи? До наступления ночи осталось, по моим подсчетам, семьдесят часов... и тридцать восемь минут... вот и еще одна минута прошла... За это время можно многое сделать. Нам необходимо пополнить коллекцию минералов, перенести экспонаты из города селенитов... Астрономические наблюдения придется, к сожалению, отложить. Надо провести систематические съемки, чтобы получился полноценный фильм, а не отдельные фрагменты. Ясно, товарищ Загорский?

— Ясно.

Ольга склонилась над экраном. Поверхность его была чиста, как летнее безоблачное небо на Земле.

Вдруг глаза Ольги резанул ослепительный блеск. Отшатнулась, закрыла лицо руками. Решила, что в приборе произошел какой-то электрический разряд.

— Николай... — хотела она что-то сказать Загорскому, но не успела. Страшный толчок встряхнул ракету, она начала клониться на бок, падать... Что случилось? Все полетело вверх дном, у всех закружилось перед глазами. Милько вскочил, бросился к пульту управления. Наверное думал, что успеет запустить реактор и подняться вверх... Но где там! Удар, еще удар! Треск и гул. Может быть, это в ушах? Михаил не устоял на ногах — его словно молотом оглушило по голове. Последнее, что он увидел, проваливаясь в черную бесконечность, были испуганные глаза Ольги...

Когда ракета уже неподвижно лежала на боку, Ольга вскрикнула:

— Михаил! Что с тобой, Миша? — Она схватила его обмякшую руку, стараясь нащупать пульс. И наверное, кто-нибудь другой не нащупал бы, но нежные, чуткие пальцы Ольги уловили слабые толчки. Словно дергалась тоненькая ниточка... «Останавливается сердце, — подумала Ольга. — Глубокая травма...»

Милько лежал навзничь, яркие солнечные лучи падали на бледное лицо.

Ольга приподняла его веки и увидела расширенные зрачки. «Он совсем не реагирует на свет!» — промелькнула мысль.

Быстро сбросив с себя кофту, свернула и подложила ее под окровавленную голову. Мысли опережали одна другую. «Сначала обработать рану, остановить кровотечение... предотвратить инфекцию... А сердце? Оно же вот-вот остановится! Нет, сначала инъекция камфоры...»

Взволнованная и перепуганная, Ольга все же действовала быстро, движения ее были точны. Вынула спиртовой стерилизатор (даже не забыла отвинтить крышку), набрала в шприц два кубика густой золотистой жидкости и, отвернув Михаилу рукав повыше локтя, искусно сделала укол. Даже не проверив пульса, принялась торопливо обрабатывать рану. В ход пошли тампоны, йод... Ольга перевела дыхание лишь тогда, когда наложила повязку.

Пульс улучшился, дыхание стало заметным. В могучий организм Михаила возвращалась жизнь! Появилась надежда на благополучный исход, но Ольга отлично знала, что в этот острый хаотический, как его назвал когда-то Бурденко, период протекания болезни, можно ждать любых осложнений.

Милько раскрыл глаза. «Явления шока постепенно угасают», — подумала Ольга.

— Михаил! — окликнула.

Губы его шевельнулись, но слов не было слышно.

— Миша, милый, тебе лучше?

А он то открывал, то закрывал глаза и молчал.

— Вот положим тебя на матрац, — говорила Ольга, поднимая голову Михаила к себе на колени и беря его под мышки. — Ведь правда, тебе гораздо лучше?

Легко, без всякого напряжения, положила юношу на матрац, разостланный на полу. Повернула на правую сторону, сказав:

— Полежи так на случай тошноты.

Ивана Макаровича и Загорского тоже порядком стукнуло, но они этого не замечали, встревоженные ранением

Милько. Молча наблюдали, как хлопотала возле него Ольга, подавали необходимые вещи. Но что случилось? В чем причина такого сотрясения? Не сдвиг ли это коры Луны?

— Загадочно! Прямо-таки загадочно! — проговорил профессор, шагая взад и вперед.

— Мы не только не можем стартовать из такого положения, промолвил Загорский, — даже выйти из ракеты невозможно!

Только теперь Иван Макарович и Ольга увидели, что входной люк вплотную прижат к поверхности Луны.

— Да, мы закупорены, — сказал Плугарь. — Но разве это навсегда? Как вы считаете, Загорский?

— Нужно найти выход...

В иллюминатор увидели: неподалеку над горами таяла черная туча газа и пыли.

— Извержение вулкана, — произнес Загорский. — Вот вам и разгадка. Нас ударило камнями, волнами газа, ну, и еще сотрясение поверхности...

— Взрыв-то взрыв, но там нет никакого вулкана! Ведь у нас есть подробная карта...

Еще раз рассмотрели карту. Профессор был прав: в том месте, где вздымалась туча, в радиусе нескольких километров не было даже небольшого вулкана.

— Мне кажется, что это атомный взрыв, товарищи! — подытожил профессор.

— Это возможно, но зачем им было производить такой эксперимент? — сказал Загорский, имея в виду «соседей».

— Очевидно, доигралась с новым радиоактивным элементом...

— «Селенит-1»?

— Да.

Тяжелое, гнетущее чувство сжало грудь Плугарю. Как несчастливо сложились обстоятельства для его экспедиции! «Комета» упала. Милько ранен. А насколько хватит им воздуха — часов на двести? Неужели ракета станет им могилой?

Иван Макарович смотрит на Ольгу и Загорского. Ошеломленные катастрофой, они стоят перед иллюминатором и, наверное, наблюдают за зловещей газовой стеной. У Ольги замкнутое лицо, Николай хмурится. Стоят, словно у окна вагона, смотрят на проплывающий пейзаж, и каждый думает о своем.

Вдруг Ольга поворачивается и быстро подходит к отцу.

— Отец! — восклицает, припадая к его груди.

— Что ты?

Иван Макарович машинально потрепал ее волосы, — так он, бывало, успокаивал ее, когда была девочкой.

А она отклонилась, приложила ладони к его щекам:

— Почему ты так равнодушен? И Николай... Скажи — неужели...

— Это тебе показалось, Оля! — заговорил Плугарь твердым голосом. — Просто я думаю...

— Но ведь надо что-то делать, слышите? — делать!

— Верно, дочка! Пока мы не сделаем всего, что в наших силах — и даже больше — мы не отступим. Так, Загорский?

— Да, Иван Макарович.

Угнетенное состояние экспедиции уступило место активной деятельности. Это было не отчаяние, нет. Живые люди боролись за жизнь.

Прежде всего, надо было открыть выход наружу, а затем подготовить ракету к взлету. И Николай, и Ольга, и Иван Макарович предлагали на общее рассмотрение множество проектов. Загорский выдвигал такую мысль: включить реактор и продвинуться на некоторое расстояние по поверхности. Возможно, сам рельеф поможет хоть немного повернуть ракету. Профессор возражал. Результаты окажутся ничтожными, — говорил он, — а ракета будет повреждена наверняка. Трение о поверхность повредит обшивку, а то и вовсе пробьет бок.

Ольга предлагала выбить иллюминатор. Но это угрожало потерей воздуха. Не успели бы они закрыть его, как вся «атмосфера» ракеты улетучилась бы. Этим рисковать не осмеливались.

Что же делать? — тревожно билась мысль. Казалось, выхода не было. Но, вылетев на поиски, мысль не опускала крыльев.

— А что посоветовал бы Михаил? — спросила Ольга. Все посмотрели на своего товарища, лежавшего в забытьи...

— Моторная группа! — вспомнил Загорский, — Там есть глухой люк!

Иван Макарович достал схему силового отсека и нашел люк. Конструкторы сделали его, чтобы облегчить доступ к узлам моторной группы.

Ольга в нервном порыве обхватила Загорского за шею и поцеловала в щеку. Потом подбежала к отцу и покрыла поцелуями его колочее лицо.

— Мы спасены! — кричала она. — Мы спасены!

— Да, да, Оля, — говорил Плугарь, думая о том, удастся ли каким-нибудь способом поставить огромную ракету вертикально, чтобы можно было стартовать.

Загорский взял инструменты и не без труда пробрался к спасительному люку. Лежа на спине, открутил гайки со шпилек. Потом вернулся в кабину и, обсудив все с профессором, подготовился к выходу — надел скафандр, взял лопату, кайло. Хотели выкачать из коридорчика воздух, но это не удалось. Николай вошел туда, и за ним и плотно прикрывалась дверца. Словно альпинист, прикрепил себя веревкой. Снял с корпуса овальную металлическую плиту. Воздух так и рванулся изнутри, на какое-то мгновение Николай ощутил ветер! Выбросил наружу инструменты, взялся руками за края проема, сжал плечи.

Просунуть свою коренастую фигуру в люк, да еще в скафандре, было нелегко. Старался сжаться. Только теперь пожалел, что вырос такой крупный. Наконец, выбрался наверх. Вокруг, как и раньше, было мертво и пустынно. Спустился по гладкому боку ракеты, отвязал веревку, и, взяв лопату, начал быстро копать, чтобы добраться до входного люка. Работать было не трудно, камней не попадалось, лопата легко входила в серый песчаный грунт.

Росла куча выкопанной лунной «земли», а с ней росла тревога. До люка он, безусловно, докопается. А потом что? Копать яму, — чтобы ракета опустилась в нее хвостом и стала хотя бы под углом в 45° ? Да ведь для этого не яма нужна, а целая шахта! За сколько же времени ее выкопает? И хватит ли у них воздуха!

Николай в деталях обдумывал план, но все время наталкивался на непреодолимые трудности. Только лишь подумал он об использовании вездехода, как тягача, — сразу встал вопрос: «А чем же его прицепить к ракете?» Да и глубина ямы... Чем выбрасывать грунт? Даже ведра нет... Вот если бы вдоль копать, — было бы куда легче, хотя пришлось бы вынуть вдвое больше грунта.

Наконец, Николай подвел траншею под самый люк. Открыл его и забрался внутрь ракеты. Иван Макарович и Ольга с нетерпением ждали его. Значит, выход есть! Хотя с большими неудобствами, но все же входить и выходить из ракеты можно... И этим сразу же воспользовался Плугарь — вышел вместе с Загорским.

Ольга осталась около Михаила. То считала пульс, то проверяла неврологический статус больного, двигательные его функции, чувствительность, сознание, ориентирование его относительно самого себя, места и времени. Тревога утихла: резких отклонений от нормы не было. Состояние Михаила заметно улучшилось. Теперь больному нужен был лишь покой. Голова его в белой повязке золотилась в солнечных лучах. «Солнце! — подумала Ольга, — быть может, оно поможет? Ведь оно посылает разнообразнейшие лучи! До земной поверхности многие из них не доходят: их задерживает толща атмосферы. А тут, на Луне... Этот луч проходит лишь нашу ракетную атмосферу — всего метрах в двух от головы Михаила... Может, попытаться?»

— Пить... — приглушенно сказал Михаил.

— Хочешь пить? — кинулась Ольга к термосу с водой, но передумала, остановилась: — Потерпи немного.

Намочила платок и несколько раз провела по сухим губам юноши. Подошла к иллюминатору. Та же суровая кар-

тина. Молчаливо вздымаются горные шпили, а над ними — черное бархатное небо. Среди роя звезд величественно сияет Солнце, необыкновенное, совсем незнакомое. Из него высовываются огненные лепестки, рвутся во все стороны, удивительная корона окружает диск.

«Что несут потоки твоих лучей? — подумала Ольга, обращаясь к Солнцу. — И сама же ответила: — Безусловно — жизнь! Но как разгадать тайну твоих невидимых волн?»

Солнце пылало, щедро струя свои лучи на укутанную голубым шаром Землю, на каменистую Луну, на Венеру, Марс, на всю свою планетную семью. Его сияние ласкало и остроносую ракету, где у иллюминатора, задумавшись, стояла девушка, а на матрасе неподвижно лежал юноша.

Наконец, она решилась: надо подставить рану под солнечные лучи. Если бы в лучах были разрушительные волны, они уже дали бы себя знать. В конце концов, и рентгеновские лучи по своей сути вредны, а вот соответствующие «порции» их дают положительный эффект. Итак — маленькими дозами...

Ольга развязала повязку, и на рану упал сноп солнечных лучей. «Раз, два, три, четыре...» — считала Ольга до шестидесяти. Потом заслонила Солнце. Минут через пять — снова отошла...

— Ну, на первый раз довольно, — сказала она, накладывая повязку. — Утихает боль? Тебе легче? — спросила тревожно.

— Легче... — прошептал Михаил, — Ласковая ты, Оля, хорошая.

Веснушчатое ее лицо покрылось радостным румянцем — то ли потому, что Михаилу стало лучше, то ли потому, что он сказал теплые мужские слова.

НОВЫЙ ВИЗИТ ДИКА

Плугарь и Загорский обошли громадное тело ракеты, во многих местах побитое камнями. Одна вмятина была особенно велика. Видимо, удар был очень сильным — как только выдержала стенка!

Остановились возле траншеи, ведущей в люк.

— Ваши предложения, Николай? — спросил Плугарь.

— Я уже все продумал, Иван Макарович. Нам надо выкопать такую яму, чтобы ракета опустилась в нее хвостом. Если уклон ее будет хотя бы в сорок пять градусов, мы сможем стартовать...

— Допустим, что яма сможет заменить стартовую конструкцию, — скептически произнес Плугарь, — но хватит ли у нас времени и... Что можно сделать одной лопатой? К тому же скоро наступит ночь, видите, как низко ходит Солнце? Температуру упадет примерно до ста градусов ниже нуля... Все это нужно учесть, взвесить. Мы не можем действовать вслепую.

Загорский некоторое время молчал. Смотрел на треноги, торчащие из хвоста ракеты, и думал: «Тут бы мне пару обыкновенных лебедек да несколько тросов — я бы ее быстро поставил!» А вслух сказал:

— Но ведь другого выхода нет, Иван Макарович. — В голосе его звучали нотки безнадёжности. — Я и сам вижу, что выкопать такую шахту, какую нужно, будет, наверно, нам не под силу... Но что-то делать надо?

— Зная заранее, что это не удастся, не стоит, мне кажется, и начинать.

— А что же вы предлагаете? — с тревогой в голосе спросил Николай. — Сложить руки и ждать конца?

— Плохого же вы мнения о своем руководителе. Загорский! — спокойно сказал Плугарь. — Во-первых, даю вам задание: вычислить, сколько кубометров грунта нужно вынуть, сколько времени потребует эта работа, словом, подготовить мне все технические данные. Во-вторых, проверить, в полном ли порядке наша атомная «батарея».

— Да, но что это нам даст?

— О, это нам даст очень многое! — сказал профессор.
— Если у нас такие энергетические ресурсы, то можно... А это что за привидение?

Действительно, к ним приближалась фигура в скафандре словно привидение.

«Кто же это такой? — думал Плугарь, всматриваясь в приземистую фигуру в скафандре. — Неужели Дик?»

Да, это приближался он. Вид у него был жалкий, Шел, точно пьяный, едва переставляя ноги; руки висели, как перебитые.

— Мистер Плугарь! — завопил он в микрофон. — Мистер Плугарь! Я взываю к вашей человечности!..

— Что случилось?

— Катастрофа! — прохрипел Дик, указывая на зловещую черную стену. — Моей ракеты больше не существует. Вы, только вы можете спасти меня от гибели. Не отворачивайтесь от меня... я... я... — и он упал на колени. — У меня осталось совсем мало кислорода, я задохнусь!

— Его словно подменили! — сказал Загорский.

А Плугарь обратился к Дику:

— Встаньте! Не подобает человеку стоять на коленях. — И когда тот поднялся, отряхивая пыль с колен, профессор продолжал: — Скажите, что произошло?

— После разговора с вами, профессор, я возвращался к себе на базу. Вдруг — взрыв! Сначала ослепительная световая вспышка, потом — газы и пыль. И я понял, что спасти меня можете только вы...

— Так сразу и поняли?

— Сперва я не поверил сам себе. Мои лаборанты — опытные химики и физики, и я могу заверить вас, что взрыв произошел не по их неаккуратности, а очевидно, из-за скрытых свойств нового элемента. Должно быть, его критическая масса намного меньше, чем в уране. Если б не это... Я умоляю вас, профессор!

— А как же уцелели вы?

— К счастью, я еще был за горой. Правда, меня что-то стукнуло: даже в глазах потемнело и я потерял сознание. Возможно, камни — они ведь сыпались градом... А может быть, просто нервный шок. Сколько я лежал — не помню, но как только очнулся — сразу же подумал о вас. Вы можете дать мне жизнь!

— Где же вы так долго были?

— Я кинулся бежать, но не в ту сторону. Блуждал в горах, думал, что погибну. И уже с горы увидел вашу базу...

— Но вы же видите, что сотрясение поверхности, благодаря вашим «экспериментам», привело и нас к аварии, и мы сами в критическом положении!

— Не отказывайте мне, профессор! Вы считаете меня врагом? Не возражаю, считайте, но принципы гуманности...

— Так, так, — в задумчивости произнес профессор. — Принципы гуманности... у нас самих катастрофическое положение... Как вы думаете, Николай? Можем ли мы поделиться с ним нашими и без того скудными запасами кислорода, воды и пищи?

— Черт бы его побрал! — воскликнул Загорский. — Откуда он взялся на нашу голову!

— Значит вы против?

— Кто, я? — переспросил Николай. — Я против, конечно, да что ж делать. Придется его принять... Я только говорю, что...

— Но не пропадать же ему! Он поможет копать...

— У меня он гулять не будет! — согласился Загорский.

— Значит, вы не возражаете? Я рад за вас.

Когда Иван Макарович сказал Дику, что они решили поделиться с ним своими небольшими запасами, тот стал благодарить торжественно—пышными фразами, упомянув и о великодушии, и о гуманности, и о многих прочих добродетелях...

— Весь мир будет в восторге от вашего благородного поступка! — воскликнул он в конце своей тирады. — А

сейчас прошу вас, дайте кислорода! Ведь у меня осталось... — он поглядел на шкалу своего баллона, — осталось минут на пять! Скорее, я задохнусь!

Ему дали кислорода, накормили, налили стакан воды... Пока гость подкреплялся, Плугарь и Загорский обсуждали детально план работ по спасению экспедиции. План Загорского зависел исключительно от физических усилий путешественников и технических возможностей. Если успеть до наступления ночи выкопать — одной лопатой! — «стартовую яму», и если ракета станет в нее, то, безусловно, вылететь удастся. План Ивана Макаровича зависел от успешности намеченных им физико-химических опытов. Полной уверенности в осуществлении этих планов не было. Была только твердая воля, непоколебимая решимость бороться до конца. Либо победить, либо погибнуть! Иного пути них не было.

Решили работать одновременно в этих двух направлениях: Иван Макарович будет проводить опыты, ему поможет Ольга. Загорский попеременно с Диком будут подкапывать ракету.

— Ну что ж, тогда вы здесь начинайте, — сказал Иван Макарович, — а мы с Ольгой поедem.

— Есть начинать! А ну, босс, пошли! Берись копать с хвоста.

Пока Загорский размерял и прикидывал, где приблизительно находится центр тяжести ракеты, Ольга и Плугарь выносили на вездеход различные приборы и приспособления. Когда уже собрались ехать, Милько попросил и его взять с собой. Он уже поднялся и ходил по кабине. Плугарь поглядел на его перевязанную голову, помолчал.

— Пусть едет, — сказала Ольга. — Опасность миновала.

— Хорошо, будь по-вашему.

Все — и неподвижную ракету, и молчаливые горы, и небольшой вездеход, пробиравшийся среди гор, — все окутывала тишина, — тяжелая, мертвая. А люди действовали, их мозг, их сознание восставали против этой свинцовой тишины.

«С кем хотите вы померяться силою?!» — как бы говорили, сочувствуя им, звезды, большими глазами глядевшие с черного неба.

«Напрасны ваши старания!» — всем своим видом убеждали равнодушные горы, толпой обступившие земных гостей.

А Солнце... Солнце беззвучно смеялось и над звездами, и над горными хребтами, и над людьми.

ТАЙНА ВЕРХОВНОГО ЖРЕЦА

Плугарь вел машину осторожно. Видно было, что он больше привык орудовать авторучкой, чем рычагами. Да и не удивительно: управлять вездеходом его обучили незадолго до вылета на Луну. Автомашину он водил неплохо — скорости на ней переключаются автоматически, от увеличения оборотов мотора только поворачивай руль. А вот с рычагами дело обстоит неважно: приходится прикладывать немало физических усилий.

Ехали по знакомой уже дороге — через ущелье в густой тени, потом по голубой сияющей долине. Милько поворачивался во все стороны, жадно рассматривая необыкновенный пейзаж.

Профессор был сосредоточен, молчалив. Ольга поглядывала на отца, не решаясь нарушить ход его мыслей. Наконец не выдержала:

— Папа, скажите мне, что мы будем делать?

Иван Макарович словно и не расслышал вопроса. Голубая долина поднимала перед ним свои трепетные веера, и профессор казалось, был загипнотизирован этим волшебным зрелищем. Но вот он остановил машину:

— Надо набрать этих самоцветов.

— Больших или маленьких? — спросила Ольга.

— Безразлично, — сказал Иван Макарович, пригоршнями бросая камешки в кузов. — Ты спрашивала, Оля, что будем делать? — вспомнил он. — Бороться за жизнь. Я вот гляжу на эти горы и долины, — какой чудесный пейзаж, правда? Вы, Михаил, как находите?

— Чудесный, но неуютный.

— Ну и что, какой от этого толк!.. — невесело произнесла Ольга.

— Да ты взглядишь!

Ольга выпрямилась, посмотрела вокруг — какое могущество!

— Мне страшно, отец! Эти горы задавят нас...

— А знаешь, чего в этой панораме не хватает?

— Чего?

— Человека! Я вот гляжу и думаю: природа без человека мертва. Вообразите себе здесь, среди гор — белокаменные поселки, линии электропередач, машины, шоссе. Вот грандиозная, поистине историческая задача человечества — оживить эту мертвую планету! И мы делаем первый шаг в осуществлении этой задачи. Ясно? А ты: «горы задавят»... Нет, не враги они, а друзья наши!

И, уже запустив мотор, Иван Макарович, продолжал:

— Как вы думаете, что там скрыто, в этих горах? Ага, молчите? Там кислород. Представляете — кислород!

— Как же это? — вырвалось у Ольги.

— Да очень просто: в разных соединениях. Есть такие минералы, которые больше, чем наполовину состоят из... кислорода. Вот наше с вами задание — добыть этот кислород. Много кислорода! И азота, конечно. Создать воздушный океан.

Настроение отца передалось и Ольге. У нее стало легче на душе. Значит, отец не растерялся, оказавшись в такой опасности!

— А это... здорово, папа!

— Будет атмосфера на Луне, — забурлит жизнь! — продолжал Плугарь. Он говорил таким тоном, будто мог трудиться на этой планете бесконечно, будто впереди были целые годы, а не считанные часы... — По высохшим руслу потекут реки, а по ним поплывут корабли. Вот так, как по Днепру, или по Волге, представляете?

Иван Макарович рисовал сказочную картину оживления планеты. Ольга слушала и думала: «Что это отец — решил меня позабавить, что ли? Разве я не понимаю, в каком мы положении?»

Но, попав в город селенитов, Ольга позабыла обо всем — такое чудесное зрелище открылось перед ее глазами! Яркий солнечный свет заливал туннели, переходы, круглые, шестигранные залы, ромбообразные и треугольные комнаты. Михаил оглядывал эти величественные остатки селе-

нитской цивилизации молча. Зато Ольга не могла сдержать свои чувства.

— Отец, это же сказка! Невероятно!

— Невероятно, но факт, — попробовал пошутить Иван Макарович.

— А освещение, — ведь это ты открыла! Видно, солнечный колодец оказался случайно заваленным, а ты споткнулась и расчистила дорогу свету... Вот как бывает!

Ольгу больше всего поразили храм. Монументальные колонны, целый лес колонн! Светящаяся каменная «чаша», над ней — каменное, усеянное звездами небо — все это вызывало в ней удивление и восторг. А истлевшие останки селенитов пугали. Когда Ольга смотрела на них, мороз пробежал у нее по коже.

— Поглядев на такое чудо, можно и умирать, — вздохнула девушка.

— Что ты, дочка! — Иван Макарович положил руку на ее скафандр, — видимо, хотел погладить по голове. — О жизни надо думать, а не о смерти. Мы еще увидим и не такие чудеса!

— Я не жалею, папа, что полетела с вами!

— Я растроган, — иронически произнес Плугарь. — Вот только ты не интересуешься, не жалею ли я...

Они спустились ярусов примерно на пять. Иван Макарович выбрал просторную, почти пустую комнату в глубине города. Его привлек сравнительно небольшой вход, а главное, каменная «дверь», о которую споткнулся Михаил. Собственно, это была не дверь, а довольно большая, отполированная каменная «доска», которой можно было закрыть вход.

— Сюда к нам не доберется холод, — объяснил Иван Макарович. — Вы же знаете, что когда наступит ночь, на поверхности будет температура минус сто-сто двадцать градусов. А ночь здесь длинная, — четырнадцать с половиной земных суток, значит, нужно устраиваться всерьез.

— Вы считаете, что полет не удастся? — спросил Милько.

— Кто его знает! Откровенно говоря, я на это мало надеюсь. Лунную ночь придется перебыть здесь, восстановить связь с Землей. А потом прилетит вторая ракета...

— Опомнитесь, папа! — воскликнула Ольга. — Мы ведь задохнемся здесь! Разве у нас хватит кислорода на полмесяца? Лучше всем взяться копать...

— Не волнуйся. Там работа идет. А с одной лопатой всем нам делать нечего...

— Руками надо выгребать!

— Вот это уже паника. Не люблю.

Ольга ничего больше не сказала. Неохотно, но принялась помогать отцу в подготовке его опытов с минералами. Установили аппаратуру — атомную «батарею» — при помощи которой профессор собирался добывать кислород и азот. Натаскали минералов, ссыпали их в кучу посреди помещения. Тут же поставили запасной баллон кислорода.

— Теперь, товарищи, я смогу работать один. А вы должны найти в этом городе кварц и аммиачную селитру.

— Зачем?

— В кварце много кислорода. Кварц имеется в граните, в песке. Горный хрусталь — это прозрачный кварц, аметист — фиолетовый кварц. Бывает и такой, ознакомься. — Иван Макарович протянул Ольге темноватый блестящий камешек. — Аммиачная селитра — вот ее белые кристаллы — содержит в себе и кислород и азот, именно то, что нужно для дыхания. А чтобы ты не заблудилась — возьми еще этот — он пишет красным. Обозначай свой путь стрелками. Да не задерживайся. Топориком откалывай камни и приноси мне. Все понятно?

— Да.

— Ступай. Не заблудишься?

— Не волнуйтесь, отец. Я буду осторожна.

— Смотри...

Ольга взяла топорик, красный камень, брезентовую сумку и ушла. Иван Макарович глядел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Она несколько раз черкнула красным камнем по стене. Михаил пошел было в другую сторо-

ну, но Плугарь окликнул его. Нужно было заложить вход в помещение каменной плитой. Вдвоем они легко поставили ее, а когда стерли пыль, плита заблестела как зеркало!

— Как селениты жили без дверей? — недоумевал Михаил. — А может, были деревянные, да истлели?

Профессор хлопотал у аппаратуры и ничего не ответил.

Каменная «доска» была шире входного отверстия и хорошо закрывала его. Нужно было только изловчиться и так приладить ее, чтобы не было ни одной щели!

Михаил достал инструменты и умело начал орудовать ими.

А Ольга тем временем шла все дальше и дальше. По правде говоря, ей было страшно вато блуждать одной по такому грандиозному подземелью. Часто тень преграждала ей путь; привидениями смотрели на нее истлевшие селениты. Даже колени, иногда дрожали! Но девушка отгоняла страх и шла дальше. Она решила исследовать храм — в нем, по всем признакам — немало разных минералов, а между ними, быть может, найдется и кварц. Храм встретил Ольгу торжественной полутьмой. Ольга, восхищенная, остановилась перед конусообразной выемкой, выложенной, наверное, из разнообразнейших камней. А что если спуститься в эту каменную воронку? Сколько здесь различных каменных плит!

Недолго думая, Ольга стала на край, выдвинула вперед правую ногу, проверяя крепость склона и... соскользнула вниз. Поверхность «чаши» была гладкая как зеркало, — кто б мог подумать! Ольга потеряла равновесие и упала на спину. Слегка закружилась голова, но сквозь очки шлема ей мигнули звезды, выложенные в своде. На какое-то мгновение иллюзия была полной. Легко стукнувшись ногами о дно, Ольга остановилась. Поднялась. Теперь она стояла посередине этого странного каменного цветка. Гигантские красные лепестки поднимались намного выше ее головы, искрились холодным сиянием. А когда Ольга включила фонарь — они вспыхнули негреющим пламенем! Вверху зашевелились тени — можно было подумать, что проснулись

селениты и с гневом заглядывают в этот священный кратер, куда посмело ступить неведомое им существо.

«А отчего бы им сердиться! — подумала Ольга. — Они могли бы считать меня богиней». — Погасила фонарик, тени улеглись, полутьма окутала храм. Лишь под ногами рдел камень.

Энергичным рывком Ольга кинулась вверх — и тотчас съехала вниз, с трудом удержав равновесие. Следующие попытки также кончились неудачей. Холодок тревоги заполз в душу: отец и Михаил не услышат, кто же ей поможет?

Начала ударять топориком по стенкам воронки — он отскакивал, не оставляя даже царапины. «Стыки, надо искать стыки! — мелькнуло в голове. — Ведь не сплошная же здесь плита». И ей-таки удалось нащупать стыки. Она цеплялась за них острым рожком топорика, осторожно подтягивалась, быстро посылала топорик выше — и снова... Вот и до края уже близко — метра два... Ну, еще раз!

Топорик не попал в щель, и она сползла вниз.

Неудача не испугала ее. Она видела, что выбраться можно, нужно только более ловко действовать топориком.

Попробовала еще раз и еще... Добиралась уже почти до обода «чаши» и снова срывалась. Наконец, она подтянулась на длину руки и топорика. Рывок — топорик цокнул о колонну. Тут камень был податливее: она зацепилась!

Теперь уже не трудно было выбраться. Выпрямилась, огляделась. Но что это? Из колонны, там, где она ударила топориком, струей брызнула жидкость!

Масло какое-то или вода? От неожиданности Ольга отпрянула в сторону, а струя жидкости — словно из пожарного брандспойта полилась, окутанная паром, на дно выемки. Сквозь густой пар Ольга видела, как летели брызги от удара о багровый камень, как внизу заблестали, зарыбили волны. Она не знала, что и думать. Может быть, это не вода, а какое-то селенитское горючее? Может быть, верховный жрец храма использовал его для поддержания огня в каких-нибудь светильниках?

Побежала на другую сторону и ударила по колонне топориком. Сыпались осколки, но она не собирала их, а все била по одному месту. Удар, еще удар! И здесь полилось из пробоины!

Ольга хотела набрать жидкости, но во что? Тогда она подставила сумку — пусть намокнет брезент! — отец распознает, что это такое. И кинулась прочь из храма.

ФИЛОСОФИЯ ДИКА

— Мистер Загорски! — воскликнул Дик, оставляя лопату. — Как все это глупо!

— Что? — Николай схватил лопату и начал сердито выбрасывать землю. Собственно, это была не земля, а пыль, слежавшаяся пыль. Приходилось часто протирать стекла скафандра. Это злило радиста, а тут еще этот босс со своей болтовней.

— Что глупо? — переспросил Загорский. — Не хочется копать, да?

Объяснялись на немецком языке — Николай знал его лучше, чем английский.

— Глупо сидеть на этом безлюдном светиле, когда там, у самого моря — роскошная вилла, шикарное авто... яхта... и элегантные женщины... любящие повеселиться. Вы каких любите — толстых или тоненьких?

— Фу, противно слушать! И как вас, таких циников, только земля держит? — простодушно удивлялся Николай, работая за двоих. Канава уже была вырыта до колен. — Ну, скажите, зачем вы нужны? Ни материальных, ни духовных ценностей вы не создаете!

Дик ходил, как по раскаленной сковородке. С одной стороны его припекало Солнце, а с другой — донимал холод. В его скафандре, как видно, испортился обогреватель. Вот и приходилось все время поворачиваться то туда, то сюда.

— Суть жизни, мистер Загорски, не в том, чтобы создавать, как вы говорите, материальные ценности. Для этого есть другие, множество других... Суть в том, чтобы пользоваться этими материальными ценностями! Не возражайте: я заранее знаю, что вы скажете: «эксплуатация человека человеком» и тому подобные громкие слова. Но если бы вы серьезно вдумались в историю человечества, то увидели бы, что вся она — борьба за перераспределение материальных благ. Возьмите все восстания, революции и войны со времен Римской империи. Разве рабы восставали не для того,

чтобы захватить себе богатство? А французская революция — разве у нее были не те же идеалы? А что говорит ваша, коммунистическая библия? «Пролетариату нечего терять, а приобрести он может все». Приобрести!

— Вы, я вижу, теоретик! — перебил его Загорский. — Жаль только, что «философия» ваша волчья, «Человек человеку волк» — вот ваше кредо. И где уж вам понять марксизм и идеалы социалистической революции, которая не заменяет одного эксплуататора другим, а уничтожает всякую эксплуатацию!

— Ах, что вы там, коммунисты, ни говорите, а богатым быть лучше, чем бедняком! И патриции, и плебеи, и рабы, — всех унесла смерть. Но патриции ели из серебряной и золотой посуды, купались в мраморных бассейнах, а плебеи и рабы гнули спины под тяжелой ношей жизни.

Загорскому, видно, надоело слушать это философствование, он перестал отвечать и молча налегал на лопату. «Солнце ходит все ниже, — тревожился он. — Удастся ли стартовать до наступления ночи?» Теперь уже он жалел, что их ракета такая громадная...

— И все-таки глупо, мистер Загорски...

— Идите лучше вот, покопайте, Дик!

— Не хочу!

— Что? — выпрямился Загорский. — Отказываетесь?

— Да.

— Что же вы предлагаете? — сдержанно спросил Николай. — Может быть, есть какой-то иной способ вернуться на приморскую виллу?

— Конечно, есть! Только выслушайте меня спокойно... быстро заговорил Дик. — Дело в том, что нашу аварию, безусловно, заметили наблюдательные пункты. И я уверен, что сюда прибудет вторая наша ракета! Она уже готова. Вскоре надо ожидать...

— Ну и хорошо, — перебил его Николай,

— Но хватит ли нам кислорода... на всех?

— Вот это уже вопрос! — добродушно сказал Николай.

— Через сколько часов может прибыть ваша ракета?

— Кто же знает...

— Ну, так нечего на нее и полагаться, надо копать!

— Чепуха, мистер Загорски. Я вижу, что из этого ничего не выйдет. Но я знаю и другое. Будь нас не пятеро, а двое, то кислорода хватило бы...

— Если бы да кабы...

— А раз нас пятеро, то всем, очевидно, придется погибнуть. Разве это не глупо? А ведь этого можно избежать...

— Как же это? — удивился Николай.

— А вот как. Плугарь уехал... Они могут и не вернуться. То есть я хочу сказать... — Дик говорил паузами, словно взвешивая каждое слово,

Загорский отставил лопату.

— Что, что?

— Мы переживаем с вами, мистер Загорски, очень важный, я бы сказал, фатальный момент, — вкрадчиво зазвучал голос Дика. — Вы правы: виллы, женщины и все прочее — это, конечно, чепуха. Есть материя высшего порядка! Мы стоим на грани гибели — вот почему я буду откровенен и расскажу вам то, чего при иных обстоятельствах не рассказывал бы... Так вот... самое высшее, самое важное на земле — это организация общества, его существования и производственной деятельности. А для этого нужна крепкая, стальная власть над людьми!

Радист насторожился. Оказывается, его собеседник не такой уж наивный буржуа, каким вначале прикидывался. В его словах, в тоне, каким эти слова были произнесены, чувствовалась какая-то злая сила, зловещий заряд энергии.

— А при современном развитии науки и техники, — хладнокровно продолжал Дик, — власть умножается, усиливается в сто, в тысячу раз! Представьте: будь у Цезаря радио, реактивные самолеты!.. Будь у него вся та техника, которая служит сейчас для поддержания порядка в обществе... вы меня понимаете?

— Не совсем, — ответил Загорский.

— Так вот: я возглавляю самую мощную в мире монополию. Капитал ее превышает бюджеты некоторых круп-

ных государств... Я устанавливаю на биржах погоду, уничтожаю, поглощаю конкурентов, поручаю формировать правительства и, если они не удовлетворяют нас, прогоняю их. Моя монополия — это подлинная империя, которая захватила в свою орбиту полмира. Но...

— Но... не можете проглотить?.. — перебил Николай.

Дик махнул рукой, сжатой в кулак.

— Не то, Загорски. Я не акула, чтобы только глотать. Это примитив. Мне надоело быть закулисным режиссером... Я хочу выйти на авансцену. Выйти и... показать себя!

Загорский смотрел на босса с настороженным любопытством. Этого небольшого человека, скрытого скафандром, видимо, распирала фанатическая жажда власти — открытой, ничем не замаскированной. Что-то в нем было опасное и вместе с тем — жалкое. На фоне благородного тела «Ракеты» и сурового лунного пейзажа эта суетливая фигура в скафандре, размахивающая кулаком и сыплющая короткими радиоволнами, казалась до смешного нелепой, мелкой. Но как хищно поблескивают очки его шлема! Как угрожает он Земле!

— Моя экспедиция на Луну — это завершающий этап в осуществлении величайшего плана... Мы установим здесь атомные батареи, и Земля заблестит на перекрестке прицела!

— А что, если она все же не испугается?

— Достаточно будет раза два полоснуть... и непокорные покорятся. Не подумайте, Загорски, что это фантазия одного человека. Совсем нет! Это подготовлено развитием исторического процесса. Современному капиталу тесно в национальных рамках, он давно их поломал, и теперь остается только юридически закрепить то, что уже существует на деле: создать сверхнациональную власть...

— Кое-кто уже претендовал на мировое господство, — иронически сказал Загорский.

— То были детские попытки! — воскликнул Дик. — А сейчас, когда мы сделали первый шаг в космос, моя моно-

полия выработала величайший план... Почему я говорю об этом вам? Да потому, что непосредственно от вас, Загорски, зависит многое... Нам с вами нельзя погибнуть... Понимаете?.. На всех кислорода не хватит... Конечно, хотелось бы иначе... но что ж... Цель оправдывает средства... Катастрофа разбила мой план, но вы... О, вы многое можете! Нам вдвоем, понимаете, вдвоем, нужно продержаться здесь ночь, установить связь... И тогда вы заживете так, как этого заслуживаете. Неограниченные возможности...

— Довольно! — резко оборвал его Загорский.

Если бы на голове радиста не было шлема, то Дик увидел бы его охваченное гневом лицо. Загорский никогда еще так не был разъярен! Этот негодяй предлагает ему стать предателем, убийцей своих товарищей! Ах, ты ж... козявка жалкая! — Загорский шагнул к Дику, поднимая лопату...

— Стой! — воскликнул Дик. — Не согласен, так черт с тобой! — Он выхватил маленький блестящий пистолет и выстрелил. Пуля задела шлем Николая, но не пробила. Разрядив всю обойму, Дик побежал и скрылся за ракетой. Николай кинулся вдогонку, но тот словно сквозь землю провалился. «Неужели спрятался в тени?.. Ну, долго ты там не усидишь... врешь, скоро выскочишь оттуда!» — подумал Николай, настороженно вглядываясь в черную густую тень.

Заглянул в траншею, ведущую к входному люку. «А что, если... что если он забрался в ракету...»

Нагибаясь, пробрался к люку. Нажал кнопку. Еще и еще. Люк не поддавался: он был задраен изнутри!

Николай заскрежетал зубами в бессильной ярости, бил лопатой по обшивке — все было напрасно.

«А может быть, его там нет? — мелькнули мысль. — Может, просто замок испортился?» Николай кинулся к иллюминатору, чтобы заглянуть внутрь. Иллюминатор был невысоко, Загорский добрался до него без труда. Припал стеклами шлема к толстому прозрачному «глазу» ракеты... То, что он увидел, обдало его жаром и холодом... По каюте шарил Дик. Очевидно, разыскивал схемы управления аппаратурой. Скафандр он уже снял, Увидя Загорского, неистово

захохотал, разинув рот до ушей, Николай отпрянул от иллюминатора. Хищник в ракете, бездушный, бессердечный хищник! Что же делать?

«ЖИЗНЬ УСКОРЯЕТ НАШИ ПЛАНЫ!»

Ольга шла быстро, но ей казалось, что она топчется на месте. Скорее бы добраться до «лаборатории» отца. Но что это? Кончились стрелки, а лаборатории нет! Ольга заглянула в один зал, в другой... Нет, не то. Снова вернулась к последней стрелке, и, наконец, догадалась: отец «заперся»! И как она сразу не заметила! Позвала — никакого ответа. Постучала топориком — тишина!

Что случилось? Девушка не на шутку встревожилась, налегла плечом, но каменная «дверь» не поддавалась. Прошло минут, примерно пять. Наконец, Милько отодвинул плиту.

— Морока с этой дверью, — пробормотал он, — бешеное давление — несколько тонн!

— Какое давление? — удивилась Ольга.

— Да ведь мы здесь уже создали атмосферу — наполнили комнату воздухом. Даже скафандры было снимали.

— А чтобы тебя впустить, пришлось загнать воздух в баллоны, — добавил Иван Макарович, — иначе б не смогли открыть.

— Отец! — воскликнула Ольга. — Вы... вы... добыли кислород?

— Да, девочка, да! — Тут целые залежи кислорода. И азота!

— А я... вот смотрите — кажется, нашла воду!

— Что ты говоришь!

— Там ее много... десятки тонн... — взволнованно заговорила Ольга. Но не во что было набрать, так я намочила сумку...

Иван Макарович посмотрел на сумку, она была покрыта ледяной коркой. Не веря глазам своим, он отламывал кусочки льда и, наконец, воскликнул:

— Да, это вода. Вода на Луне! Вы видите, Михаил?

Михаил тоже отломал льдинку.

— Да, вода...

— Где она? Веди меня! — горячился профессор. — Вы, Милько, оставайтесь здесь, у аппаратуры... Пошли!

Когда они вошли в храм, вода в чаше уже замерзла, Под бледным светом фонаря искрилась громадная, округлая глыба льда.

— Знаешь, Ольга, это то, чего нам не хватало! Теперь я нисколько не боюсь длинной ночи!

— Разве мы... — встревожилась Ольга, — причем тут ночь? Николай подкапает ракету, и я уверена...

— Николай подкапает! — послышался возглас. Плугарь и Ольга увидели Загорского. Он подошел усталый, запыхавшийся.

— Что случилось? — спросил Иван Макарович. Николай с минуту безразлично глядел на лед и не знал, что отвечать.

— Чего же вы молчите, Николай? — Ольга тронула его за плечо. — Видите, мы воду нашли. Вон сколько льда!

— Эх, к чему теперь этот лед, — махнул рукой радист. — Хоть бы его здесь было как в Антарктиде. Что с того? Мы погибли!

— Товарищ Загорский, — сухо оборвал его Плугарь. — Немедленно докладывайте, в чем дело. Ракета сдвинулась?

— Хуже, Иван Макарович. В ракете волк.

— Простите, Загорский, как вы себя чувствуете?

— Не думайте, что я сошел с ума. Ракетой завладел Дик.

Возглас удивления вырвался из груди Ольги и Ивана Макаровича. Перебивая друг друга, они расспрашивали, как это случилось. Николай рассказал об обширных планах монополии «Атомик Вельт», о честолюбивых замыслах ее босса, о своей стычке с ним. Плугарь слушал молча, а Ольга все время восклицала: «Вы только подумайте!».

Все трое направились в «кислородный зал».

— Значит, Иван Макарович, создали немножко атмосферы? — повеселел Николай.

— Значит, создали.

— Воздухом и водой мы обеспечены, а вот что мы есть будем?

— Относительно этого бизнесмена мы подумаем, товарищи, — произнес Иван Макарович, шагая по залу. Ольга, Милько и Николай уселись прямо на полу. — Сейчас я хочу рассказать вам о более важном. В такое далекое и опасное путешествие, как экспедиция на Луну, лично меня толкало не простое любопытство. Хотя, должен признаться, и любопытство в жизни человека играет большую роль. Так вот. Я поставил себе целью изучить, разведать — есть ли хоть малейшая возможность оживить эту планету? Во-первых, надо было установить, была ли здесь вообще жизнь. Это мы с вами установили совершенно точно: была. Во-вторых, нужно было выяснить, есть ли на Луне источники для создания атмосферы. Как вы убедились — есть! В лунных минералах — кислорода неисчерпаемое количество! А имея в своих руках такие неиссякаемые источники энергии, как атомные ядра, мы можем практически, подчеркиваю, практически ставить вопрос о создании атмосферы на нашем спутнике. Предполагалось, что мы соберем все эти сведения и вернемся на Землю, и после этого будет подготовлена большая экспедиция с мощными приборами для добыwania кислорода и азота, экспедиция, рассчитанная на годы интенсивного труда. Но, как видите, мы вынуждены остаться здесь. Жизнь ускоряет наши планы! Мы начинаем дело величайшего исторического значения: создания атмосферы Луны. Закроем вход в подземелье, наполним его воздухом. Но вот задача — связаться с Землей. Чтобы к нам, как только закончится ночь, прибыла помощь, — Иван Макарович остановился подле Загорского. — Когда вы почините передатчик?

Загорский некоторое время молчал. Возможно, грандиозная перспектива оживления планеты захватила все его мысли, а, быть может, он думал о трудностях с налаживанием передатчика. Ивану Макаровичу пришлось повторить свой вопрос.

— Передатчик? — словно очнулся Николай. — Можно использовать простой метод. И как только я раньше об этом не подумал. Ведь азбукой Морзе можно разговаривать, посылать то большие, то меньшие порции информации.

— Но Дик...

— Да, теперь об этом неблагодарном субъекте. — Иван Макарович снова зашагал по залу. — Он действует, словно картежник, думая, что кабина ракеты — это козырь. А я считаю иначе. Никто за ним не прилетит, это ясно! А продержаться ночью в ракете невозможно: смертельный холод быстро доберется до него. Это не то, что здесь, на глубине, которая не успеет сильно охладиться. И потом, мне кажется, есть не один способ выкурить его оттуда.

— Да что вы говорите! — вскочил Николай.

— А вот давайте подумаем, — И Плугарь начал рассказывать о своих намерениях.

«ЭВРИКА!»

Когда экипаж подошел к «Комете», Ольга не смогла сдержать восклицания:

— Подумать только! В нашей ракете засел враг!

— Ничего, долго он там не усидит! — сказал Загорский, ухватившись за ту веревку, которая свисала из коридорчика. Сперва мы его «ослепим»...

— Каким образом?

— А вот каким!

С помощью веревки Николай ловко взобрался на ракету и быстро снял антенну локатора. Ольга с восхищением наблюдала за Николаем.

— А теперь давайте посмотрим, что делает наш претендент на мировое господство, — сказал Иван Макарович, направляясь к иллюминатору. Ольга и Михаил тоже подошли.

Дик стоял, заложив руки в карманы, и поблескивал металлическими зубами.

Иван Макарович приложил к иллюминатору листик бумаги, на котором было написано: «Опомнитесь. Припасов хватит на всех». Дик махнул рукой и отвернулся.

«Ну погоди же, сукин сын, — думал Плугарь. — Сейчас Николай тебе покажет». Плугарь смотрел в кабину с нарастающим волнением и напряжением: вот-вот туда ворвется Загорский! Но минуты шли, а Николай все не появлялся. Через некоторое время он выбрался наверх и коротко бросил:

— Сообразил, гад, запер!

Они отошли к вездеходу.

— Что же теперь будет? — встревожилась Ольга.

— Ну, что ж, — наклонил голову Плугарь. — Придется подрывать люк. Хорошо, что есть взрывчатка в машине! Жаль корежить ракету, но что поделаешь! Нам нужна провизия, нам нужен локатор, чтобы связаться с Землей. Иначе мы погибнем.

Помолчали. Все четверо стояли, сгорбившись, как под тяжелой ношей.

— Надо подъехать к хвосту, взрывчатку переносить так, чтобы он не видел, — размышлял Загорский. — Не успеет он и скафандр свой надеть, как воздух вырвется из кабины.

— Так ему, диверсанту, и надо! — поддержала Ольга,

— Все-таки жаль ракету... — отозвался Милько.

— Мне самому жаль, Михаил, но иного выхода нет.

Они смотрели на красавицу-ракету, лежавшую огромной сигарой на пластах вековой лунной пыли, и мысленно прощались с нею. Косые лучи Солнца покрыли ее сияющим серебром, и вся она казалась какой-то торжественной, праздничной, живой. «Неужели придется ее изранить», — думала Ольга. В микрофон спросила:

— А что, потом нельзя будет ее починить?

— Наверное, нет, Оля! — ответил Иван Макарович.

— Разве у нас нет инструментов?

— Инструменты-то есть, даже есть материал для заделывания пробоин.

— Ну, так в чем же дело?

— А в том, что мы не знаем, какой пролом сделает взрывчатка. Если небольшой, то, конечно...

— Эврика! — воскликнул вдруг Николай. — Эврика! Я нашел иной способ.

— Какой? — в один голос спросили Ольга, Михаил и Плугарь.

— Самый простой! И как это я сразу об этом не подумал! — Николай выскочил из машины и бросился к ракете.

— Что он задумал? — пробормотал недоуменно профессор.

А Николай уже взобрался на ракету и крикнул:

— Оля, принесите мне сумку с инструментами. Под сидением. Брезентовая. Она, она, давайте!

Ольга бегом принесла сумку, легко бросила ее Николаю.

— Что вы хотите делать? — спросил Иван Макарович. Но Николай уже спустился в «коридорчик».

— Не волнуйтесь, папа! — подойдя к отцу, сказала Ольга.

— А что, если он откроет люк, или как-нибудь его откроют, а босс выстрелит? Идем к иллюминатору!

Заглянули в ракету. Ольга стала на цыпочки и прижалась к иллюминатору стеклами скафандра.

Дик сидел за столиком и с аппетитом ел какие-то консервы. На высокочастотной плитке, должно быть, грелся кофе. Время от времени Дик, не вставая из-за столика, протягивал руку и помешивал кофе ложечкою. На хозяев ракеты, заглядывавших в кабину, он не обращал ни малейшего внимания. Но и в сторону люка не смотрел, и это немного успокоило Ивана Макаровича. Но вдруг Дик поднялся и подошел к плитке, повернул выключатель.

— Наверное, нет тока... — заметил Иван Макарович.

— И не будет! — крикнул Николай. Он уже стоял наверху.

— Ну, как? Его величество диктатор теряет покой?

— Теряет! — радостно проговорила Ольга. — Носится по каюте как бешеный.

— Погодите, еще не то будет,

Николай, держась за веревку, спрыгнул вниз.

— Расскажите, наконец, что вы сделали? — спросил профессор.

— Да очень просто, Иван Макарович... — весело звенел голос Николая. — Аппаратура же вся в этом отсеке. И электрические батареи, и кислородные приборы... Вот я и отключил их. Шах и мат!

— Вы прекрасный шахматист, Николай! — Ольга не могла сдержать своей радости.

Иван Макарович пожал руку Загорскому, отошли к входу.

— На сколько хватит в кабине, воздуха? — спросил Загорский.

— Если бы можно было употребить его до последней капли, то, я думаю, на несколько часов. Во всяком случае, босс очень скоро почувствует...

— И выскочит из ракеты как пробка! — заключил Николай.

— А что, если он все-таки не выйдет? — встревожилась Ольга, — погибнет, но не выйдет, чтобы и нас не пустить?

Милько возразил:

— О, это такой шкурник, — он будет искать спасения! Вот увидите, еще запросит у Ивана Макаровича пощады. И думаете, не выпросит?

— Ну, а что с ним делать? — произнес Плугарь. — Доставим на Землю — тогда будем судить...

— А что, не правду я говорил?

— Черт с ним! — Николай взялся за лопату. — Пока он там надумает что-нибудь, я буду работать.

Копали по очереди с Ольгой. Михаилу необходим был отдых. Иван Макарович ходил около них и рассказывал о будущем этого необыкновенного края.

— Тут человек начнет создавать сначала не вторую природу, а вообще природу: атмосферу, реки, может быть, даже и моря, растительность...

— А разве растения смогут выдержать такие длинные и холодные ночи? — спросила Ольга.

— А мы выведем такие, чтобы созревали за длинный день. Утром посеять, а вечером, — то есть через четырнадцать наших земных суток, собрать урожай.

— Неужели это возможно? — заинтересовался Милько.

— А почему же... Пригодятся биологические катализаторы, которые усилят развитие растений... Одним словом — перспективы прекрасные, захватывающие.

— Вот интересно будет! — воскликнула Ольга.

— Прилетим сюда в отпуск...

— Ну что ты... что вы, Николай! — возразила Ольга. — Мы станем коренными селенитами! В отпуск будем проситься на Землю!

Все весело рассмеялись.

— А знаете, мне кажется, здесь нет бактерий, — произнесла Ольга.

— Не беспокойтесь, люди занесут!

— А я думала, что здесь не будет болезней.

— Настанет, товарищи, такое время, когда и на Земле не будет болезней! — сказал Иван Макарович.

— Чем же тогда станут заниматься врачи? — Михаил лукаво поглядел на Ольгу.

— Что ж, — не растерялась девушка. — Будут заниматься профилактикой.

— Верно, дочка! — поддержал ее Иван Макарович.

Ольга попросила у Николая лопату и принялась копать. Солнце заметно снизилось. Огромные тени от гор почти достигали ракеты. «Черные языки холода, — подумал о них Плугарь. — В ракете их не выдержать...»

— Внимание! — воскликнул вдруг Николай. — Господин повелитель мира изволили выйти проветриться.

Все смотрели на Дика, — он шел, как хищник по арене цирка,

Сперва ступал осторожно, а потом громадными прыжками бросился к вездеходу и схватил баллон с кислородом. Загорский тем временем стал у входа в ракету.

— Ха-ха-ха! — вдруг послышалось в наушниках. — Кислород! У меня есть кислород! Ха-ха-ха!

И, высоко подпрыгивая, Дик кинулся прочь.

— Маниакальный психоз, — сказала Ольга, когда гигантскими прыжками Дик помчался к горам. — Но как подпрыгивает!

— Не забывайте о притяжении, Ольга. Тут сила тяжести в шесть раз меньше, — сказал Михаил. — Значит, какой диагноз? Просто спятил? Собственно, маньяком он стал уже давно: еще тогда, когда строил планы господства над миром.

Иван Макарович молча глядел на удаляющуюся фигуру бизнесмена до тех пор, пока тот не скрылся в горах.

— Теперь, друзья, за работу! Время не ждет! — сказал профессор Загорскому и Ольге.

— Есть за работу! — дружно ответили они.

Николай бросился в ракету. Открыл изнутри люк в коридорчик и тщательно прикрутил гайками внешний люк. Включил аккумуляторы и кислородный прибор.

Иван Макарович и Ольга выносили необходимые запасы и укладывали их на вездеход. Им понемногу помогал и Милько. Не забыла Ольга и про аптечку. К долгой ночи в глубинном городе надо было подготовиться как следует, потому что когда Солнце спрячется за горизонт — из города и носу не высунешь, такой лютый будет холод.

Загорский поставил сверху антенну, сел за локатор. Аппарат действовал безупречно.

Иван Макарович приказал:

— Передайте, Николай, такую радиограмму: «Ракета упала, стартовать не можем. Вынуждены остаться на ночь. Продолжаем выполнять свою программу. Запасов пищи и воды достаточно, кислород добываем. Ждем помощи». Устанавливайте связь, а мы отвезем все это и быстро вернемся. Надо же и аппаратуру перевезти.

— Хорошо, Иван Макарович! Поезжайте. Но смотрите в оба, чтобы тот маньяк на вас не напал.

— Он уже не вернется, — сказала Ольга. — Схватил пустой баллон.

— Пустой? — ужаснулся Иван Макарович, — Это не годится. Я думал, что он вернется, а так что ж... пропадет.

— Так ему и надо! — махнул рукой Загорский.

— Нет, нет! — вскинул на него глаза Плугарь. — Не горячитесь. За свои преступления он ответит перед судом, а наш долг... Немедленно найдите его, Загорский! Что вы так смотрите на меня? Его нужно обязательно спасти. Возьмите запасной баллон — и по следам! Передачу будет вести Милько.

Загорский нехотя поднялся, но, увидев непреклонное выражение лица профессора, поспешил. Надел скафандр, взял все, что надо, и молча вышел из ракеты.

Иван Макарович и Ольга вскоре поехали на вездеходе, а Милько сел за радар. Вначале неуверенно, а потом все более четко работала его рука — каждым движением он посылал на Землю то большие, то маленькие порции радиоволн, что должно было означать точки и тире. «Догадаются ли? Расшифруют ли?» — думал он.

И передавал снова и снова:

«Продолжаем выполнять свою программу, ждем помощи...»

ЗЕЛЕНАЯ СКАЛА

Следы вели в горы. Отпечатки огромных шагов Дика довольно четко виднелись в пыли, даже в тех местах, где на поверхность выступали скалистые площадки, потому что пыль покрывала все: и равнину, и склоны гор, и впадины цирков. Сперва отпечатки ложились на значительном расстоянии друг от друга, и по ним можно было определить, что Дик некоторое время бежал, делая гигантские, не меньше чем 10 метров в длину, прыжки. Но чем дальше, тем шаги становились все мельче, пока, наконец, не стали обычными. Теперь Загорскому легче было следить за ними; они уводили все дальше и дальше, туда, где еще совсем недавно стояла ракета соседей.

«И откуда он взялся на мою голову! — думал Николай. Будто мне здесь нечего делать... Хотя бы уже найти его, черта, а то Иван Макарович подумает, что я не захотел...»

Взойдя на удлинённый холм, напоминавший спину сказочного кита, Николай посмотрел вперед. Темные следы вели прямо к горам.

— Дик! Аллю, Дик! Возвращайтесь, немедленно возвращайтесь! — прокричал он в микрофон по-немецки.

Но наушники молчали. Безмолвные горы грели под косями лучами солнца свои костлявые спины. Загорский посмотрел на них, и холодок заполз под скафандр: «А что если у него окончился кислород? Что, если он упал, споткнувшись, на горячий песок и уже умер?»

Николай кинулся бежать. Теперь он делал гигантские прыжки — гораздо больше тех, что делал сначала Дик. «Кометы» уже давно не стало видно — ее заслонили горы. Перебежав длинное плато, Николай оказался перед большим горным массивом. Горы тут как бы раздвинулись, образовав широкую впадину, наполовину заполненную густой тенью. Окинув ее быстрым взглядом, Загорский заметил, что впадина выглядит необычно. Освещенная солнцем часть ее поблескивала, словно была покрыта застывшими потоками не то слюды, не то стекла. Никакой пыли на поверхности

не было, следы терялись. «Ага... это здесь произошла катастрофа, — догадался Николай. — «Селенит—1»... вырвался из рук...» Он вспомнил тех двоих, о которых рассказывал Милько. Были, очевидно, и еще люди... Где они теперь? Ничего, решительно ничего не осталось от них в этой опаленной взрывом впадине. И ради чего?

Сердце у Николая сжалось, он вздохнул и двинулся дальше. Он шел по краю впадины, стараясь отыскать следы. Время от времени звал Дика в микрофон, но безрезультатно. Не слышит или погиб?

Загорский обошел почти всю освещенную сторону впадины и, наконец, снова увидел следы. Они вели дальше в горы, то ныряя в черную тень, то снова вырываясь на свет. Минуя скалы, Николай подымался все выше. Перед глазами раздвигалась чудесная панорама. Иногда впереди высились скалы, поразительно напоминавшие башни старинных крепостей или шпили готических соборов; казалось даже, что отбрасывали тень висячие ажурные мосты. Загорский знал, что это его воображение дорисовывает формы, но все же иллюзия живой картиной стояла перед глазами.

А след вел все дальше и дальше. Николай уже начинал терять надежду и равнодушно смотрел на серые горы. Но вдруг внимание его привлек острый блеск слева. Пройдя еще по следу и завернув за огромную черную глыбу, заслонившую ему всю панораму, Загорский увидел дивную скалу, настолько отличавшуюся от окружающих гор, что ее свободно можно было принять за гигантский айсберг.

Юноша остановился, пораженный ее красотой. Скала вздымалась, пожалуй, метров на пятьсот, и вся светилась зеленоватым светом. Основа ее имела, должно быть, не менее километра; поверхность — то гладкая, как зеркало, с нестерпимым блеском, то посеченная, будто покрытая рубцами. Точно кто-то хотел вытесать из глыбы льда гигантский торос, поработал немного, а потом бросил.

У подножия горы на светлом зеленоватом фоне Загорский заметил темную точку.

— Алло, Дик! — обрадованно воскликнул он в микрофон. Точка остановилась. — Дик! Чего же вы молчите?

— Что вам угодно? — слышалось в наушниках.

— Идите сюда. Мне нужно с вами поговорить.

— Я и так слышу, — недружелюбно отозвался Дик. — Вы хотите отомстить?

— Ничего подобного! — искренне воскликнул Николай. — Вы же схватили пустой баллон!

Короткое замешательство, неясное бормотание в микрофон, а потом энергичное:

— Иду! Иду!

Точка начала увеличиваться, и вскоре уже можно было отчетливо разобрать невысокую, приземистую фигуру Дика. Он то исчезал в складках местности, то появлялся на холмах, — торопясь так, словно кто-то гнался за ним.

«На что он надеялся? — думал Николай. — Ведь, если бы и заряжен был баллон, то все равно... А сейчас, ишь, как перепугался!»

Не добежав метров пятидесяти, Дик остановился.

— Дайте слово джентльмена, что ничего плохого мне не сделаете... — прохрипел, глотая слова.

— Даю... К сожалению, но даю, — успокоил его Николай. Профессор приказал. — Вот, возьмите заряженный баллон да поторапливайтесь!

Дик подошел к Николаю. Состояние аффектации у него давно окончилось, он сохранял выдержку и даже важность. Кислород у него еще оставался, поэтому Дик взял новый баллон не торопясь, прицепил его к широкому ремню спереди, спросил:

— А теперь что?

«Ты смотри, какой чертяка! — подумал Загорский. — Показал бы я тебе...» Вслух сказал.

— А теперь, если не хотите погибнуть, можете вернуться к людям, на жизнь которых вы покушались.

Дик стоял неподвижно, некоторое время молчал.

— Вы дадите мне прибежище? — спросил он, наконец, с недоверием и страхом. Он, видимо, боялся, что это ему только послышалось.

— Даем прибежище, — холодно подтвердил Загорский. — Но за свои преступления вы все равно ответите...

— Конечно, конечно! — обрадовался Дик. — Буду отвечать, вполне согласен. Я знаю, что поступил неразумно... надеялся, что вы...

Быстрым движением он подключил принесенный Загорским баллон, а пустой отшвырнул прочь.

— Баллон не стоит выбрасывать, — заметил Загорский. — Еще пригодится.

Дик поднял, прижал к себе локтем.

— Видите ли, Загорски, близость цели туманит головы, и люди теряют самоконтроль... Не подумайте, что я оправдываюсь, Я доискиваюсь причины, чтобы вторично не сорваться... Так вот... Теряется самоконтроль, способность трезво ориентироваться. Должно быть, это и привело моих физиков к катастрофе. Один момент, Загорски, не спешите так, я хочу сказать вам...

Николай настороженно посмотрел на Дика. Тот продолжал:

— Видите вон ту зеленую скалу?

— Ну, вижу.

— Так вот, она полностью принадлежит моей монополии.

— Только потому, что вы ее обнюхивали?

— О, она имеет приятный запах: в ней высокий процент Селенита—1. Вследствие тектонических процессов она вынырнула на поверхность, а жила ее тянется, по нашим исследованиям, на большую глубину... Мы взяли этой руды... сколько бы вы думали? Всего двести граммов. И, как видите, эти двести граммов разметали всю нашу базу! — В голосе его слышалось восхищение. Он глядел на зеленую скалу, как замороженный. — Сила! Там дремлет демоническая сила... И мы ее разбудим! Она нам послужит еще, слышите, Загорски, нам! Я еще вернусь сюда, черт побери!

— Не хвались, идучи на рать... — засмеялся Николай.
— Знаете эту поговорку?

Дик не ответил. Молча повернулся и пошел по следам к опаленной впадине. Загорский за ним. Так они и шли все время до самой «Кометы», не проронив ни слова.

ИЗ ДНЕВНИКА ОЛЬГИ ПЛУГАРЬ

«...Теперь я могу продолжать свои записи. Мы неплохо устроились в жилище селенитов; успели до захода солнца перевезти запас пищи, разное оборудование, даже постели — матрацы, одеяла. В городе тепло и светло. Не верится, что там, наверху, черная холодная ночь! Более ста градусов мороза! Мерзнет бедная наша ракета. Мне жаль ее, как живое существо. Последним ее оставил Милько — он переговаривался с помощью сигналов локатора с нашей земной станцией. Все-таки догадались! А мы, как мы обрадовались, когда установилась связь! Мне казалось, что я поговорила с родной матерью... Бедняжка, как там она себя чувствует? Наверно, очень волнуется за нас, ночи напролет смотрит на сияющий диск Луны. Правда, теперь ее не видно, надо ждать молодого месяца... Дорогая моя мамочка! Как я соскучилась по тебе...»

«...Отец неутомим. Словно алхимик, священнодействует он среди разнообразнейшей аппаратуры. Разложил на элементы воду, минералы, словом, создает городу атмосферу. Всем нам пришлось здорово попотеть, чтобы плотными переборками отгородить наш ярус. Для этого папа разработал целую систему кессонов — камер, давление воздуха в которых постепенно спадает. Теперь мы герметически закупорены, — по крайней мере, так думает папа, он не допускает, чтобы селенитские строители сделали еще где-то выход: был бы сквозняк. Несколько раз воздух все же вырывался сквозь переборки. Приходилось снова и снова подгонять их, закладывая каменными плитами. В конце концов, настойчивый человек добивается своего!

Николай сказал: «Это подземелье мы, возможно, и наполним воздухом, но создать атмосферу для всей планеты вряд ли удастся».

Отец горячо возражал. Вообще, я замечаю, что нервы у него возбуждены. Боюсь, что когда мы вернемся на Землю, он ляжет от нервного истощения...

А Загорский по-прежнему стоит на своем:

— Природа все-таки поставила человеку определенные границы, через которые не переступить.

— Надо верить в силу человеческого разума, — в силу науки! — возбужденно воскликнул отец. — И когда уже с нас спадет эта вековая скорлупа! Сам ведь одну «непреодолимую» границу переступил — перелетел с одной планеты на другую, а все твердит одно и то же... Нет для науки границ и пределов!

Допустим, что так, но все же: создать атмосферу на Луне... — трудно себе представить!

— Да это ж нужно половину вещества Луны превратить в газ! — не сдавался Николай. — А может, и того больше!

Отец доказывает, что это не так. Сопоставляет плотность минералов и газов, «планирует» атмосферу не более, чем на три-четыре километра высоты. Неужели его замысел осуществится?»

«...У нас дискуссия за дискуссией: что мы ни делаем — ищем ли селенитские захоронения, стараемся ли обнаружить следы металлов, — всегда как-то незаметно завязывается спор. Николай убежден, что селениты не знали металлов. Отец утверждает, что хотя, возможно, селениты и не знали меди, бронзы и железа, но металлы здесь, безусловно, есть. Они сосредоточились в ядре планеты. Только по поводу захоронений они единодушно сошлись на том, что селениты, видимо, сжигали умерших.

— А вот эти, что остались? — спросила я.

— Этих уже некому было предать огню. Эти последние, — объяснил отец...

...Загорский раскритиковал здешние сутки, которые продолжаются... месяц.

— Какие растения выдержат двухнедельную ночь? Или животные?

Отец напомнил ему о полярных ночах на Земле, длящихся несколько месяцев, о растениях и животных Заполярья.

— Жизнь всеильна! — восторженно провозгласил он».

«...Они ходят по туннелю без скафандров! Вот когда пригодился барометр! Показывает «ясно». Значит, атмосфера Луны зарождается. Можно уже разговаривать без микрофонов, воздух передает звук. Очень неприятное впечатление производит мрачная фигура Дика. Бродит, как привидение, не снимая скафандра. Что-то вынашивает в себе опасное, коварное. Занял отдельную комнатку, неподалеку от нашего зала»...

«...Но как долго тянется ночь. Здесь хоть и светло, как днем, но все же она действует на нас угнетающе. Николай добился своего: отец научился играть в шахматы и уже влел ему один мат.

Сейчас они спят все трое, раскинувшись на матрацах, а я дежурю. Сажу и пишу, примостив тетрадь на коленях. Разные диковинные мысли лезут в голову. Иногда мне кажется, что все это сон... Хотя бы скорее всходило Солнце и начинался большой день!»

НЕВИДИМЫЙ ВРАГ

Ольга бродила между колоннами храма — настороженная, встревоженная. И, несмотря на то, что этот ярус глубинного города уже был заполнен атмосферой, девушка ходила в скафандре. Правда, с отключенным кислородным баллончиком, но в случае необходимости — достаточно было лишь повернуть краник. «Здесь ожидают нас самые неожиданные сюрпризы, — говорил отец Ольге. — Надо быть всегда начеку». А ей-то что? Скафандр легкий, как перышко. Здесь ходишь — будто тебя на крыльях носит.

За порогом храма — в широких улицах-туннелях, в залах и на площадях — сияет яркий солнечный свет, непрерывно льющийся из чудесных прозрачных шаров, аккумулирующих, как считает Загорский, световую энергию. А здесь сумерки. Мерцает холодным огнем ледяная глыба в «чаше». А сверху, на каменном своде сияют изображения созвездий.

Ольга ходит не спеша и освещает себе путь фонарем. Яркий сноп электрического света выхватывает то массивные подножия колонн, то шестигранные камни стеной облицовки. Иногда Ольга постукивает топориком по стенам и колоннам. Неужели здесь не скрыты какие-нибудь тайны? Особенно интересует Ольгу медицина — вот если бы найти какие-нибудь селенитские лекарства! А, может, селениты вовсе не знали болезней?

Вдруг Ольга остановилась: она заметила трепетное мерцание. До слуха ее отчетливо долетел какой-то приглушенный шум. Она оглянулась на «чашу». Сквозь трещину пробивалась струя какого-то серого газа, отбрасывая дрожащую тень. На какое-то мгновение Ольге показалось, будто зашевелились истлевшие селениты. Но это было только мгновение. «Чего пугаться, — подумала Ольга. — Обыкновенное геологическое явление. Может, некогда здесь был вулкан?..»

Струя газа достигла свода, коснулась звезд.

Прошло еще минут пять или десять, и газ перестал выходить, развеялся по храму, словно фимиам во время богослужения. Побегать и рассказать обо всем отцу, что он скажет?

Ольга кинулась бежать. Каждый ее «шаг» был менее десяти метров, только стены мелькали. Вот если б она так могла бегать по Земле! Это же был бы неслыханный, невероятный рекорд!

Вот и их «кают-компания» — сияющая, залитая светом просторная комната. Работает «аппаратная», беспрерывно пополняя и фильтруя атмосферу, отец и Загорский, сложив руки на коленях, неподвижно сидят за шахматами. Обдумывают ходы, что ли? Около них лежит на матраце Милько.

— Вы тут шахматами занимаетесь, — быстро заговорила Ольга, отодвигая шлем скафандра, — а там такое...

— Что же там произошло? — тревожно спросил Плугарь. — Почему свет погас?

— Какой свет?

— Ну, какой... Ты же видишь, что мы сидим в темноте. И партии не доиграли... Сперва свет потускнел, а затем...

Ольга едва не вскрикнула, но закусил губу, сдерживая себя. Свет заливал комнату, пронизывал все грандиозное подземелье, но они... они его не видят!

— Почему ты молчишь, Ольга? — спросил отец. — Включи, наконец, свой фонарь!

— Наши почему-то не работают, — добавил Загорский.

— Успокойтесь, отец, — едва не плача промолвила Ольга. Комок подкатывал к горлу. — Сейчас мы все выясним.

«Они ослепли! Совсем ослепли!» — думала Ольга, глядя на их лица. В широко открытые глаза Плугаря и Загорского бил свет, но они не реагировали на него. Да и фонарь Милько включен... Михаил взял его в руки и ощупью принялся разбирать...

— Понимаете, папа, — начала Ольга как можно спокойнее: я наблюдала струю газа...

— Ну, а свет?

— Свет... есть...

— Там есть свет? — обрадовался Плугарь. — Чудесно! Тогда давай скорее фонарь, Михаил починит наши, и перебазуемся. Возможно, нам удастся возвратить свет и сюда...

Ольга не выдержала — всхлипнула, зажимая рот ладонью, но не могла совладать с собой, громко зарыдала.

— Что с тобой? — поднялся Плугарь. — Иди ко мне... — он поднялся и протянул к ней руки. Сквозь слезы Ольга увидела: это жесты слепого. И заплакала еще сильнее.

— Да что с вами, Оля? — поднялся и Загорский. Они стояли такие беспомощные, и Ольга прижалась к отцу.

— Я скажу вам откровенно... — заговорила Ольга. — Нельзя терять ни минуты. У вас повреждено зрение!..

— То есть, как это повреждено? — спросил Милько.

— Что ты имеешь в виду? — сжал Плугарь локоть Ольги.

— У вас временная потеря зрения. Свет есть и здесь и везде, фонари действуют, а вы не видите... — выпалила Ольга. Но не волнуйтесь, это, должно быть, на нервной почве, медицине известно множество таких случаев...

Плугарь, Загорский и Милько словно окаменели. Стояли молча, тяжело дыша. На висках у них заблестели капельки пота.

— Сядем, — наконец, произнес Плугарь. — Обдумаем...

Возбужденная Ольга начала расспрашивать.

— Расскажите, как это случилось: сразу или постепенно?

— Я уже тебе говорил, Оля, свет угасал постепенно...

— А мне казалось, — вставил Загорский, — что были и вспышки. Угасал-угасал свет, а потом вспыхивал на короткое мгновение.

— А я спал, — сказал Михаил. — Проснулся — темно.

— Головные боли есть?

— Вроде есть... — неуверенно произнес Плугарь.

— А у вас, Загорский?

— Как будто нет.

Он начал ощупывать голову, запуская пальцы в густую шевелюру.

Ольга задумалась. А что, если это какие-нибудь селенитские микробы? А что, если этот свет опасен? Но почему же тогда на нее он не действует — она больше, чем они, смотрела на него.

— Глаза болят?

— Нет, — сказал Загорский.

— И у меня нет, — подтвердил Плугарь.

Не болели глаза и у Милько.

Ольга старалась собраться с мыслями. Одно ясно: и на отца, и на Николая, и на Михаила влиял один и тот же фактор. Но разве она не в таких же условиях? Все они, четверо, в одинаковом положении! Но в одинаковом ли?

Загорский начал протирать глаза кулаками.

— Не надо, Коля. Это не поможет, — с нежностью коснулась его руки Ольга. — Здесь что-то иное...

Взгляд ее упал на открытую голову отца. «Да ведь они без скафандров! Ну да, конечно. В этом вся разница! Я защищена, а они нет...» — Эта мысль мелькнула, как молния.

— Скафандры! — воскликнула Ольга. — Сейчас же наденьте скафандры! — Она бегом принесла им скафандры.

— А в чем дело? Зачем? — спросил Плугарь.

— Отец, я думаю, что это произошло из-за какого-то вредного излучения. Я почти все время была в скафандре — и со мной ничего не случилось. А вы... Надевайте, скорее надевайте!

Плугарь, Загорский и Милько поспешно оделись. Ольга тоже плотнее приладила свой шлем. Переговаривались с помощью раций.

— Может быть, это и так... — задумчиво произнес Плугарь. — Наверное, это так и есть... Сняв свои защитные костюмы, мы открыли себя потокам космических лучей...

— Неужели они проникают сюда? — с тревогой спросил Николай.

— Выходит, что проникают. Это ливень частиц громадной энергии, — сказал профессор. — К тому же на

их интенсивность, должно быть, влияет мощное магнитное поле Земли разгоняет до больших скоростей... Но какая непростительная небрежность... не захватить с собой счетчик. Он бы нам сразу показал. А как ты считаешь, Оля, зрение уже непоправимо?

— Что вы, отец! Вы будете видеть, обязательно! Причину, я думаю, мы уже устранили.

— Для верности перебазируемся вглубь. Главное — не терять надежды.

Плугарь решил спуститься вглубь планеты. Он велел взять с собой воду, продовольствие и аппаратуру для добычи кислорода. Получилось три больших тюка. Нести их должны были мужчины. Ольга взяла на себя роль проводника. Она, хоть и с большим трудом, разобрала кессоны, чтобы открыть путь. Дик остался в своем логове. Ему выделили достаточное количество всего необходимого.

Когда мужчины подняли тюки на плечи, Ольга спросила:

— А шахматы как же... оставляются Дику?

— Нет, нет, — воскликнул Иван Макарович, — шахматы возьми! Мы еще доиграем партию. Правда ведь, Николай!

— Это зависит от Ольги, — невесело сказал Загорский.

— Значит, все будет в порядке, — произнесла Ольга как можно веселее. Держа в руках шахматы, она повела экипаж по залитому светом туннелю.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЛЮК

Там, на поверхности Луны, стояла холодная ночь, а в ярусах глубинного города сиял неугасимый день.

Несколько часов спускались с «этажа» на «этаж». Переход ни капельки не утомлял, но нервы все время были напряжены, и это изнуряло. Кто знает, какие еще неожиданные подстерегают их в этом удивительном городе?

Пока что ничего нового Ольга не обнаружила: вдоль туннеля тянулись точно такие же помещения, как в районе храма; возможно, что в них и скрывалось что-нибудь иное, но рассматривать их не было времени.

В нескольких местах наткнулись на обвалы — из туннельного свода выпали камни, нагромождения их преграждали путь. Но осветительная система, к счастью, не была повреждена, и Ольга уводила отца, Милько и Загорского все дальше и дальше. Сперва долго спускались по ступенькам, а потом очутились в туннеле, который, круто сворачивая, вел, казалось, в самый центр планеты.

Наконец, Иван Макарович велел остановиться.

— Думаю, что достаточно. Мы уже на большой глубине...

Никто не возражал.

Ольга облюбовала просторный зал.

— Ого! Здесь, оказывается, целые штабеля каких-то каменных плиток! — воскликнула она. — Будет из чего добывать кислород. Да положите уже свои тюки.

Она старалась говорить так, будто ничего не случилось, хотя тревога наполняла ее душу, как наполняют зимнее небо колючие звезды.

— Что касается плиток, — ты не торопись, — отозвался Плугарь, осторожно опуская свой тюк на пол, покрытый слоем мягкой пыли. — А ну-ка, присмотрись: они специально отделаны? Сложены в определенном порядке?

— Да, отец. Они разложены как бы по стеллажам...

— Может быть, это селенитская библиотека? — произнес Загорский. Он стоял около своей ноши, беспомощно опустив руки.

— Вот и я так думаю, — поддержал Иван Макарович. — Возможно, библиотека, а может быть — архив документации. Дай-ка нам плитки, Ольга.

Ольга подала им по плитке. Ощупали их со всех сторон пальцами: легкие, отшлифованные, без всяких рельефных выступов, без малейших углублений.

— Какого они цвета? — спросил Иван Макарович, Ольга вытерла, присмотрелась.

— Они разноцветные. Какая-то мозаика цветных пятен.

— Искусственная?

— Нет, как будто естественная.

— Хорошо, разберемся потом. Но для кислорода придется искать камни где-нибудь в другом месте. Давайте предполагаться.

Ольга все-таки пустила плитки в работу — выгребла ими пыль из, помещения.

— Ах, отец, почему мы не захватили из дому пылесос! — шутила она.

Все время, помогая развязывать тюки, раскладывая постели, Ольга старалась развлечь ослепших. Сперва, может быть, в этом и чувствовалась какая-то нарочитость, но вскоре установилась нормальная атмосфера человеческого содружества. Когда же Ольга приступила к лечению, то даже у Загорского настроение заметно улучшилось.

Молодой врач решила сделать своим пациентам инъекции синтетического витамина и дать снотворное, чтобы больные спали не менее двадцати часов подряд.

С помощью Ольги установили и запустили кислородную аппаратуру. Хотелось как можно скорее наполнить помещение воздухом, чтобы снять скафандры. Лежать в них было крайне неудобно, а главное, Ольга не могла делать уколы. В несколько приемов Ольга натаскала целую кучу камней, из которых и начали добывать «атмосферу».

Как только проход был плотно заделан каменными «зеркалами», стеклянные шары, освещавшие зал, погасли.

— Интересно, интересно, — сказал Плугарь, когда Ольга сообщила ему об этом, — Свети фонарем, электричества у нас хватит!

Ольга включила фонарь, провела им по залу, и когда луч света случайно упал на один из шаров (а их тут было пять один в центре свода, а четыре по углам) — все они снова засияли.

Рассказывая об этом, Ольга повторяла свой опыт.

— Вот я выключаю фонарь. Шары гаснут. Включаю — светятся.

— Световой эффект Ольги, — пошутил Милько. — Что же он означает?

— А то, что одно из чудес Луны мы уже расшифровали, — ответил Иван Макарович. — Выходит, что эти шары не аккумулируют свет, а только передают его. Хотя некоторые из них сделаны, наверное, из минерала, обладающего и собственным свечением. Ведь в предыдущую нашу «квартиру» свет каким-то образом проникал? Не обязательно через вход. Тут, очевидно, какая-то сложная система.

— Где же тогда источник света?

— Кто его знает, это мы еще исследуем... Может быть, селенитские строители пробили осветительные колодцы с другого полушария? Вот и получается, что Солнце все время питает всю осветительную сеть.

— Если это так, Иван Макарович, то и нам есть что позаимствовать у селенитов.

— А вы как же думали?

Через несколько часов работы кислородной аппаратуры, Иван Макарович спросил:

— Ну, что показывает барометр, Ольга?

— А я и забыла о нем! — девушка вскочила. — Работает! «Ясно» показывает наш барометр. Дождя можно не бояться.

— Тогда снимем свои чехлы.

Без скафандров сразу стало гораздо удобнее. Первым делом смогли подкрепиться, затем Ольга принялась за лечение.

Иван Макарович держался, как легендарный философ. Его спокойное лицо словно говорило: «Мне известно то, о чем многие и не догадываются... Не глазами, а умом надо проникать в сущность вещей». Он ободрял не только Загорского и Милько, но и Ольгу, считавшую теперь себя единственным источником оптимизма: ведь она одна осталась невредима. Должно быть, под влиянием Олиной психотерапии и выдержки Плугаря, взял себя в руки и Загорский.

— В старое время, — сказал Милько, — церковники провозгласили бы о нас так: «Свет померк для них, ибо они переступили черту дозволенного». А разве есть предел пытливости человеческого ума? Ведь правда, Иван Макарович, что и теперь, в эпоху ядерной энергии — мы даже представить себе не можем, что создаст человечество в далеком будущем?

...Проходили долгие томительные часы.

Беззвучно работала кислородная аппаратура, разъединяя крепко спаянные элементы и наполняя помещение животворным газом. Его с жадностью вбирали в себя легкие посланцев человечества, но не только это поддерживало в них огонь жизни. Мысли, сознание, воля, — то есть все, что отличает человека от животного, — играло не меньшую роль, чем кислород.

Иван Макарович и Загорский сидели на своих матрацах. Ольга все ходила и ходила по залу; а рядом, в каменных плитках, сложенных штабелями вдоль стен, дремала селенитская мудрость. Разговаривали преимущественно на философские темы пока Ольга, поглядев на часы, не приказала принимать снотворное.

— Пациенты должны слушаться врача, — с напускной строгостью говорила она, поправляя постели.

Когда «пациенты» засыпали, Ольга оставалась наедине со своими мыслями. Верила ли она, что отец, Николай и

Михаил поправятся? Да, верила. Действие вредных лучей, по ее мнению, должно быть непродолжительным. Клетки зрительных центров, вероятно, только угнетены. Препарат синтевитамин — чудесная, необычайно эффективная мера. Ну, а регенерация — восстановительная способность организма... Ольга не сомневалась, что все это даст хорошие результаты. Они будут, будут видеть!

Время шло. Луна, как зачарованная, обходила Землю, не сводя с нее глаз; и как ни медленно она вращалась, но к мраку, скрывавшему известное людям полушарие, уже приближался солнечный свет.

Вскоре он блеснет на высоких вершинах гор, обступивших поверженную ракету, потечет вниз, и золотой серп будет расти и расти!

Трехсотпятидесятичасовая лунная ночь близилась к концу.

...Уже больше недели — если исходить из расчета земных суток — Ольга лечила отца, Михаила и Николая.

Наконец — наступил желанный миг!

— Оля! Оля! — Милько тронул сонную девушку за плечо. Она спала на боку, словно к чему-то прислушиваясь.

— Оля! — прошептал снова Михаил.

Девушка открыла глаза и, увидев его возбужденное, радостное лицо, поняла все.

Она молча повернула Михаила спиной к горящему фонарю, чтобы не было резкого раздражения, и указала на спящего отца, потом на Загорского.

— Видишь?

— Вижу, — шепотом ответил Михаил.

Ольга показала ему каменную плитку.

— Вижу, Оленька, все, все вижу!

Михаил порывисто подхватил ее на руки, закружил по залу.

— Тише! — погрозила ему пальцем Ольга. — Пусть они спят...

Они отошли к штабелям с плитками, зашептались.

— Понимаешь, Оля, проснулся я, — темно, но чувствую... что вижу... Нащупал фонарь...

Они говорили так, словно не виделись целые годы. Совместно пережитое несчастье как-то еще более сблизило их, и если бы Михаил поцеловал Ольгу, это ее не удивило бы. Но юноша не решился. Только смотрел на нее восторженно, шепотом рассказывал, как почувствовал, что вернулось зрение.

Загорский и Плугарь прозрели позднее. Когда глаза профессора стали видеть, куда и делалось его философское спокойствие. Ольга и Михаил улыбались, глядя, как Иван Макарович подносил к лицу руки, шевелил пальцами, не сводя с них глаз. Он не суетился, не восклицал, а только глядел на свои руки. На ресницах профессора блеснули слезы.

— Ну, что ж, товарищи! — взволнованно произнес он, пряча руки за спину. — Теперь будем осторожнее. Матушка-природа шутить не любит...

Помощь Земли Плугарь рассчитывал получить с наступлением на Луне дня. По его подсчетам, до прибытия второй ракеты оставались считанные дни: один или два...

— А как же они нас найдут? — спросила Ольга.

— Найдут! — сказал Иван Макарович, рассматривая каменную плитку. — Местоположение нашей ракеты известно. Следы поведут прибывших до вездехода, а оттуда уже...

— ...Также по следам, — перебил Загорский.

— А разве мы не выйдем навстречу?

— Почему же не выйдем? — Иван Макарович рассматривал все новые и новые плитки. — Заготовим запас кислорода, будем наведываться к выходу. А поднимется Солнце — переберемся в ракету, там все-таки удобнее, не правда ли?

— Конечно, — обрадовалась Ольга. — А пока что, папа, позвольте нам с Михаилом немного погулять в этом селенитском Вавилоне... Не бойтесь, далеко заходить не будем. Вы с Николаем тут коренные жители, а нам...

Ивану Макаровичу не хотелось отпускать Ольгу в путешествие по этому лабиринту. Профессор будто предчувствовал опасность.

— А может, не надо, Оля? — говорил он. — Скоро мы наполним весь город атмосферой — вот. тогда ходи, изучай!

Но Ольга настаивала, доказывала, что она не «тепличная». К тому же здесь нельзя заблудиться: пыль сохраняет следы, а свет заливает все ходы!

И профессор, в конце концов, согласился. Посоветовал только взять на всякий случай запасные баллоны кислорода.

— Далеко не ходите. Вас, Михаил, назначаю старшим.

— Есть, Иван Макарович.

И они ушли.

Профессор вместе с Николаем закрыл дверной проем, проверил работу аппаратуры и снова принялся рассматривать «библиотеку». Но какое-то неясное тревожное ощущение не покидало его.

Не прошло и получаса, как Милько вернулся. Николай и профессор поспешно надели скафандры и выкачали воздух. В наушниках раздались полные отчаяния слова юноши:

— Ольга исчезла, Иван Макарович! Просто словно сквозь землю провалилась. Следы обрываются на ровном месте... а ее нигде нет... Отошла в сторону от меня метров на двадцать и вот...

— Ведите меня туда!

Шли быстро и молча. Никуда не спускались, находились на этом же ярусе. За углом туннеля в стене — проем.

— Она свернула сюда — вот ее следы...

Следы Ольги вели через груды камней в какое-то тесное помещение, похожее на каземат. Осветительного шара там не было, пришлось освещать путь фонарем. Следы были лишь до середины пола, выложенного массивными четырехгранными плитами. На одной из плит пыль была совершенно стерта, — словно Ольга сидела там. И больше нигде ничего, никаких примет.

— Оля!

— Оля!

Девушка не откликалась. Лучи фонарей ощупывали немые стены...

— Очевидно, она шла вот так... — Милько перепрыгнул через кучу камней и побежал по следу. И тогда произошло неожиданное: как только Михаил ступил на ту плиту, с которой стерта была пыль — мгновенно исчез. Его поглотил каменный люк!

Профессор вскрикнул от ужаса. Пока он добрался до злополучной плиты, она уже уравнилась и плотно закрывала отверстие. Опустившись подле нее на колени, нажал на край плиты. Камень подался, открылось темное отверстие. Направил туда свет фонаря — сколько достигал взор — зиял бездонный круглый колодец! Показалось, что ветер подул из его глубины.

— Михаил! Ольга! Оля! Михаил! — в отчаянии кричал профессор, но ответа не было.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Иван Макарович вышел из страшного «каземата» и побежал в нижний ярус. Забыв об осторожности, он мчался огромными прыжками, то перескакивал через груды камней на пологих спусках, то преодолевая крутые ступени. Выбирал дорогу так, чтобы спуститься вглубь, поблизости от колодца, в который упали Ольга и Михаил. «Ведь он не бесконечный, — тревожно билась мысль. — Может быть... может быть, они еще живы...»

Поворот, еще поворот. Куда ведет этот каменный желоб? Иван Макарович почувствовал, как его виски под скафандром покрылись потом. «Не надо горячиться, — говорил ему внутренний голос. — Надо все хорошенько взвесить, обдумать...»

Остановился, оперся плечом о холодную немую стену. Конечно, горячиться не надо, но что же делать? Вдруг взгляд его скользнул по шкале кислородного баллончика. В первое мгновение он как-то и внимания не обратил на показания шкалы. Но когда поглядел вторично, — его бросило в жар. Кислорода оставалось совсем мало. Если стоять здесь и раздумывать, то на обратный путь не хватит.

Глубоко вздохнув, Иван Макарович пошел обратно, вверх. Теперь уже часто поглядывал на шкалу. Шел размеренно, старался погасить тревогу, но все было напрасно. Воображение рисовало ему такие родные, милые лица, и до боли жгучие мысли вспыхивали, как молнии. «Конечно же, они погибли! Не смог уберечь...»

Добравшись до «библиотеки» с последними каплями кислорода, Плутарь зарядил баллон и сразу же отправился на розыски. Загорского не пустил.

Вероятно, легче было титану Атланту поддерживать небосклон, чем Плугарю переживать горе, выпавшее на его долю. Однако он переносил его мужественно.словно окаменел. Жил, стиснув зубы, но жил! Сколько раз бросался на розыски Ольги и Милько! Селенитский город казался ему каменным мешком. Иван Макарович то спускался глубоко

вниз, стараясь отыскать боковой ход в злополучный колодец, то возвращался в «библиотеку», чтобы наполнить свой кислородный баллон. Отчаяние и тоска разрывали ему сердце. Скоро, буквально через несколько часов может прибыть вторая ракета, прилетят его друзья по работе... Не радостной будет встреча!

...Начинался новый день — второй день пребывания людей на Луне. Длинная лунная ночь отступала перед солнечными лучами. Сначала они блеснули на вершинах высоких гор, потом постепенно опускались вниз и, наконец, стали заливать все большие пространства планеты. «Серпик» рос. Вот северный его рожок черкнул по «Комете», огромный блестящий иллюминатор ослепительно вспыхнул. Загорский, который выбрался из «подземелья» на поверхность и хозяйничал у вездехода, этого радостного блеска не видел: ракету заслоняли горы. А вот экипаж второго астроплана, с огромной скоростью приближавшегося к Луне, возможно, и заметил этот яркий блеск!

Настроив радиостанцию вездехода, Загорский сидел, подставив плечи ласковым солнечным лучам. Вдруг его будто толкнуло — вскочил, стал на сиденье машины. В наушниках слышался какой-то шум! Может быть, это просто в голове шумит... Или, может быть... он кинулся к пульту рации. В защитных перчатках неудобно было работать, и Загорскому казалось, что он очень долго возится с рычажками. Наконец, треск и обрывки фразы: «...та...та...ку».

Еще несколько поворотов маленького рычажка, и в наушниках зазвучало очень четко:

«Комета», ««Комета»... Идем на посадку!...»

Вскоре Загорский увидел и ракету. Словно гигантское серебристое веретено медленно спускалось с черного неба. Из нижнего конца его вырывался золотистый сноп. Вот «веретено» скрылось за горными шпилями. «Удачно ли приземлились?» — встрепелось сердце Николая. Он начал быстро работать на передатчике:

«Поздравляем с прибытием, товарищи! Наше местонахождение...»

Связь установить удалось! «Комета-2» села благополучно неподалеку от первой ракеты. Загорский хотел подъехать к ней вездеходом, но мотор не работал: вероятно, от резкого изменения температуры что-то в нем испортилось. Николай попросил долгожданных товарищей прийти к нему как можно скорее.

Нервно ходил он вокруг вездехода. Казалось — очень долго нет дорогих земляков. А когда они прибежали — трое сильных, быстрых, как ветер, от волнения не мог вымолвить и слова... Молча пожали друг другу руки, обнялись.

— А где же ваш экипаж?

— Идемте... Идемте, нельзя терять ни минуты! — воскликнул Загорский и первый бросился ко входу в туннель. На этот раз он просто прыгнул в глубокое русло, за ним спустились остальные. В туннеле, спускаясь гигантскими ступенями к храму, Загорский рассказал о несчастье. Шли, не останавливаясь ни на секунду. Даже истлевшие селениты не привлекали к себе внимания. Они пролежали здесь тысячелетия — подождут еще, а Ольга и Михаил...

Спускались из яруса в ярус.

Наконец — «библиотека». А вот и злосчастный каменный люк.

Теперь, когда далекая Земля прислала помощь, когда рядом были товарищи, в сердце Ивана Макаровича затеплилась надежда. Ему хотелось верить, что Михаила и Ольгу все-таки удастся спасти.

— Если они не разбились, то хватит ли у них кислорода?

— Должно хватить, — неуверенно ответил Плугарь. — У них были западные баллоны.

Быстро составили план розысков. Самое главное — взять с собой как можно больше кислорода. Спустившись вглубь, обследовать не один туннель. Плугарь останется у кислородной аппаратуры, Загорский, в случае надобности, будет возвращаться и приносить новые баллоны.

— Эх, будь у нас канат, — сказал кто-то. — Можно было бы прямо в колодец...

Они пошли по туннелю и быстро скрылись за поворотом.

СЕЛЕНИТСКОЕ МОРЕ

Сплошная тьма ослепила Ольгу. В ушах словно ветер зашумел. Вся съезжилась, ожидая удара. А в голове — целый рой мыслей. Как по-глупому вышло! Заметил Михаил? Хотя бы с отцом ничего не случилось. И всегда она проваливается. Это уже второй раз на Луне, второй и... Вдруг Ольга ударилась о что-то мягкое, в глазах поплыли желтые круги, и она потеряла сознание. Сколько прошло времени, не знала. Понемногу начала приходить в себя. Все ее существо как бы выплывало откуда-то из темной глубины на свет. Но что это? Неужели она лежит на воде?

Да... Ольга тихо покачивалась на волнах, видимо, поднятых ее падением. Ее поддерживал наполненный воздухом скафандр. Но какая странная вода — синяя-синяя, почти черная! Будто вместе с водой в эту громадную пещеру, куда еле пробивался свет, стекла и синева лунного неба. Ольга лежала на спине, но как только сделала попытку перевернуться, острая боль обожгла левую ногу. Вывих? Трещина? Или разрыв сухожилий? Ой, что же она теперь будет делать?

Все-таки заставила себя повернуться.

Посмотрела через забрызганные очки шлема — вокруг темнеет вода! Да это же море! В недрах Луны — море!.. И как хорошо, что открыла его — она! Вот расскажет отцу... Как он назовет его?

И тут Ольга подумала о возвращении в «библиотеку». Но как же выбраться из этого моря? С одной стороны сплошная каменная стена, по-видимому, отшлифованная водой, с другой — вода.

Должно быть, миллионы лет тому назад селениты вывели в этот естественный резервуар воду из своих умирающих рек и морей. Неужели отсюда нет...

Неожиданно ее качнуло, на скафандр густо посыпались брызги. Оглянулась. Неподалеку кругами расходились волны, словно упал камень. Прошло несколько секунд, и на

поверхность вынырнул. Михаил! Ольга сразу, узнала его и — по правде говоря — в первое мгновение обрадовалась.

— Михаил! — крикнула она в микрофон.

Молчание.

— Михаил!

Опять в наушниках ни звука.

Тогда она легко подплыла к юноше и коснулась его плеча. Но поговорить не удалось. Сквозь очки они видели, что губы их шевелятся, но звуков не слышали. Иногда в наушниках раздавался какой-то неясный шум, но он тут же стихал. Стали объясняться жестами. Рации — это не беда, главное, скафандры выдержали!

Михаил показал рукой в сторону, Ольга заметила на воде какой-то предмет. Что бы это могло быть? Осторожно подплыла и чуть не вскрикнула — на волнах покачивался ее кислородный баллон. А если бы они не заметили? Поспешно, словно боясь, что баллон исчезнет, она схватила его. Так и есть, оборвались лямки. «А у тебя?» — кивнула Михаилу. «Все в порядке», — таким же кивком ответил он. При падении Михаил тоже ударился — нестерпимая боль колола в самое сердце...

Гребя руками, они поплыли рядом. Скафандры, наполненные воздухом, помогали держаться на воде, а кроме того, плавалось здесь так же легко, как в море на Земле. Если бы можно было еще работать ногами, — было бы совсем хорошо. «Подземелье», налитое синей водой, освещалось совсем слабо. «Свет попадает сюда из туннелей, — думал Михаил. — Надо найти выход, не теряя ни минуты...» Тревожными взглядами ощупывали они каменный «берег», который, поднимаясь на высоту нескольких десятков метров, переходил в такой же тяжелый серый свод. Вверху они увидели еще одно отверстие колодца, но что толку от этого?

Страх медленно заползал в душу Ольги, страх и безнадежность. Девушке казалось, что и время уже остановилось, что они плавают здесь бесконечно и кислород вот-вот кончится. В своем воображении она видела то встревоженного отца, бегущего сюда по туннелям, то себя с Михаилом

мертвых на воде. А ведь скоро должна придти помощь с Земли... Когда же их найдут?..

Михаил тоже видел, что шансов на спасение почти нет. Ярость душила его. Хотелось кинуться на проклятую стену, разрушать, крошить ее руками...

Отверстие!

— Смотри, Оля, отверстие! — закричал он в микрофон, забыв, что радио не работает. Шум и треск наполнили уши. Показал рукой, и они поплыли быстрее. Только бы выбраться, только бы выбраться из этого селенитского моря!

Но отверстие, видимо, промытое водой, зияло чересчур высоко. Словно дельфин, рванулся Михаил вверх. Еще и еще раз. Хватался руками за стену, скользкую, покрытую мхом, но это были жесты отчаяния. Иногда ему удавалось выскочить из воды по колени, но до пролома было все еще высоко. Не за что ухватиться! И каждый раз Михаил падал, глубоко, с головой опускаясь в синюю воду.

Ольга тоже подплыла к стене, пощупала ее ладонями — а вдруг найдется хоть маленькая зазубрина.

«Попробую высадить Ольгу, — подумал Михаил, — может, хоть она спасется». Но ничего из этого не вышло. Если ему и удавалось приподнять девушку, сам он опускался в воду. Бросок поднимал ее не намного выше, тем выбрасывался сам Михаил.

Усталые, обессиленные, они вытянулись на спине. «Неужели нет других отверстий? — думал Михаил. — Наверное, нет — иначе вода испарилась бы. А так — она почти герметически закупорена. Эта промоина, видно, не так давно появилась — и то уже сколько воды выпила! А может быть, все-таки еще где-нибудь есть?»

Поплыли снова. Вдруг Ольга толкнула его и показала рукой назад. То, что они увидели, было таким неожиданным, таким невероятным. Вдали катилась высокая волна! Что бы это могло значить?

Михаил что-то кричал, показывая то на волну, то на пролом. Наконец, он схватил девушку за пояс и начал отгребаться от стены. Ольга догадалась: волна может ударить

их о камень... Энергичнее заработала руками. Но вот Михаил остановился, они повернулись к пролому. Снова жестами юноша указывал то на пролом, то на волну. А волна приближалась, отсвечивая крутым боком. «Чего хочет Михаил?» — подумала Ольга. И вдруг молнией сверкнула догадка: волна может выбросить их в пролом!

Приготовились. Затаив дыхание, считали секунды. Вот она, вот! Все произошло так быстро, что Ольга и глазом не успела моргнуть. Опомнилась уже на плитах туннеля, — о ужас! Они лежали над самым краем... Отступая, волна едва не унесла их назад. Что это было, такое сильное, могучее и... хорошее? Они не знали, да и где им было размышлять над такими вопросами? Ольга попыталась подняться, но боль обожгла все тело, свалила наземь. Стиснув зубы от боли, которая пронизывала его самого, Михаил поднял декушку на руки и, хромя, пошел в глубь туннеля.

ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ МИХАИЛА МИЛЬКО

Туннель и туннель. Длинный, бесконечный и, как стало казаться Михаилу, однообразный. Потрясенный всем случившимся, удрученный состоянием Ольги, он совершенно не обращал внимания на то, мимо чего раньше не прошел бы равнодушно. В одной из громадных пещер, через которую вел туннель, лежало нечто, похожее на скелет гигантского, должно быть, морского животного. Михаил не стал рассматривать эти останки какого-то лунного бронтозавра. Осторожно переступая через них, пересек пещеру и спустя некоторое время попал в новый туннель. Часто преграждали путь обвалы. Порой попадались неосвещенные кварталы; приходилось пробиваться сквозь тьму наощупь. Старался идти все время влево. Он считал, что колодец, в который они упали, находится где-то слева. Поблизости от него он подыметесь наверх — там «библиотека»! Не отводил глаз от пыли, покрывавшей пол туннеля. Хотелось, ох, как хотелось ему увидеть следы Ивана Макаровича! Ведь профессор, разыскивая их, мог спуститься и сюда... Но никаких следов не было. Тысячи, сотни тысяч лет здесь не ступала живая нога — неподвижным, мертвым слоем лежит вековая пыль... Ступня Михаила тонет в ней, и юноше кажется, что он идет по упругому слою дней, столетий, эпох. Они тут осыпались и ложились, как жертвы в борьбе живого с неживым. На долгое время неживое победило. Но вот на опустевшую арену боя прибыли они, советские астронавты, и планета начинает оживать! «Не печалься, Оля! — кричит Михаил в микрофон. — Жизнь бессмертна, непобедима!»

Девушка не слышит его слов, но сквозь очки видит: он говорит что-то ободряющее, хорошее. Улыбка освещает ее лицо. Молодчина, Михаил, с таким не пропадешь!

А туннель тянется бесконечно, сворачивает то вправо, то влево, пересекает другие туннели. На одном из перекрестков Михаил на минутку остановился. Куда идти? Присел, держа Ольгу на руках, возле какого-то причудливого каменного изваяния. Наверное, это было изображение мор-

ского животного: ни рук, ни лап — какое-то подобие плавников. «А в верхних ярусах — статуи женщин, — подумал Михаил. — Это, наверное, уже недалеко». Подключив запасные кислородные баллоны, жестом спросил Ольгу, куда, по ее мнению, идти? Она обвела взглядом три выхода на перекрестке и указала на тот, который имел в виду и Михаил. Там виднелись ступеньки, ведущие наверх, а это главное! И он зашагал, прижимая к груди Ольгу. Если бы они знали, что надо взять влево! Минут через пять, не больше, столкнулись бы с поисковой группой из экипажа второй ракеты... Но Михаила привлекали ступеньки, и он, как можно быстрее, бросился по ним вверх. А там снова натолкнулся на перекресток и свернул в туннель, который опять привел их вниз. Возвратились. Блуждали на расстоянии какого-нибудь квартала от группы искавших. В одном месте Михаил прошел прямо над ними — их разделяла каменная толща метров в двадцать пять. Нужно было только спуститься... Но спуск, он считал отступлением. Только наверх!

Почувствовал, что устал, участилась дыхание. «Скоро кончится кислород, кончится кислород...» — застучало в голове. Михаил понял, — что они заблудились в этой сети пробитых в каменной толще ходов, бьются, как в гигантской паутине.

Видя, что Михаил теряет силы, Ольга начала вырывать-ся. Она пойдет сама!

Михаил остановился, осторожно помог ей подняться. Держась за его плечо, ступила на левую ногу, и если бы юноша не подхватил ее, Ольга упала бы. Идти она не могла.

— Иди, иди один, — кричала она. — Может быть, хоть ты спасешься!

Михаил понял ее жесты, отрицательно покачал головой и еще крепче прижал к себе Ольгу. Если бы кто-нибудь со стороны видел, как шел Михаил, вероятно, подумал бы, что он пьян. Он шатался. Отстегнул пустой запасной баллон, и, когда он упал, сердито отшвырнул его ногой. Баллон, прочерчивая след в пыли, покатился по склону.

Вдогонку за ним покатился и второй, Ольгин.

Ноги у Михаила были словно налиты свинцом, идти стало трудно. Голова туманилась. Что-то давило, хотело остановить, повергнуть в эту вековечную пыль. «Разве ты не такая же пылинка? — шептали ему камни, — Сядь, остановись, и найдешь вечный покой, вечный покой!..» «Не хочу покоя! — бунтовал в душе неугасимый огонь. — Я жив, и если могу пройти еще хоть несколько шагов — я их пройду!»

Камни умолкали, Михаил шел вперед, и Ольге в полузабытье казалось, что она слышит, как бьется его непокорное сердце,

СЛЕЗЫ ИВАНА МАКАРОВИЧА

Казалось, отправив поисковую партию, Плугарь должен бы немного успокоиться. Но где там! Тревога росла в нем с каждой минутой. Не скоро они найдут дно этого колодца! «Упав, Ольга и Михаил могли остаться живы, ведь притяжение тут в шесть раз меньше, чем на Земле, — думал профессор, — но без кислорода... они задохнутся. Кроме того, ранения, ушибы...»

Иван Макарович схватил заряженный кислородный баллон и побежал к проклятому люку.

«Спускаю им! Это их спасет!» Став на колени у плиты, повернул ее и заглянул в черное отверстие колодца. Руки его дрожали, когда он поднимал баллон. «Оля, Михаил! Я бросаю вам баллон... Берегитесь!» Крикнув «берегитесь», Иван Макарович крепко сжал в руках баллон... чтобы не уронить его. «Что я делаю, — подумал он. — Если они не расшиблись, этот баллон может их добить...»

Вернулся в «библиотеку», проверил работу кислородной аппаратуры, нервно зашагал между стеллажами с каменными плитками.

Прошел час, другой — никто не возвращался. Плугарь еще сильнее встревожился: а вдруг и с этими людьми что-то приключилось? Но не может быть...

Шагая по «библиотеке», Иван Макарович заметил на стене против двери выступ метра в три высотой. Это заинтересовало — его может быть, потому, что и мозг и руки искали работы?.. Профессор подошел, внимательно осмотрел выступ. Нет, это не деформация стены и не элемент архитектуры. Стер пыль — увидел плитки с мозаичными письменами! Взял стальной топорик, осторожно поднял одну, другую... Под ними оказались камни в виде шестигранных брусков. Когда Иван Макарович вынул и их, перед ним открылась ниша, в ней виднелась в прозрачной каменной пленке фигура селенита. «Мумия основателя библиотеки или творца селенитского письма! — обрадовался профессор. О, да тут и некоторые предметы сохранились!»

Перебирал разноцветные каменные орудия, снова складывал их на место, фотографировал, но мысль неотступно возвращалась к Ольге и Михаилу. Что с ними? Почему нет вестей от тех, кто ищет их? Оставив мумию, он нетерпеливо подбегал к туннелю, надеясь увидеть возвращающихся людей.

И это мгновение настало! Идут! Плугарь кинулся им навстречу, но, увидев, что их только четверо, остановился как вкопанный, склонив голову. Потом медленно повернулся и пошел в «библиотеку».

— Иван Макарович!

«Они еще и говорят... — с болью подумал профессор. — Разве мне не ясно»...

— Иван Макарович! Все в порядке!

«Что? Утешают? Неужели они думают, что я могу заплакать, как ребенок?» Резко обернулся. Что это? Подходят четверо, но двоих из них несут на руках так, как носят детей: Ольгу и Михаила. Живы! Они живы!

И профессор Плугарь заплакал. Под шлемом никто не видел его слез, но он плакал, как ребенок.

...Поисковая партия углублялась в недра Луны так, чтобы колодец, в который упали Ольга и Милько, был осью спуска. Ориентироваться, конечно, было нелегко.

На каждом повороте или перекрестке останавливались, выбирая направление. В одном месте хотели даже долбить топориками стенку, но раздумали. Можно и не попасть к стволу колодца, а время будет потеряно. Да и вообще, когда они прошли километр или два в глубину, надежда на успех стала покидать их. Колодец, словно гильза, вогнан в толщу пород. Попробуй, доберись до него!

И вдруг неожиданно к их ногам скатился баллон, за ним другой! Не говоря ни слова, все бросились по следу...

«ГОВОРIT ЛУНА!..»

После сильного нервного напряжения Иван Макарович чувствовал себя совершенно разбитым. У него не было сил даже разговаривать.

— Иван Макарович! — обращались к нему прибывшие с Земли. — Скажите, как вы нашли эти катакомбы? Вы же здешние старожилы...

— Потом, потом, товарищи, — утомленно бросал профессор. Так он отвечал на все вопросы.

Ольга делала Михаилу перевязку. Он сидел на матраце и молча следил за ее движениями. Прикосновения девичьих рук были такими нежными... Михаилу хотелось прижаться щекой к узкой Ольгиной ладони и так сидеть и сидеть. А какие симпатичные веснушки у нее на лице! Что-то в ней есть такое... «Неужели влюбляюсь? — подумал с опаской Михаил — Нет, надо взять себя в руки. Поговорю с ней на Земле...»

Ольга угадывала, что происходит с Михаилом — таким сдержанным, таким нелюдимым! Сердце ее пело.

«Новички» с восхищением рассматривали «библиотеку». Загорский тем временем починил поврежденные рации в скафандрах Ольги и Михаила.

— О, чуть не забыла, — воскликнула Ольга. — Что это за волна, которая выбросила нас в туннель? Слышите, папа!

— Что?..

— Я спрашиваю вас о волне.

— А... Это Земля вам помогла. Это волна морского прилива. — Иван Макарович поднялся. — Пора, товарищи, выступать. У нас еще много неотложной работы. А прежде всего — поднять ракету. Да, пригласите «соседа». — И он коротко рассказал о Дике.

Собрались очень быстро. Захватили с собой и мумию.

— Этот селенит, Иван Макарович, будет действующим лицом нашей первой передачи!

— То есть как?

— Мы ведь привезли телевизионную аппаратуру. Телевизионная передача с Луны!..

— Это зря, — с досадой сказал профессор. — Здесь надо заниматься исследованиями, а не спектаклями... Ну, ладно уж... Пойдемте!

Миляшко шел, опираясь на плечо Загорского, а Ольгу нес на руках Иван Макарович. Вновь прибывшие взяли аппаратуру, инструменты, постели. Позади плелся Дик.

Когда выбрались из каменного лабиринта к вездеходу, у каждого стало легче на душе. Как-то лучше чувствует себя человек под Солнцем. А тут еще и небо необычное: на темном бархате сияет Солнце, огромный голубоватый диск Земли и звезды, звезды... Люди смотрели сквозь очки шлемов на родную Землю, и отсюда она казалась... еще родней!

Нагрузив вездеход, уселись в кузов.

— Да, — вспомнил Загорский. — Машина-то неисправна! Не заводится.

— Очевидно, полупроводник не выдержал холода, — соображал Михаил. — Открой-ка вон ту крышку, слева...

Действительно, оказалось, что лунный мороз словно зубами перекусил полупроводник. Как только его заменили — мотор сразу заработал. На место водителя сел Иван Макарович. Обернулся, пересчитал всех и включил скорость. Машина двинулась, прокладывая след в пыли...

Настроение у профессора стало прекрасным. Теперь он сам начал разговор:

— Представляете, друзья, какое будет великое историческое свершение, если человечество оживит эту планету!

— Да, Иван Макарович! Это будет гигантская лаборатория Земли...

— И не только лаборатория! — восклицает профессор в микрофон. — Величайшая сокровищница. Тут же столько минералов! Да и металлы, наверное, есть, хотя селениты их и не знали. Вот внесем в Организацию Объединенных Наций проект плана оживления Луны — увидите, какое здесь строительство закипит! — Он бросил взгляд на Дика, но тот сидел, как деревянный, не произнося ни слова.

Машина мчалась беззвучно, то вырываясь на холмы, то объезжая горы, лежавшие подобно окаменелым гигантским бронтозаврам, а пассажиры вели разговор о перспективах освоения Луны, о полезных ископаемых и астрономических обсерваториях, археологических раскопках и каменных книгах.

Проскочили черную густую тень в межгорье, и перед глазами раскинулся уже не такой дикий ландшафт: глаз радовала космическая ракета, серебряной иглой вонзившаяся в черное небо. Несколько левее поблескивала и вторая, опрокинутая взрывом.

— Хорошая все-таки штука этот вездеход! — не вытерпел один из прибывших, соскакивая из кузова возле ракеты.

— А вы с собой взяли? — спросил Загорский.

— Нет. Достаточно и этого. Вместо вездехода мы взяли еще двух человек.

— Значит, вас прибыло...

— Шестеро!..

— Вот это хорошо, — одобрил Иван Макарович.

Один за другим поднялись они по металлическим скобам в кабину. Сняли скафандры.

— Ну, а теперь здравствуйте, товарищи! — Иван Макарович обнимал и целовал каждого. — Поздравляю вас с успешным перелетом!

Пятерых Плугарь хорошо знал: это были работники института, а шестой...

— Где я вас видел? — Плугарь остановился возле него. Мне кажется, мы где-то встречались...

В веселых глазах плотного мужчины мелькнула лукавая улыбка.

— Да, мы встречались с вами, Иван Макарович! Накануне вашего вылета... Помните? Я — селенограф... Приносил топографический альбом — детальные карты поверхности Луны...

— А-а, припоминаю! Значит, вам все-таки удалось?..

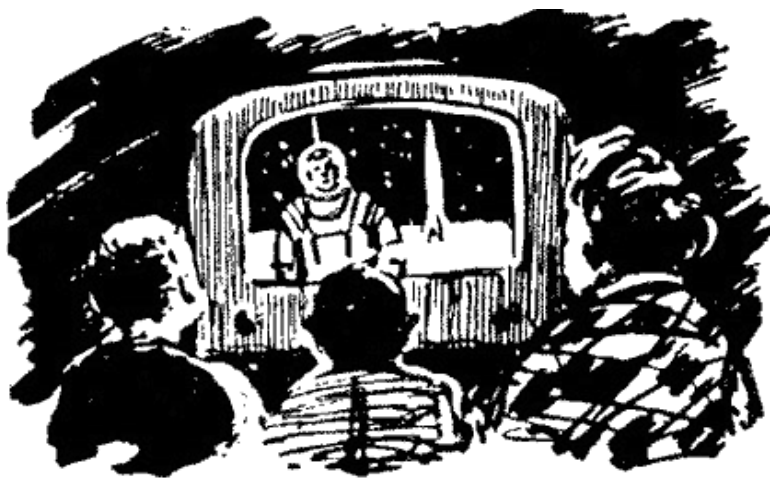
— Как видите — «прорвался»!

— Рад приветствовать вас здесь, на Луне. — Иван Макарович пожал селенографу руку.

Радисты настроили телевизионный передатчик, остальные члены экипажа начали раскрывать мумию.

— А вы ставьте ее перед экраном, — посоветовал Плугарь. Включайте, Николай!

— Готово! Внимание, внимание! Говорит Луна! Начинаем телевизионную передачу... Вот профессор Плугарь...

Иван Макарович подошел к микрофону и, сдерживая волнение, заговорил:

— Здравствуйте, дорогие друзья во всем мире! Вместе с вами мы сейчас переживаем исторический момент: на Луне началась эра человеческой цивилизации...

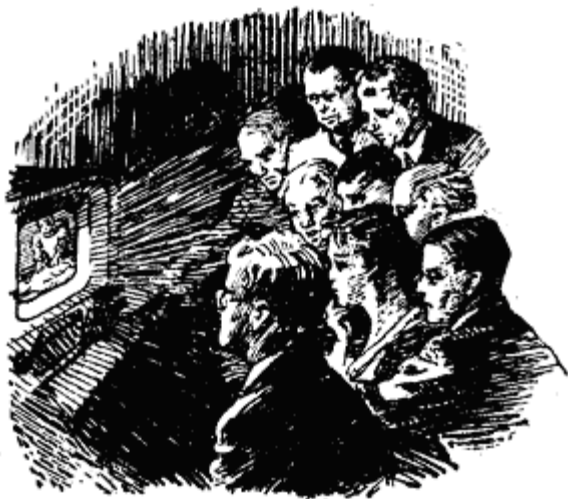
И он рассказал о работе экспедиции, о глубинном городе, о Дике, о планах дальнейших изысканий. Сообщил, что половина экспедиции снова останется на долгую ночь на Луне, а одна ракета вернется на Землю, чтобы доставить сюда продовольствие и новую аппаратуру для добывания кислорода.

Тем временем товарищи придвинули мумию к экрану. Широкое лицо селенита смотрело серьезно, только цвет его

был невыразителен, очевидно, это объяснялось действием бальзамических веществ.

— Видите вы это существо, друзья? Кто же отныне будет сомневаться, что здесь может снова расцвести жизнь? И она расцветет, если народы возьмутся за это дело, если они решительно прибегнут к рукам бизнесменов войны!

Через бездну, отделявшую Луну от Земли, посылал передатчик радиоволны, и они, как на крыльях, несли волнующие слова Плугаря, бросали на миллионы экранов образ селенита — трепещущий и от этого кажущийся живым.

ПЛАНЕТА БУДЕТ ЖИТЬ

Фантастическая новелла

Перевод В. Тимошенко-Пастраки

Твір відшукав Вячеслав НАСТЕЦЬКИЙ
Василь Бережний. «Планета житиме»: фантастична
новела; газета «Молодий комунар» (Чернігів) №129/1328
18.09.1939, с.3.

ПЛАНЕТА ЖИТИМЕ

ФАНТАСТИЧНА НОВЕЛА

1

Илья Трофимович Орловский — директор Центральной Обсерватории. Отправив первую в истории экспедицию на Луну, он ежедневно руководил наблюдениями, улавливал световые сигналы, четко видные в мощный телескоп.

...Огромные шаровидные дома Центральной Обсерватории находятся далеко за городом, среди широкой степи. Казалось, какие-то неведомые великаны закатили сюда каменные мячи. Путь до них ровный — ровный и тугой, словно ими накатанный.

Вечерело, уже ярко горели огни в витринах, когда Илья Трофимович отправился, как и каждый вечер, в Обсерваторию проводить наблюдения. Ехал один.

Мягко шелестят шины по асфальту. Они будто прилипают к дороге, а потом с легким хрустом отрываются. Ветер невидимыми потоками обвеивает бритое лицо, течет за расстегнутый воротник белой рубашки. Хоть и годы уже посебрили волосы, профессор Илья чувствовал себя юношей. Юношей — студентом. У него еще было много желаний. Студентом был — мечтал попасть работать в Обсерваторию, а когда эта мечта сбылась, — возникла новая, грандиозная и небывалая. Он задумал экспедицию на Луну. И дни начали гнаться за ночами, а ночи днями. Летели так, как сейчас летят мимо него деревья.

Запершись у себя в комнате, профессор изучал Циолковского, сидел над моделями мощных дирижаблей и ракет. И все для того, чтобы проверить свою теорию о Луне, о Марсе, чтобы узнать...

Ребенок! Впереди ребенок!

Действительно, в сумерках испуганно метнулась перед машиной небольшая фигура. Руки профессора прикипели к

рулю. Крутой поворот, круче, чем надо было. С огромной силой машина летит под откос. Это произошло за одну, может, две секунды. Перед глазами профессора, как в кинематографе, мелькнула напуганная фигура ребенка; шаровидные дома обсерватории сдвинулись с места и покатались; степь закачалась, как палуба большого корабля, и в ушах зашумела кровь.

2

Где-то далеко за садами, за широкой степью заходит солнце. Его красные лучи окатили ветвистую осину, и она словно пылает огнем. Нервно, безостановочно трепещут листья, пытаясь увернуться от пламени, хотят стряхнуть его с себя...

Даже через занавеску видно – осина уже вся расцвечена огнем, густым и красный. А Илью Трофимовича бросало в холод. На спину словно кто снегом сыпанул.

Лида с ужасом смотрела на больного, было ясно, что его покидают последние силы. Она знала, как он сильно хотел узнать о результатах экспедиции, которую сам организовал и аппаратуру для которой сам соорудил. Неужели же он не преодолеет болезни? Только что ракета «Вселенная» приземлилась в районе города, и начальник экспедиции – ученик профессора Орловского – уже мчится сюда на авто, узнав о его тяжелом состоянии. Он должен вот-вот прибыть. Неужели не успеет? От острого нервного напряжения у Лиды слегка трясется верхняя губа, лицо оросилось мелкими капельками пота.

Прошло несколько долгих минут.

Он?! В коридоре послышались шаги, тихие, но быстрые. Внезапно распахнулись двери, и на пороге встал Владимир. Высокий, статный, в кожаной одежде: сразу из ракеты. Быстро осмотрел взглядом комнату, решительным жестом сорвал с головы пилотку и бросился к своему учителю, бледный, как стена.

— Откройте окно! — бросил он Лиде и обнял полумертвого профессора.

...А тьма давит еще сильнее. Она навалилась на Илью Трофимовича своей холодной грудью и выжимает из него последние капли жизни. Дышать... дышать... И вдруг профессор слышит голос — слабый-слабый, как свет огня вдалеке зажженной спички. И вот голос стал громче, и в густую тьму ворвался огонь. Ярко-красный, пылающий. А... да это же горит осина! И голос какой знакомый. Владимир?

Профессор собрал все свои силы и открыл глаза. Перед ним, как в тумане, юноша белоголовый, Владимир.

— Илья Трофимович!

Профессор пошевелил веками.

— Теория ваша правильная! Слышите — правильная!

Больной лежал на постели, как мертвый. Потом восковое лицо будто прояснело, видно было, что профессор улыбается кому-то мысленно. Слова Владимира он услышал ясно-ясно. Они разогнали тьму, и профессор увидел замечательную картину. Он наблюдал ее и раньше, длинными ночами, когда сидел, задумавшись, над своими творениями. И вот она снова возникла в его сознании, четкая и прекрасная. Это было лишь мгновение, а может, вечность, потому что время для профессора перестало существовать: он видел свою теорию наяву.

...Губы профессора шевелятся...

Перед глазами — панорама. В широкой долине — город. Строения поражают своими размерами и гармоничностью. Они раз в десять больше земных и, что самое интересное, — все круглые. Странно видеть, как они стоят на склоне и не скатываются. Прямых линий здесь вообще нет. Улицы — тоже правильными кругами. Их много, и они пересекаются. Легкими, но прочными дугами перекинута мосты через широкие, совсем высохшие русла.

— Умерла жизнь... — еле слышно шепчет профессор, и мысли плывут одна за другой, разворачиваясь в картины.

Много тысячелетий назад это были полноводные реки, там плавали корабли, лениво плескалась рыба. Теперь город

мертв, как и вся планета. Жизнь здесь возникла на много миллионов лет раньше, чем на Земле, но давно уже умерла. Малая сила тяжести не могла удержать атмосферу, и та медленно, но неуклонно улетучивалась в холодное межпланетное пространство. Вместе с атмосферой покидала планету и вода. Постепенно стали высыхать озера, реки, моря, океаны. Бледная Луна продолжала свои вечные круги вокруг Земли, вместе с ней вокруг Солнца, а жизнь на ней замирала. Межпланетный холод сквозь разреженную атмосферу, как через ветхий полушубок, уже протягивал к планете свои холодные пальцы, страшным морозом вписываясь в ее тело. Разумные существа, заселявшие Луну, упорно боролись за свое существование, производили искусственный воздух, но и это не помогло. словно кроты, они просверливали глубокие шахты к центру планеты, к ее еще теплому сердцу, и так жили долгое время, пока планета совсем не окаменела. Тогда все живое умерло. Страшными привидениями остались маячить первоклассные сооружения — великолепные образцы невиданной архитектуры. Только Солнце наводило ослепительно-яркий глаз на эту гнетущую картину. А Луна по-прежнему кружила вокруг Земли и Солнца, кружила много тысячелетий...

...От огромного города веет страшной пустотой. Холод пронизывает тело профессора, он вздрагивает. А картина стоит в глазах сказочная, словно сон, и четкая, как действительность... Здесь была, очевидно, высокая культура, и все же недостаточная для того, чтобы искусственно воссоздать условия для жизни.

Но что это? Над городом появился ракетопоезд. Один, второй, третий. Они прибывают один за другим... Кажется, будто Земля забрасывает Луну страшными, сигарообразными снарядами. И «снаряды» эти плавно кружат над городом и приземляются где-то далеко за домами-шарами. Видит профессор — ожил город, слышатся голоса людей, победные и радостные. Руслa вдруг наполнились водой, и заблестели на солнце синие волны. Через мосты начали вновь

снова машины причудливой конструкции. Сделанные из прозрачного вещества, они имели форму колеса.

И вот, среди толпы, он видит улыбающееся лицо своего ученика, своего Володи.

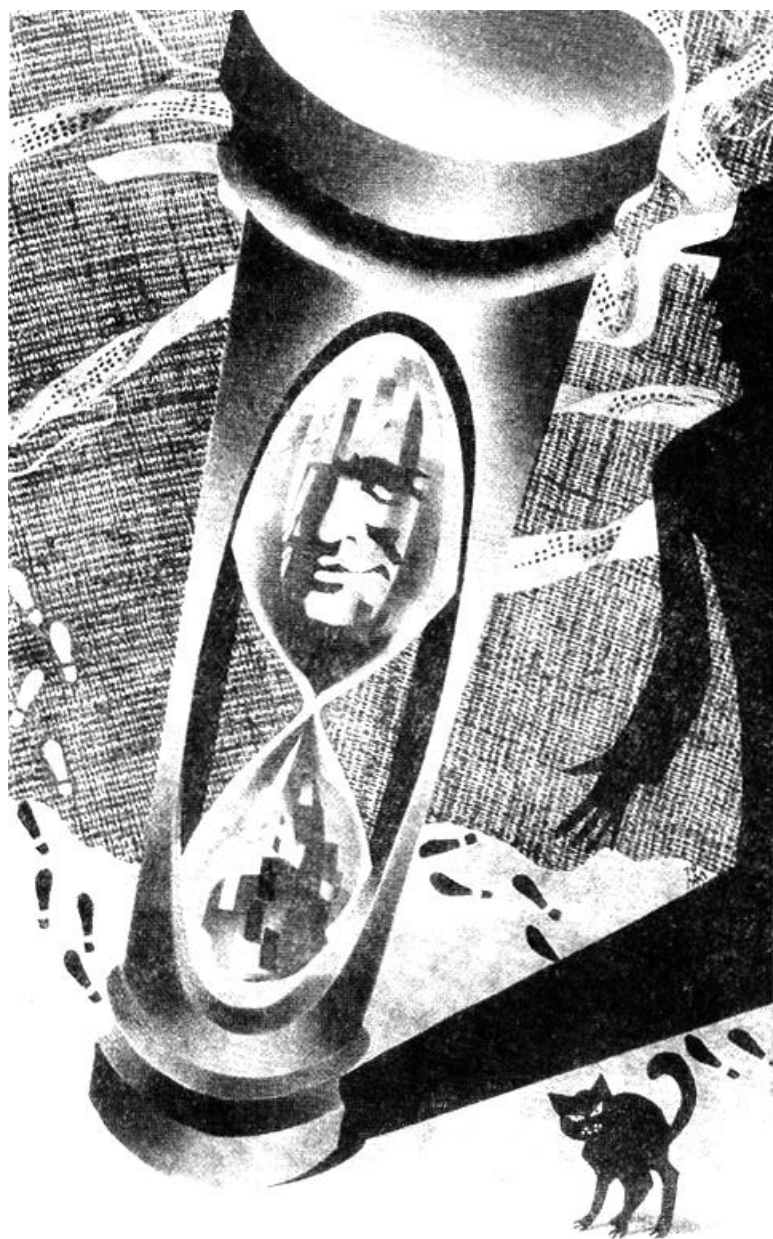
— Разве время умирать, профессор? — говорит Владимир и нежно обнимает его. — Мы оживляем планету, и вы должны помочь нам...

Губы больного зашевелились, и он еле слышно прошептал:

— Да, да, я помогу...

А за окном догорала осина.

В. БЕРЕЖНОЙ

ДЕТЕКТОР ВРЕМЕНИ

Научно-фантастический рассказ

Перевод В. Тимошенко-Пастраки

Опубліковано: КИЇВ-79. Літературно-художній та громадсько-політичний збірник. Випуск другий. Упорядник Ю. Бедзик. К. Рад. письменник. 1979 р.
Твір відшукав Вячеслав НАСТЕЦЬКИЙ, 2019

Василь
Бережний

ДЕТЕКТОР ЧАСУ
Научно-фантастична новела

1

— А теперь будет аттракцион, — сказала Нина, когда мужчины встали из-за обеденного стола. На ее немолодом лице появилась загадочная улыбка, и женщина аж помолодела.

Григорий Федорович поморщился: жена каждый раз что-то выкинет. Они с Мирославом хотели пройтись в Голосеевский лес, подышать свежим воздухом. Там и поговорили бы...

Нина позвала кошку, и та сразу прискакала и начала тереться о ее туфли, высоко поднимая черный пушистый хвост.

— Наша Шуша еще не видела живой мыши! Представьте, Мирослав? Она из квартиры не выходит...

«Вот начнет демонстрировать, как Шуша перепрыгивает через ногу... — раздраженно подумал Григорий Федорович. — Тоже мне аттракцион...»

Сдерживаясь, чтобы не испортить себе настроения, взглянул в широкое окно. Деревья искрились инеем, на ветку села здоровенная свиристель, посыпалась снежная пыль, птица вертит головкой, видимо, высматривает, нет ли на лоджии калины. На улице так красиво...

— Так вот, я достала для нее мышку!

Нина принесла из ванны банку, закрытую пластмассовой крышкой, в которой было несколько дырочек. Белый зверек сидел на задних лапках, скользя передними по стеклу.

- Это мне в лаборатории дали. Правда, симпатичная?

Гость взял банку и начал пристально рассматривать ушастенькое животное.

— Да, она хорошенькая, — сказал, ставя банку на ковер. — Природа не знает границ в своей изобретательности.

Шуша бросилась к банке и, выгнув дугой шею, начала жадно принимать.

— Видите, видите, инстинкт! — воскликнула Нина. — Сейчас я их познакомлю.

— А мне жаль мышку, — возразил Григорий Федорович. От окна он перевел взгляд на беленькое создание с блестящими бусинками глаз.

— А что с ней будет-то? — на бледном лице Мирослава появилось удивление. — Контакт между двумя...

— Этот контакт закончится для мыши очень грустно, Шуша ее съест.

— Не поверю, — покрутил головой Мирослав. Легонькие, как перья, кустики волос на его темени забавно качнулись.

— Бьюсь об заклад! На сто рублей! — Григорий Федорович поглядел на жену и протянул руку. Мирослав, будто стусевавшись, пожал ее. Нина, весело размахнувшись, разбила.

- А ну же, посмотрим... — присела на корточки, сняла крышку и положила банку на бок.

Все затаили дыхание. Мышка, высывая остренькую мордочку и принимаясь, начала двигаться вперед. Наконец, совсем беззаботно вылезла на ковер. Шуша настороженно следила за ней, глядя сверху вниз, затем грациозно тронула ее лапой, понюхала и спокойно легла. Мышь неторопливо обошла вокруг нее, и спряталась под Шушиным животом, только тоненький розовый хвостик виднелся.

Нина всплеснула руками:

— Вот так! Похоже, наша кошка ненормальная!

Вытащила мышку за хвост, посадила Шуше на спину — но та лишь немножечко вздрогнула, почувствовав, как тоненькие лапки перебирают ее пушистую шерсть.

— Ну, что ж... — вздохнул Григорий Федорович. — Я проиграл... Странно, почему не сработал инстинкт...

Он уже жалел, что так сгоряча поспорил, все-таки сто рублей — больше половины месячного заработка. Нина покраснела от досады — нужно ей было демонстрировать эту пакостную мышь! И только гость сохранял полнейший покой, сосредоточенно наблюдая зверей. Даже внимания не обратил на переговоры и шептания супругов. Поднял голову лишь тогда, когда Григорий Федорович протянул руку с деньгами:

— Прошу, вот ваш выигрыш.

— Да что вы? Оставьте, — решительно отказался Мирослав. — Посмотрите, какие это замечательные произведения природы! Какие совершенные живые информационные системы! Вообще, если подумать, то природа — не только непревзойденный конструктор, но и гениальная художница...

Нина вздохнула, пригласила его сесть в кресло у журнального столика, сама уселась напротив, бросив красноречивый взгляд на мужчину, который топтался у окна. После конфуза с «аттракционом» требовалось немного поболтать, а потом и к делу перейти. Этого Мирослава она пригласила на обед неспроста, и сейчас ей захотелось обязательно узнать о нем больше. Чего это он, так спокойно, без колебаний отказался от выигрыша? Это, конечно, благородно, но... чудак. Григорий говорит, что он оригинальный ученый, а как для нее, так самый обычный неудачник. Не доктор, не профессор, даже не кандидат. Какой-то там научный работник, младший, что ли. А он не такой уж и молодой. Голова облысела, щеки запали, а уши... какие у него большие уши! И нос какой-то забавный, словно без перегородки, с одной ноздрей. Тщедушный и хилый человек, может, потому, что и ночами сидит в институте. Где уж там ему жениться... Но все-таки он был бы хорошим семьянином: не пьет, не курит, видно, очень ласковый. Вот они выпили по шкалику, а он и не пригубил. Зато как любит фрукты, — надкусит яблоко, посмотрит на сочную мякоть, и глаза засияют: «Чу-

до! Это самое настоящее чудо!» Немного прихрамывает — это ничего. Попал в какую-то аварию... Может, его женить?

Нина попыталась в шутку заговорить об этом, но Мирослав как будто и не слышал. Его радует, как умывается Шуша, старательно вытирая лапой свою черно-бело-рыжую мордочку. Мыши не съела, а вытирается, четвероногая дурочка... Ну, что ж, если сватовство его не интересует, то и не надо. Главное, чтобы помог, выручил Григория...

— Самое ценное на Земле — это живая природа, — говорит Мирослав. Слово «природа» он произносит с какой-то особой интонацией, будто с большой буквы. — Вы член Общества защиты Природы?

- Нет, еще не вступил...

— Пора, а то... уже будет поздно...

Неловко усмехнулся и так и не досказал, почему же будет «поздно». Сомкнул ладони между коленями и начал ритмично покачиваться в кресле.

Разговор о защите Природы и сохранения жизненной среды не очень интересовал Нину, потому что природа еще оного сколько ресурсов имеет, но из учтивости поддакивала.

— Если говорить шире и глубже, то живое вещество во Вселенной — явление феноменальное, — продолжал Мирослав, покачиваясь и поглядывая на свои сжатые ладони. — Масса Вселенной, как прикинули астрономы, примерно равна 10^{52} тонн. А сколько биомассы?

— Видимо, меньше, — сказал Григорий Федорович, глядя на заснеженные деревья под окном. Свиристель уже исчезла. — На Земле это тоненькая пленочка, а на других планетах Солнечной системы нет и грамма.

— Поэтому, разве не надо беречь каждую живую клетку? — воскликнул Мирослав. Заметив удивленный взгляд хозяйки, добавил: — речь идет, конечно, не о патогенных образованиях.

— Тогда и я согласна, — кивнула Нина. — Беречь! Но все это общие соображения...

— Да, но они имеют принципиальное значение. Ведь будущее начинается сегодня, точнее, уже началось. Техни-

ческая цивилизация поглощает живую Природу. Надо, чтобы все человечество осознало эту угрозу. Разрушать дом, в котором живешь, это, знаете...

На исхудавшем лице ученого появилась мучительная гримаса, будто он вспомнил нечто очень тяжелое для себя. Немного помолчав, гость продолжал развивать ту же тему защиты живой Природы, хотя Нина все время пыталась заговорить о деле. Было упомянуто уничтожение лесов, наступление хищных пустынь, загрязнение нефтью мирового океана, отравление атмосферы атомными взрывами. Нина и сама начала проникаться тревогой, которую вызывали Мирославовы рассуждения. Ученый предостерегает, глядит в будущее!

— Это же ясно как Божий день: только при нормальной эволюции биосферы может развиваться высший вид живой материи — человеческий мозг... В космосе есть цивилизации, которые в техническом развитии далеко перегнали Землю. Но одностороннее развитие бесплодно, это путь к вырождению человеческой популяции.

— Справедливо сказано, — поддержал Григорий Федорович. — Над нами тяготит проклятая дилемма: либо человек, либо природа. А надо, чтобы и человек, и природа.

— Именно так! Гармония — вот основа отношений Человека с Природой...

— Вот если бы гармония была между людьми, — Нина искоса взглянула на мужа, и тот отвернулся к окну, — а то друг другу так и норовят подставить ногу!

— Я такого не замечал, — развел руками гость.

— Вы что, с неба упали?!

— А что, заметно? — ученый улыбнулся. — Но я не падал... Это же опасно.

— Так чего же вы такое говорите? — продолжала насеждать Нина. — Похоже на то, что вы тут недавно. А вот поживете — увидите...

Захватив лидерство в разговоре, Нина быстро повернула его от теоретизирования к тому делу, ради которого, собственно, и был устроен обед. Григорию Федоровичу надо

стать доктором, и почему бы Мирославу, раз он такой сторонник гармоничных отношений, почему бы не помочь в работе над темой? Конечно, не за спасибо, это само собой...

Ученый удивительно легко согласился помогать, однако категорически отказался от какого бы то ни было вознаграждения.

— Охотно поработаем над вашей экологической темой, у меня есть некоторые разработки. Но и я нуждаюсь в помощи. Я хочу... как бы это точнее назвать... Хочу сконструировать Детектор Времени. Нужны будут очень тяжелые детали, а я, сами видите, физически не очень... И если Григорий Федорович поможет...

— О, мой Григорий очень! - Нина смешливо кивнула на мужа. — Видите, какая у него шея? Хоть ободья гни.

— Детектор Времени... — задумчиво сказал Григорий Федорович. — Интересно, интересно. Я, когда смогу...

— Как по мне, — заметила Нина, — так время — это то, чего всегда не хватает.

— Я это чувствую тоже, — кивнул ученый, — и с каждым годом все острее. Так почему же нам не овладеть этой физической реальностью, скажем, для перемещения в пространстве? Теоретически я уже доказал, что Время является источником энергии... Теперь дело за экспериментом...

— А что? — огорчился Григорий Федорович. И скаламбурил: — пришло уже время исследовать время!

— Да, пришло, особенно для меня... - немного грустно сказал ученый. — Это просто необходимость... Пора овладеть этой стихией.

Нина заметила, как на короткий миг в его темных глазах промелькнуло зеленоватое сияние. Словно взорвался осколок времени.

2

Этим пасмурным летним днем Григорий Федорович имел возможность еще раз убедиться, что пресловутый Закон Бутерброда все-таки действует, — тот самый, согласно которому бутерброд падает на пол всегда маслом вниз. Он

задержался на своих занятиях и теперь очень спешил, но, как нарочно, троллейбус, в котором ехал с Крещатика, дважды застревал; затем на остановке «Золотой колос» он перебежал дорогу в неположенном месте, именно там, где «бесцельно» транжирил время милиционер... А в бункере его уже ждал педантично пунктуальный Мирослав. Сегодня у них очень важный, может, даже решающий момент: испытания Детектора Времени. Часа через два должна подъехать Нина — договорились пойти в гости к тому заумному доценту. Хотя она по дороге будет забегать в гастрономы, времени все равно остается мало. Вот если бы построить еще и портативный Детектор... Но это дело будущего, на сегодня они сделали огромную машину весом более двухсот тонн.

Спешно отдав милиционеру рубль, Григорий Федорович трусцой побежал в сторону Голосеевского леса, но пронзительная трель милицейского свистка остановила его, пришлось вернуться и получить квитанцию. Теперь уже не бегом, а, размахивая руками, размеренным шагом пошел по тротуару вдоль ограды выставки. Но если бы он знал, что произойдет вскоре, то, вероятно, вернулся бы обратно. Но он ничего такого не ожидал, шел себе, поглядывая то на пасмурное небо, то на дубы, что там и сям маячили в сосняке. Перебирал в уме события последнего времени.

Еще весной, прогуливаясь тут, в Голосеево, они с Мирославом ушли к озеру и наткнулись на огромный железобетонный бункер, сооруженный, наверное, еще в сорок первом году в системе обороны Киева. Между соснами выпячивался его длиннющий горб, поросший травой. Пробравшись через полузасыпанный вход, они увидели просторное помещение — хоть на лошадях скачи. Лучшего места для Детектора не найти. С тех пор и началась история Бункера с большой буквы.

Сколько пришлось поработать, изготавливая те злополучные гравитационные точки! Не так-то просто было достать сотни тонн металлического лома... Но ведь и Миро-

слав... До сих пор не раскрыл своего метода холодной сварки. Какая-то чертовщина — такой миниатюрный аппаратик, величиной со спичечную коробочку, а все те железки распаял и сварил в два шара... Обещал объяснить. Я, говорит, тебе оставлю... Куда же он уедет? А этот прибор... Какой-то новый вид энергии. В Институте электросварки доктора дадут!

А вот ускорение времени под влиянием тех тяжелых шаров... Сначала верилось, особенно, когда Мирослав доказывал это красивыми симметричными формулами, а сейчас, перед экспериментом, закрадывается сомнение. Сконцентрированная гравитация... искривление пространства... Но как все это... Ну, да вот увидим... Вот уже и Бункер виднеется. Григорий Федорович побежал, как будто его что-то толкнуло в спину, и вбежал в Бункер, запыхавшись.

Под сводом тускло светилась лампочка, значит, руководитель уже здесь. Но где он? Григорий Федорович огляделся — ни за письменным столом, ни в раздевалке нет. Двери в переборке приоткрыты — значит, уже там, возле Детектора.

Торопливо стянул с головы берет и, одергивая пиджак, поспешил туда. В призрачном свете маячили в дальних углах два огромных шара. Между ними и пультом черным змеем извивался кабель высокого напряжения. Панель мерцала индикаторами, следовательно, Детектор работал, но в кресле перед пультом никого не было. Что случилось? Где Мирослав?

Чувство тревоги затрепыхалось в груди. Григорий Федорович стал как вкопанный, и беспомощно смотрел на пульт. Вдруг ему показалось, что в кресле что-то темнеется, словно огромная тень от фигуры ученого. Затаив дыхание, осторожно подошел на несколько шагов ближе. Ничего нет. Мерцающая тень растаяла, да и была ли он? Может, Мирослав, ожидая его, вышел на свежий воздух, прохаживается под соснами...

Григорий Федорович обернулся и поспешил к выходу. Несколько минут напрасно покружил вокруг Бункера,

всматриваясь в лесные тени, затем снова зашел внутрь. Досадливо вздохнув, сел за письменный стол, невзначай окинул взглядом бумаги. О, зеленая папка, вчера ее здесь не было. Развернул и с удивлением прочитал на титульной странице свою фамилию, под ней заголовок монографии: «Биосфера как определяющий фактор эволюции ноосной материи. Социобиологическое исследование» Ого! Напечатал. Когда же он успел?

Глаза жадно побежали по строчкам. Вступление. Общие положения, но как изложено! И здесь мировоззренческие, философские проблемы... Так, дальше. Раны Живой Природы... Нарушение экогенеза на какой-то воображаемой планете.

— Зачитался... Что там такое? — словно издалека раздался Нинин голос.

Смушаясь, указал на титульную страницу:

— Монография...

— Твоя диссертация? — вырвалось у Нины. — Наконец-то... — она кивнула головой на переборку. — Ну, как?

— Да труд основательный, материал богатый, видишь, вот и карты, и таблицы... — Григорий Федорович листал страницы. — Только...

— А что это « "ноосная материя" »? — перебила Нина.

— Очевидно, мозг. По-гречески "ноос" означает, кажется, ум. Только... Разве я могу воспользоваться...

Нина бросила на него испепеляющий взгляд:

— Какие же мы невинные! Нам совестно... И что ты себе думаешь? Ведь и ты что-то здесь мараквал? Так поблагодари за помощь, да и с Богом, Парасю!

— Понимаешь...

— Не будь дураком! Надоело уже.. — Нина снова зыркнула на переборку. — Он там?

— Нет.

— А я думала, что вы уже закончили эксперимент. Нам опаздывать неудобно. Да еще теперь, когда у тебя, считай, готова диссертация... Куда же это он запропастился?

— Он здесь, очевидно, был. Детектор включен.

Пошли за переборку. Григорий Федорович ступал раз-
машисто, за ним жена — совсем неслышно, словно кошка.
Григорий Федорович остановился у пульта и, не оборачива-
ясь, сказал:

— Я, когда зашел сюда... Понимаешь, мне показалось,
будто над креслом качнулась тень, огромная тень с его
очертанием. Тут...

Он сел в кресло, но что говорил дальше, Нина не разо-
брала, голос отдалялся, доносился глухо, будто сквозь вату,
а потом и вовсе пропал. Что-то странное происходило и с
ним самим — фигуру будто окутал сизый туман, еще мгно-
вление — и над креслом качнулась широченная тень, про-
мелькнула и исчезла.

Нина не успела даже вскрикнуть, так и стояла с раскры-
тым ртом и глазами, полными страха. Только что здесь си-
дел ее муж, и вот его нет — исчез, испарился, кресло пу-
стое.

А что это белеет на полу?

Дрожащей рукой женщина подняла бумажку и испуган-
но попятилась от пульта. У дверей в переборке обернулась
— на панели спокойно мигали звезды. Припелась к столу,
где было побольше света, и изможденно опустилась на стул.
Положила листок на диссертацию и мгновенно, одним
взглядом прочла слова, написанные четким почерком уче-
ного:

*«Г. Ф.! Жаль, что Вы опоздали. Время не ждет, я дол-
жен транспортироваться на родную планету, в соседнюю
временно-пространственную сетку координат. Берегите
свою прекрасную Землю!*

Выключите Детектор не ранее 21.00».

Нина долго сидела в оцепенении, в глубокой протра-
ции. «А может, он еще вернется?» — стучало в висках. Но
тоннель во времени—пространстве не открывался. Затем
она взяла зеленую папку и тихо вышла из Бункера.

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

Научно-фантастический рассказ

Перевод В. Тимошенко-Пастраки

Опубліковано: В. Бережний. Формула життя:
Оповідання // Знання та праця, 1964, №1
Твір відшукав Вячеслав НАСТЕЦЬКИЙ, 2018.

ФОРМУЛА ЖИТТЯ

Оповідання

ВАСИЛЬ БЕРЕЖНІЙ

Мал. В. Савдов

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

I.

Когда Роман Падалка зашел в кабинет, президент Общества Космонавтов, седоватый уже мужчина, встал с кресла, обошел стол, заваленный бумагами, и, приветливо улыбаясь, пошел ему навстречу. Было что-то отцовское, теплое, родное в этой его улыбке, и в жестах, и в походке. «Не удивительно, что они так дружили с отцом», — подумалось Роману.

— Здравствуй, мой мальчик!

Президент пожал Роману обе руки и, слегка подталкивая его за плечи, повел к стульям, что стояли вдоль стены. Это

насторожило юношу. «Откажет, видимо уже решил, — подумал Роман, каменея на стуле. — Только хочет, чтобы я не обиделся, чтобы не совершил какой глупости, и т. д.»

— Я гожусь тебе, Роман, в отцы... — начал президент, — жизненный опыт и все такое у меня есть, и я, признаться, не понимаю, вот не понимаю тебя...

«Неужели она, она его подговорила? — пытался Роман разобраться в ситуации. — Жалость? Или, может... нет, нет, всем своим поведением она дала понять, что... надеяться не на что. Даже на жалость».

— Это когда-то, в древности, бывали эксцессы и прочее на почве любви, — продолжал президент, — а в наше время... поверь мне, дорогой мальчик, я же отец, я знаю ее (это «ее» он произнес с нажимом) лучше, и говорю тебе искренне: не стоит так переживать, принимать все это близко к сердцу и так далее, не надо делать отчаянных шагов. Вот такая девчонка выбила тебя из колеи, и так далее!

Роман порывался что-то сказать, но смирлял свой гнев и терпеливо слушал. Президент говорил долго, убедительно, с ним трудно было не согласиться, ибо то, что он говорил, — умное, до очевидности разумное. Но сердце юноши не хотело верить. «Эх, забыли вы юность! — думал Роман, глядя на серебристые виски президента. — Риск? Одиночество? Так мне же именно этого и надо!» Где-то в глубине души шевелилась жалость к себе, и какой-то насмешливый внутренний голос говорил, что это так по-детски — таким способом добиваться девушки, которая отвергла твою любовь, но Роман старался глушить эти мысли. Он твердо решил покинуть Землю, конечно, может и не навсегда, но, во всяком случае, на очень, очень долгое время. Может, десятилетия, проведенные где-то под другими созвездиями, заглушат его боль... Глупо? Пусть будет и глупо, но — красиво. Никто не скажет, что не красиво, даже она. И, может, этот мой красивый жест будет донимать ее всю жизнь, может даже, она впоследствии пожалеет о своем поступке... Пусть! Время покажет. Об этом он даже стихи сочинил — хвалу Времени, которое лечит самые больные раны.

— А, в конце концов... — президент, видно заметив, что напрасно тратит энергию, пожал плечами. — Ты человек взрослый, известный ученый, и должен все взвесить, и так далее, — он встал: — Мне просто ее жаль, она так убивается...

Роман вспыхнул:

— Что вы говорите?..

— ...Она сегодня разговаривала со мной по видеофону. «Уговори и убеди сына». И ее надо понимать, мальчик, ведь ты — сирота. Если б отец был жив...

Роман разочарованно вздохнул.

Президент прошел к своему столу, взял какой-то лист бумаги. Лицо его помрачнело, листок трясся в руке.

— Итак, ты настаиваешь? — в голосе президента слышались сухие, сдержанные нотки.

— Да, я прошу, очень прошу включить меня в экспедиции академика Терричека.

- Ну, что ж... Вижу, что ты на пороге полного разочарования в жизни и так далее, — начал президент, и голос его будто потеплел. — Это уже было бы настоящее бедствие... Надо любить не себя в жизни, а саму жизнь. Так вот... Когда-то, в древности, люди стремились получить хоть небольшой кусок земли — а мы, очевидно, дадим вам целую планету, — он взглянул на наручные часы. — Сейчас начнется заседание совета общества, продлится минут десять. Можешь подождать здесь.

И он вышел из кабинета, размашисто помахивая белым листом.

II.

Их высадили на недавно открытую и совсем еще неисследованную миниатюрную планетку во втором поясе астероидов. Эта планетка еще даже названия не получила и значилась в каталоге второго пояса под номером 66. Диаметр ее — несколько десятков километров, притяжение очень слабое — космический корабль, что доставил сюда ученых, едва смог стать на амортизаторы. «Это ваш большой опыт

преодолеет малое притяжение», — скаламбурил Роман, прощаясь с космонавтом.

И вот они остались одни. Одни на целой планете. Ракета связи прибудет через год, и он весьма энергично предупредил радиоцентр общества, чтобы в течение этого периода его не вызвали к аппарату. «Надо хоть немного поработать в спокойной обстановке». Академик пусть как хочет (у него в Праге жена, дети), может, он хочет ежедекадно проводить сеансы связи, а Роман к микрофону не подойдет. (В душе он все-таки тешил себя мыслью, что Терричек будет сообщать и о нем).

«Не будет времени...» Здесь время будто остановилось. Прошло, может, с час, как стартовала на Землю ракета, а кажется... Впрочем, Падалка решил откинуть всякие «кажется» и, по примеру академика, который сразу подался устанавливать аппаратуру для замеров магнитного поля, взяться за работу. Напевая под нос какую-то песенку без слов, Роман начал надевать скафандр. Это не так-то просто сделать, как может показаться на первый взгляд. Здесь нужна особая тщательность: ведь Роману придется находиться в безатмосферной среде. Правда, планетка окружена слоем какого-то газа, но он доходит только до подножия горы. Кстати, первое, что решил исследовать Падалка, это химический состав этой атмосферы. Одевшись, он через шлюзовую камеру вышел наружу. Толстые оловянные подошвы на ботинках неплохо прижимали его к поверхности, но все-таки двигаться надо осторожно, и то лишь на расстоянии троса, намотанного на барабанчик на поясе и прикрепленного другим концом к бункеру.

Терричек уже вынимал из ящика приборы, они ярко поблескивали на солнце. «Счастливый человек, — подумал Роман про академика. — Кроме взаимодействия магнитных полей нашей планетной системы и галактики, его, кажется, ничто не волнует. А в скафандре и он толстый...»

— Может, вам помочь? — спросил Роман.

— Спасибо, — прозвучал в наушниках сдержанный голос академика, — я сам... пока сам.

«Опасается за аппаратуру, — подумал Падалка. — Эх, если бы ты знал, добрый человек, что за аппаратура бьется у меня в груди... Хочет вывести всеобъемлющую формулу магнетизма... А в какую формулу можно уложить взаимодействие двух сердец?»

III.

Роман влез на гору, чтобы осмотреть окрестности. (В скобках отметим, что это предусмотрено программой исследований — «Общее знакомство»).

Небольшой, но очень яркий диск Солнца висел почти над головой. Ничем не возмущаемая атмосфера планетки напоминала густой туман. Было странно, что он не подни-

мается вверх, а ровно стелется по поверхности. Отсюда, с заатмосферной высоты, пейзаж казался Роману однообразным и пустынным. Только этот горный кряж, раскинувшийся на несколько сотен метров вдоль, оживлял пейзаж. Самая высокая гора, на которую совсем легко влез наш ученый, поднималась на высоту 40-50 метров над атмосферой.

Солнце быстро садилось за горизонт. От горного кряжа на атмосферу легла огромная черная тень. А когда Солнце совсем зашло, густая тьма мгновенно поглотила планету, и Роману показалось, что под ногами у него ничего нет, что он повис в какой-то черной бездне... Впечатление было удручающее. Молчаливость, темнота и безграничное величие пространства давили его со всех сторон, сверху, снизу. Он чувствовал себя неизмеримо маленьким, даже как-то съёжился в скафандре.

— Ты впервые, что ли, в космосе? — прошептал. — Ну, тогда откуда эти... эмоции?

Звуки собственного, хоть и приглушенного, голоса немного взбудрили Романа. Переступил с ноги на ногу, чтобы почувствовать твердое под ногами, и вскоре пришел в себя.

— Ты лучше посмотри, какая красота вокруг! — сказал уже громче. — Какие звезды! А планеты! Вон, видишь Сатурн, видишь кольца?

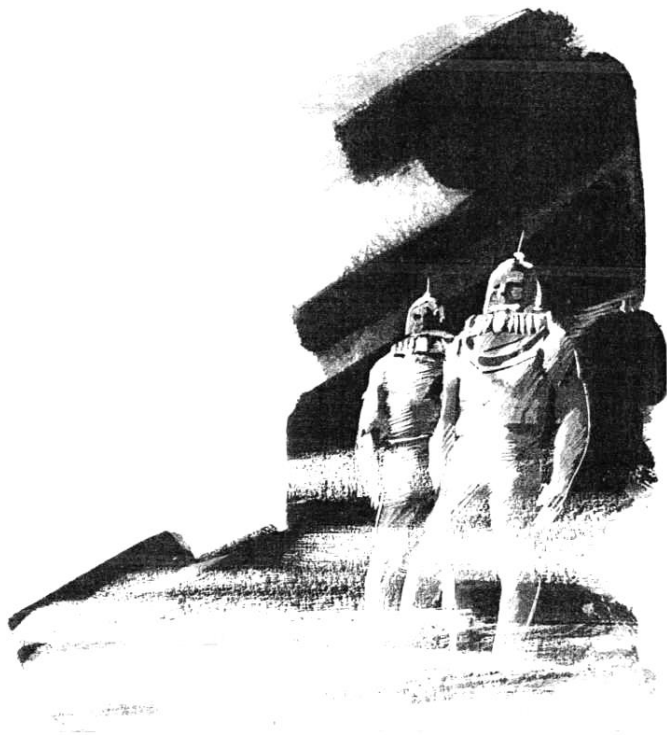
И все же он чувствовал, что его пронзает какое-то ощущение, замешательство перед лицом этого великого, безграничного, того, что нельзя и представить, имя чему — Вселенная.

Когда, наконец, из-за горизонта вновь вынырнуло Солнце, он облегченно вздохнул и начал медленно спускаться вниз.

В одну из своих ночных вылазок Падалка сделал первое значительное открытие — «их» планетка имеет спутников! Одного большого (как Луна у Земли!), а второго — маленького. У этого меньшего не видно диска, и Роман сперва подумал, что он вращается на очень дальнем расстоянии. Но наблюдения и сложные вычисления показали, что радиус орбиты этой ослепительной точки в пятьсот раз меньше ра-

диуса орбиты «местной Луны». Это удивило Романа. Как могла планета с такой малой массой и скудным притяжением захватить хотя бы и небольшой осколок?

Еще больше удивился наш ученый, когда, измеряя диск «Луны», заметил, что и вокруг него движется маленький спутник! Он смотрел в свою астрономическую трубу и хорошо видел черную точку на серебряном фоне диска «Луны». Она двигалась по экватору и исчезала за краем видимого диска... Ему не повезло зафиксировать ее на фотографию, больше он уже не наблюдал этого феномена, хотя не отрывал глаза от трубы, но, несмотря на это, Падалка был уверен, что видел спутника спутника! Правда, ему не удалось убедить в этом академика: Терричек считал, что это — оптический обман. Но ведь Роман хорошо видел — черное пятнышко как будто чертило пунктир на серебряном фоне...

И сюрпризы ждали ученого не только ночью, но и днем.

Как показал анализ, в верхних слоях атмосферы была очень значительная доля кислорода — 10 процентов. Еще больше здесь было какого-то неизвестного на Земле тяжелого элемента, который, очевидно, как-то взаимодействовал с кислородом и азотом. Присутствовали и инертные газы. Во всяком случае, убедившись, что атмосфера не ядовита (при необходимости даже можно будет ее использовать для дыхания!), ученые решили «побродить» в ней, присмотреться, что же она скрывает.

Падалка пошел первым. Сходя вниз по взгорью, он медленно погрузился в атмосферу и заметил это лишь по тому, что небо над головой становилось все голубее и светлее. От подножия горы начиналась широкая долина, вся покрытая какими-то низкорослыми зарослями, а на горизонте, до которого можно было камнем добросить, темнело что-то похожее на водоем.

— На нашей планете есть жизнь! — радостно воскликнул Падалка, вырывая стебелек. Растение очень напомнило ему уменьшенную, — не росток, а именно маленькую, уменьшенную копию нашего дуба или вяза. — Земля в миниатюре... — бормотал ученый.

— Не хватает лишь мыслящих существ, — отозвался Терричек, и в голосе его послышалась веселая ирония.

— А что вы думаете? — ответил Роман. — Было бы очень интересно — поставить человечка на ладонь и поговорить с ним...

— Да вы Гулливер, коллега!

Они еще и в бункере продолжили разговор на эту тему. И хоть Падалка и сам высмеивал идею о наличии у планеты населения, но мысль эта не выходила у него из головы. Заполняя дневник, он начал от нечего делать писать формулу, в которой фигурировали следующие величины: R — радиус Земли, r — радиус астероида 66, H — средняя высота человека, h — средняя высота... жителя астероида. Предположил, что соотношение радиусов соответствует со-

отношению размеров разумных существ. Округлив цифры, получил: $h = 5,3$ сантиметра.

— Формула жизни! — улыбнулся Терричек.

Роман мечтательно сказал:

— Вот были бы настоящие гномики...

— ...если бы эта формула жизни соответствовала действительности, — докончил за него академик, укладываясь спать.

Падалка бросил ручку на стол и закрыл дневник. Поймал себя на том, что поглядывает на слепой глазок осциллографа радиопередатчика. «Поработать в спокойной обстановке»... Ну, вот и работай. Не прошло еще и месяца, а рука сама тянется к выключателю... Все то, что случилось с ним на Земле, отсюда казалось таким мелким, таким незначительным, что теперь ему даже странно было: как он мог делать из этого трагедию? Ну, где-то там есть «девчонка», как сказал президент о своей дочери, и неплохая девчонка — интересная, даже очень интересная, по-своему, она увлечена другим, ну, и что? Главное — огромная Земля, чудо природы с ее растениями, животными, людьми... О, как она манит! И что же случилось бы, если бы он вот взял и послал сигнал?... Поймут ли его? Не высмеют ли в душе, как мальчишку? Да, собственно, и сообщать было нечего, ибо, кроме растительности, он еще ничего интересного не нашел. Спутников еще не исследовал, как положено. Ну, а насчет этих... разумных существ... даже не умных, а просто животных организмов, то... разве такие фантазии можно сообщать в научный центр? Формула жизни... Смех, да и только. Могут поинтересоваться состоянием нервной системы, да еще и отозвать, чего доброго, назад.

Тяжело вздохнув, Падалка заставил себя лечь в постель. В голове была такая путаница мыслей, образов, то четких и внятных, то слишком туманных, — что невозможно было сосредоточиться на чем-то одном. Однако, неимоверным волевым усилием, он понемногу успокоился и заснул. Словно волны его убаюкали.

IV.

Проснулся — академика в бункере уже не было.

— К морю, сегодня же к морю! — восклицал Роман, почему-то потирая руки.

И вот он уже на берегу моря. Вода, прозрачная как стекло, видно песчаное дно, на нем качается, дрожит кружево, сотканное из теней и солнечных зайчиков. Роман, осторожно ступая, побрел на глубину. Долго брел, и все было ему по колено. Потом стало глубже, но выше чем по пояс вода не поднималась.

— Море это или океан? — спрашивал сам у себя. - Видимо, море. И, конечно, еще без названия... — посмотрел вдаль на темно-синие, чернильные волны. — А знаешь, как я тебя назову, море? Тебе, может, и безразлично, но мне... Я назову тебя Морем Девчонки! Слышишь? Отныне ты — Море Девчонки! Пройдут века, тысячелетия, — пусть тогда исследователи расшифруют это название... «Какая такая Девчонка?» — скажут. А ты, море, будешь скрывать тайну... Мы вдвоем только знаем. И еще президент, видимо, догадается. И больше никто...

Вдруг в глубине заметил какую-то продолговатую тень. Та промелькнула, может, за метр от его ног, скользнула и исчезла.

— Подумать только — в Море Девчонки и рыба водится!

Долго стоял, не шевелясь, чтобы не спугнуть рыбу, присматривался. На песчаном дне танцуют золотые зайчики. И вот снова заметил рыбину — она подкралась с другой стороны... «Давай, давай, — думал Роман... — Подплывай ближе, ближе...» И рыба, как будто выполняя его приказ, подплыла совсем близко и остановилась. Падалка замер, затаил дыхание, напрягся, как стрела. Сейчас, сейчас его руки схватят добычу... Бултых! Есть, есть!

Роман преподносит трофей к очкам и... Он так и знал, что это не рыба! На ладонях у него — подводная лодка. Длина его, может, метр или больше, толщина — сантимет-

ров двадцать. С обеих сторон — круглые глазки иллюминаторов.

— А ну, какие вы, голубчики? — весело проговорил Падалка, заглядывая в глазок. — Да не пугайтесь, я вам не сделаю ничего плохого!

Мелкие фигурки внутри лодки, видно, перепугались насмерть. Одни попадали, другие застыли в неестественных позах, другие носились, будто ища выхода.

— Я вас понимаю, милые гномики, — бормотал Роман, — попасть в руки такого великана... Но мы — люди, мы гуманные, мы не посадим вас в зоопарк... Вообще вы не приспособлены к земной жизни, земное притяжение просто раздавит вас. Живите себе на берегах Моря Девчонки и горя не знайте.

"А наверняка же и у них существует любовь (и несчастливая тоже), - подумал Роман. — Может, у кого-то из них есть такая же капризная девчонка... А почему бы и не быть, раз они так поразительно похожи на людей?"

Взяв под мышку лодки, побрел к берегу. Еще не знал, что с ней делать, но в воду не опускал. Закрадывалась мысль занести его в бункер и продемонстрировать перед видеофоном. А почему бы и нет? Ведь лодка герметична, безвоздушное пространство для нее не страшно. Разве что температура... И вообще, надо как-то договориться с ними, завязать отношения, а тогда уже...

Сел на берегу, возле самой воды, положил лодку себе на колени. Где тут люки? Задраили так, что и не заметно...

Заглянул в глазок. Возле него стал гномик и смотрел прямо в глаз Падалке.

— Вот молодец! Не боишься? — в восторге воскликнул Роман. — Подожди, подожди, а может, ты узурпатор? А впрочем, черт с тобой, не буду вмешиваться. Вот только лодку, пожалуй, реквизирую. Что... дорого стоит? Так у вас еще деньги в употреблении? Это ерунда. Вас всех выпущу, а лодку продемонстрирую перед видеофоном. Хотя могут подумать, что игрушку сделал... Но ведь академик Мирослав Терричек подтвердит! Итак, решено — вылезайте!

Падалка осторожно поставил лодки, еще и песка нагреб по бокам, чтобы он случайно не перевернулась.

Прилег, заглянул в глазок. Гномики сидели, как замороженные.

— Ну, открывайте же свои люки!

Они не шевелились.

Роман не знал, что делать. Не хотелось отпускать их, и неприятно было от самой мысли, что он может причинить им вред.

- Ну, что ж... плывите себе, — сказал, поднявшись и осторожно опуская лодку в воду. - Только помните, что отныне море это зовется Морем Девчонки!

Лодка быстро исчезла в глубине. Как будто его и не было.

Чья-то рука легла Роману на плечо и начала тормошить со всей силы.

— Да проснитесь же, наконец! — слышит он голос Терричека и силится открыть глаза. — Сколько можно спать, коллега!

Наконец Падалка смог открыть глаза. В первый миг он ничего не понял: вместо моря — потолок бункера, на фоне которого колыхнется взволнованное лицо академика. Что случилось? Ага... Он приподнимается на постели, а академик трясет его обеими руками за плечи.

— Вы знаете, Роман... тут такое...

— Что случилось?!

— Я только что оттуда... Ваша формула жизни правильная! Я видел их поселение... там, за леском, возле речушки... Да-да, настоящий город!

— Да что вы говорите!?

— Скорее собирайтесь... Возьмем киноаппарат... И будьте осторожны, чтобы случайно не наступить на какой-нибудь дом...

Всегда сдержанный, даже сухой в поведении академик явно был взволнован.

— Вот вам и формула жизни! - восклицал он, ходя по бункеру. — Никогда бы не подумал...

О Г Л А В Л Е Н И Е

ГОЛУБАЯ ПЛАНЕТА

Фантастическая повесть

5

В ЗВЕЗДНЫЕ МИРЫ

Научно-фантастическая повесть

115

ПЛАНЕТА БУДЕТ ЖИТЬ

Фантастическая новелла

315

ДЕТЕКТОР ВРЕМЕНИ

Научно-фантастический рассказ

323

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

Научно-фантастический рассказ

335

